

ISSN 2412-1762

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Москва

ВЕСТНИК

**Международного юридического института
Научно-информационный журнал**

ISSN 2412-1762

№ 1 (72) 2020

Основан в июле 2001 г.
Выходит 1 раз в 3 месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Международный юридический институт

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Жильцов Н.А., к.ю.н., к. пед. н., проф., председатель редколлегии

Чердаков О.И., д.ю.н., проф. (главный редактор)

Буков В.А., к.ю.н., доцент

Демин А.М., к.и.н., доцент

Жильцова О.Н., к.пол.н.

Милосердов В.Н., к.и.н.

Бит-Шабо И.В., д.ю.н., доцент

Епифанова Т.В., к.и.н., доцент

Ходусов А.А., к.ю.н., доцент

Шеховцева Е.Ю., к.э.н., доцент

Лавицкая М.И., д.ист.н., профессор, доцент

Пахолкин Д.А., к.пол.н., декан юридического факультета

Зикеева К.С., выпускающий редактор

Адрес редакции:

127427 Москва,

Кашенкин луг, д. 4

Тел./факс: (495) 9358256

E-mail: science@lawinst.ru

<http://www.lawacademy.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-16506 от 13 октября 2003 г.

© Международный юридический институт, 2020

Все права защищены

Подписано к печати 15.04.2020

13,25 уч. изд. л.

Журнал публикуется на сайте института

<http://lawacademy.ru/>

В НОМЕРЕ

НАУКА И ПРАКТИКА

Теория и история государства и права

Лавицкая Марина Ивановна

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ И СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНИКА 1497 ГОДА И СУДЕБНИКА 1550 ГОДА).....5

Сагателян Гарий Шагенович, Дядя Сергей Андреевич

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБОСТРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: О ВИНОВНИКАХ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....11

Цыгановкин Владимир Анатольевич, Янко Ян Ханс

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА: ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ.....27

Конституционное право

Долидзе Тимур Юрьевич

ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ.....40

Исламов Александр Мухамедович

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ.....50

Хайруллин Тахир Вагизович

ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.....59

Гражданское и предпринимательское право / Гражданский процесс

Белова Ирина Евгеньевна

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И COVID-19.....70

Белова Татьяна Викторовна

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ДИХОТОМИЯ ФУНКЦИЙ РЕГУЛЯТОРА И СОБСТВЕННИКА.....77

Дюкарев Валерий Васильевич, Мигачёва Елена Васильевна <i>АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</i>	84
Князева Елена Юльевна <i>К ВОПРОСУ О САМОРЕГУЛИРОВАНИИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ</i>	92
Милосердов Алексей Сергеевич <i>ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ЭЛЕКТРОННО – ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ</i>	98
Собенина Мария Анатольевна <i>СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ</i>	102
Терехова Валентина Владимировна <i>ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКАХ И БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</i>	109
Тимофеев Станислав Владимирович <i>К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ И ГАРАНТИЯХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ</i>	118

Уголовное право

Земенков Александр Иванович <i>НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ</i>	131
Столяров Дмитрий Анатольевич, Черкас Захар Олегович <i>ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ</i>	135

Философия

Голуб Николай Николаевич <i>О НЕКОТОРЫХ ИДЕЯХ ФИЛОСОФИИ ЙОХАНА ХЕЙЗИНГИ</i>	144
--	-----

СЛОВО СТУДЕНТУ

Бочкарёв Михаил Викторович <i>ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1980 ГОДА</i>	149
Зибров Николай Николаевич <i>СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ)</i>	155

Коваленин Александр Викторович	
ИНТЕРЕСЫ И ОХРАНЯЕМЫЕ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСЫ В СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ.....	163
Кузнецова Дарья Ильинична	
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА.....	172
Ляхов Денис Олегович, Белова Татьяна Викторовна	
К ВОПРОСУ О СРОКАХ ЛИКВИДАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	179
Назаренко Сергей Валериевич	
О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЁННЫХ ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.....	183
Пеньевской Борис Валентинович	
ПОЛНОМОЧИЯ СЧЁТНОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ НОРМАМ.....	189
Поляков Денис Владимирович	
О ГАРМОНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗ.....	194
Самошина Юлия Вадимовна	
УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД: НАЧАЛЬНАЯ (МАКСИМАЛЬНАЯ) ЦЕНА КОНТРАКТА КАК СУЩЕСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ.....	200
Сумцова Екатерина Игоревна	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОФШОРНЫХ КОМПАНИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	205

НАУКА И ПРАКТИКА

Теория и история государства и права

Лавицкая Марина Ивановна,
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры теории права и сравнительного правоведения
Российского государственного гуманитарного университета
Lavitskaya M. I.
doctor of historical Sciences, associate Professor,
Professor Department of the Theory of Law
and Comparative Law Russian State University for the Humanities

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ И СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНИКА 1497 ГОДА И СУДЕБНИКА 1550 ГОДА)

REGULATION OF THE PROCEDURAL STATUS OF A WITNESS AND TESTIMONY IN THE LEGISLATION OF THE MOSCOW PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE SUDEBNIK OF 1497 AND SUDEBNIK OF 1550)

Аннотация. В статье рассмотрены процессуальный статус свидетеля и правовая регламентация свидетельских показаний в московский период в Судебниках 1497 и 1550 г. г. Автор приходит к выводу, что право московского периода несёт на себе пережитки феодального строя и социального неравенства, отражающегося и на оценке судом показаний свидетелей. Но ряд изменений носит прогрессивный характер: совершается трансформация от прежнего послушничества к институту свидетельствования с выделением четырёх видов свидетельских показаний, что показывает постепенный переход от обвинительного к розыскному процессу.

Abstract. The article considers the procedural status of the witness and the legal regulation of witness testimony in the Moscow period, in the Law books of 1497 and 1550 years the author comes to the conclusion that

the right of the Moscow period bears the remnants of the feudal system and social inequality, is reflected in the court's assessment of witnesses, but the number of changes is progressive: is transformation from the previous *poslushnika* to the institution of testimony, highlighting the four types of evidence that shows a gradual transition from the investigative to the accusatory process.

Ключевые слова: видок, послух, свидетель, повальный обыск, свидетельский иммунитет.

Keywords: *vidok, posluh, witness, mass search, witness immunity.*

Е.В. Никитина справедливо относит два Судебника 1497 и 1550 годов к московскому периоду формирования законодательства¹. Судебник 1497 года, с одной стороны, характеризовался тем, что введение его в действие не устранило ранее принятые нормативно-правовые акты (и Псковская судебная грамота, и «Русская правда» продолжали действовать), а с другой, – ознаменовало собой постепенный переход от обвинительной к розыскной модели процесса. Однако применялась последняя модель только по тяжким преступлениям, в остальных случаях обвинительный процесс по-прежнему оставался актуальным. Причисление к лихим людям именовалось облихованием, и при этой процедуре использовались показания послухов («чёрных» людей или боярских детей), имевших хорошую репутацию, по результатам чего субъект мог быть провозглашён татем, если об этом заявили пять-шесть таких послухов.

Таким образом, послухи по-прежнему сохраняются в акте как процессуальные фигуры, однако постепенно изменяется их статус: если ранее они выполняли функции, скорее, соприсяжников, то теперь они приобретают больше черт полноценных свидетелей. Чтобы участвовать в процессе, они не должны были быть участниками разбираемого судом дела, но должны были иметь совершеннолетний возраст. Этот Судебник по-прежнему устанавливал весьма суровые наказания за отказ от дачи показаний, за лжесвидетельство, а также за избыточность речей послуха, чьи показания выходили за рамки показаний стороны (ст.51 – «а послух не говорит перед судиями в исцевы речи...»). Однако наказание за неявку в суд, которое тоже было, не при-

---

¹ Никитина Е. В. Из истории развития средств доказывания // Актуальные проблемы российского права. 2014. №11 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-sredstv-dokazyvaniya>

менялось, если были оправдательные причины неприхода ввиду занятости или болезни. Примечательно, что наказанию подвергнулся не только сам послух, но и та сторона, которая вызвала его в процесс. Самым серьёзным наказанием для стороны было даже не возложение на неё всех судебных пошлин, т.е. судебных расходов по ведению дела, но итоговый проигрыш спора. Некоторые исследователи (А. Макеев) уверяют, что в качестве наказания эти пошлины могли быть наложены и на свидетеля.

Среди учёных идёт спор, когда именно послухи превратились в свидетеля-очевидца: согласно положениям этого Судебника или позднее, в 1550 году, в другом Судебнике. Последней точки зрения придерживается, например, белорусский процессуалист Л. И. Родевич, которая уверяет, что послух стал свидетелем-очевидцем только с момента введения в действие Судебника 1550 года. Наше изучение источников не подтверждает её позицию, поскольку статья 67 Судебника 1497 года говорит об обратном. Возможно, указанная статья этого нормативно-правового акта делает смысловой акцент на послушествовании «не видево ложно», за лжесвидетельствование и следует наказание. А в Судебнике 1550 года прямо сказано: «не видево не послушествовать, а видевоши сказать правду».

Впрочем, учёные не могут выработать единую консолидированную позицию по этому вопросу, а также критериев по поводу отграничения видака от послуха, потому что сами древние источники права написаны противоречиво. По-видимому, в некоторых случаях (если не принимать в расчёт банальную ошибку переписчика) существовало терминологическое смешение двух видов свидетелей ещё в период активного действия «Русской правды», а дефинирования как приёма законодательной техники не было, поэтому, исходя из юридико-технического уровня актов, и происходит такое отсутствие ясности в работах исследователей.

Судебник 1497 года интересен ещё тем, что в нём появилась законодательно закреплённая возможность допрашивать обвиняемых как свидетелей (естественно, не в отношении собственного противоправного деяния, а в отношении других преступлений), что говорит о расширении предела допустимости доказательств по сравнению с положениями ранее действовавших нормативно-правовых актов, а также производить повальный обыск, который считался особой формой свидетельских показаний.

Обыск изменил свою семантику по сравнению с нынешним временем и использовался в значении «опрос», но он уже был не послушеством, а, по словам Н. В. Сидоровой¹, переходом от него к уголовному свидетельству под присягой. Последнее отличалось от присяги в Древней Руси, когда присягали перед Богом, а не перед судом. Такой же позиции, как Н. Сидорова, придерживался и дореволюционный исследователь В. Спасович².

Сущность повального обыска была в массовом опросе (50-100 человек, кроме членов семьи самого субъекта, о котором идёт опрос) представителей общины об имеющейся репутации обвиняемого. Большое число общинников должны были дать ответ на вопрос: «Является ли данный субъект добрым человеком или татем?» А. С. Кобликов указывает, что правовым последствием повального обыска и объявления по его результатам субъекта добрым человеком или татем была форма выбора вида дальнейшего процесса: в первом случае он оставался обвинительным, во втором – становился розыскным³.

Целью повального обыска считалось установление истинности репутации обвиняемого. А результатом опроса было ещё и определение дальнейшей его участи: если мнения о нём разделялись пополам – часть общинников его обличивала, а часть добрила, – то он помещался в тюрьму пожизненно. При таких обстоятельствах стороны процесса получали возможность «ссылаться на кожу» преступника, т.е. требовать от суда применить к нему пытки. В дальнейшем, если выяснялись обстоятельства, всё же свидетельствовавшие об участии его в разбое или татьбе, его подвергали казни, а необоснованно отозвавшихся о нём положительно штрафовали. Хотя, конечно, наиболее предпочтительным средством доказывания совершения преступного деяния считалось собственное признание обвиняемого.

Однако сам институт повального обыска просуществовал, мог применяться, пусть и достаточно редко из-за трудностей с его организацией и малоэффективности, вплоть до Великих реформ Александра

---

¹ Сидорова Н. В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 25.

² Спасович В. Д. О теории судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: Юрид. лит. 2001. С.17.

³ Кобликов А. С. Развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства // Уголовный процесс. Учебник для вузов / Под общ. ред. А. С. Кобликова. М. 1999. С. 14.

Освободителя, т.е. до 60-х годов XIX века. М.Ф. Владимирский-Буданов, анализируя историю его возникновения, полагал, что здесь наблюдаются «пережитки участия общины в ловле преступников, а также её старинного права принимать участие в суде»¹.

Судебник 1550 г., как и предыдущий, в сущности, с незначительными изменениями повторял нормы ранее действовавших актов «Русской правды» и Псковской судебной грамоты. Наш вывод по этому поводу вполне согласуется с заключением зарубежных учёных². Он был более объёмный, нежели предыдущий, но и в нём процесс существовал в двух ипостасях, т.е. как обвинительный и розыскной, причём оба эти процесса получили отдельные наименования: обвинительный назывался «суд», а розыскной – «сыск». В обоих процессах применялись свидетельские показания как средство доказывания. По-прежнему применялись показания послухов, которые окончательно превратились в свидетелей-очевидцев, для них существовал запрет на дачу показаний с чужих слов.

Их правовое положение регламентировалось в ст. ст. 15, 16, 17, 18, 28 этого акта. Активно развивался институт повального обыска (ст. ст. 52, 56, 57, 58, 73 Судебника 1550 г.), использование которого предваряла пытка обвиняемого, которая как средство доказывания получила своё распространение уже в Судебнике 1497 года и могла к обвиняемому применяться троекратно. Она применялась либо к обличённым субъектам, либо в отношении захваченных с поличным, или, например, в отношении «татей ведомых» (по-видимому, аналог вора-рецидивиста в советском уголовном законодательстве).

«Поличное» в начале XVI века, как утверждал С. Шумаков, трактовалось как найденное, обнаруженное похищенное имущество в месте нахождения или жительства вора, уличавшее его в совершении преступления³. «Поличное» в этом значении, сменив понимание понятия «поличное» как пойманность, застигнутость на месте преступления, бытовавшее ранее, вернулось сейчас в современный язык в преж-

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2005. С. 734.

² Давид Р. Основные правовые системы современности. Пер. В. А. Туманов. М.: Международные отношения. 2003. С.117.

³ Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М. 1895: Ноябрь / С. Шумаков // Журнал юридического общества: Ноябрь. При Императорском С.-Петербургском университете. С-Пб.: Тип. Правительствующего Сената. 1895. Кн. 9. С. 1-6.

нем значении. Обратим внимание на мнение И. Я. Фойницкого, что розыскной процесс применялся не только в вышеуказанных случаях, но и по определённым категориям дел, например, при разбое с поличным¹. Он же в качестве применяемых по этому Судебнику доказательств называет «повальный обыск, язычные молки (свидетельства), оговор, поличное и признание»².

Итак, в этот период постепенно совершается переход от прежнего послушничества к институту свидетельствования с постепенным переходом к четырём видам свидетельских показаний (ссылка из виноватого, общая ссылка, скаски свидетелей, повальный обыск). Последнее доказательство постепенно со временем к концу XVII века меняет свой характер и начинает пониматься не только как массовый опрос с целью выяснить репутационные показатели обвиняемого, но начинает трактоваться и как самостоятельное средство доказывания, целью которого было установление виновности определённого субъекта. Языческая молка тоже, видимо, является особым доказательством, разновидностью свидетельских показаний, имевших не только временные ограничения по применимости, но и различное толкование её природы со стороны процессуалистов.

Оставаясь продуктом своей эпохи, право московского периода несёт на себе пережитки феодального строя и социального неравенства, отражающегося и на оценке судом показаний свидетелей. Ряд субъектов дискриминируются и по другим критериям (например, по гендерному признаку) из-за общих патриархальных устоев, царивших в обществе в этот период. Однако, невзирая на это, в этот период начинается постепенный переход от обвинительного к розыскному процессу, окончательно закрепившемуся только в петровском законодательстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2005. 1250 с.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности. Пер. – В. А. Туманов. М.: Международные отношения. 2003. 400 с.

---

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства; под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа. 1996. Т. 1. С.33.

² Там же.

3. Кобликов А. С. Развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства / Уголовный процесс. Учебник для вузов / Под общ. ред. А. С. Кобликова. М. 1999. 384 с.

4. Никитина Е. В. Из истории развития средств доказывания // Актуальные проблемы российского права. 2014. №11 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-sredstv-dokazyvaniya>

5. Сидорова Н. В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень. 2004. 269 с.

6. Спасович В. Д. О теории судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: Юрид. лит. 2001. 491 с.

7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства; под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа. 1996. Т. 1. 552 с.

8. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М. 1895: Ноябрь / С. Шумаков // Журнал юридического общества: Ноябрь. При Императорском С.-Петербургском университете. С-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895, Кн. 9.

Сагателян Гарий Шагенович,

доктор исторических наук, профессор,

профессор отделения общеинститутской кафедры

теории права и государственно-правовых дисциплин

Одинцовского филиала Международного юридического института

Дядя Сергей Андреевич,

кандидат философских наук, доцент,

директор Одинцовского филиала

Международного юридического института

Sagatelyan G.Sh.

doctor of historical Sciences, Professor

Professor of the Department of the General Institute

Department theory of law and state-legal disciplines

Odintsovo branch International law Institute.

Diadia S.A.

candidate of philosophy, associate Professor,

Director of the Odintsovo branch International law Institute

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБОСТРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: О ВИНОВНИКАХ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

TO THE QUESTION ABOUT THE REASONS FOR THE ESCALATION OF THE INFORMATION WAR: ABOUT WHO STARTED THE SECOND WORLD WAR

Аннотация. В обстановке острой информационной войны, развязанной западными средствами массовой информации против Российской Федерации, предыстория Второй мировой войны стала ареной острого и жаркого противостояния, в ходе которого, в некоторых случаях, она представляется в довольно искажённом виде. Авторы отмечают, что в последние годы делается всё, чтобы сделать СССР главным виновником начала Второй мировой войны. При этом стараются предать забвению политику умиротворения западных стран, венцом которой стал Мюнхенский договор, ставший, по мнению авторов, главным детонатором новой мировой войны. Замалчивается участие миллионов европейцев в походе Гитлера против СССР и тот невосполнимый ущерб, который они нанесли нашей стране. Выпячивая на первый план советско-германский договор от 23 августа 1939 года, на Западе старательно умалчивают о том, что почти все европейские страны к тому времени заключили аналогичные договоры с Гитлером. Дальней целью новой холодной войны могут являться попытки пересмотра итогов Ялтинских и Потсдамских соглашений, которые будут иметь катастрофический характер для всего мира.

Annotation. In the context of the acute information war unleashed by the Western media against the Russian Federation, the prehistory of the second world war has become the scene of a sharp and heated confrontation, during which, in some cases, it appears quite distorted. The authors note that in recent years, everything is being done to make the USSR the main culprit of the beginning of the second world war. At the same time, they try to forget the policy of appeasement of Western countries, the crown of which was the Munich agreement, which, according to the authors, became the main detonator of the new world war. The participation of millions of Europeans in Hitler's campaign against the Soviet Union, and the irreparable damage they caused to our country, is being suppressed. By emphasizing the Soviet-German Treaty of August 23, 1939, the West is

studiously silent about the fact that almost all European countries had concluded similar agreements with Hitler by that time. The long-term goal of the new cold war may be attempts to revise the results of the Yalta and Potsdam agreements, which will be disastrous for the entire world.

Ключевые слова: информационная война, цели фальсификации, союзники Гитлера, политика Чемберлена, мюнхенские соглашения, уничтожение Чехословакии, предательство Польши, оценка Черчилля, ложь Б. Джонсона, опасность для мира.

Keywords: information war, falsification goals, Hitler's allies, Chamberlain's policy, Munich agreements, destruction of Czechoslovakia, betrayal of Poland, Churchill's assessment, B. Johnson's lie, danger to the world.

В связи с 80-летием начала Второй мировой войны и приближающимся 75-летием Победы над Германией информационная война в сфере исторической памяти народов обострилась. Коллективный Запад прилагает колоссальные усилия, чтобы стереть правду истории о причинах и виновниках начала Второй мировой войны. Эта информационная война является составной частью новой холодной войны, которая разворачивается на наших глазах. При этом, как отмечает директор института США и Канады С. М. Рогов, «в новой холодной войне Россия одна противостоит США и их союзникам. В этом конфликте практически не участвует целый ряд других важных игроков»¹.

Предавая забвению огромные жертвы, которые принесли народы Советского Союза в борьбе против фашизма, пропагандируя решающую роль США в Победе над Германией, западные страны делают всё, чтобы сделать из СССР главного виновника войны. Отсюда то гипертрофированное внимание к пакту о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года. Одновременно предпринимаются шаги, направленные на то, чтобы стереть из памяти народов мира политику умиротворения Гитлера, договора о дружбе и ненападении, заключённых почти всеми европейскими странами с Германией. Наконец, пытаются стереть из памяти участие большинства европейских стран в походе Гитлера с целью уничтожения СССР.

Возникает вопрос: почему в последние годы страны Запада резко активизировали усилия по внедрению в массовое сознание тезиса о

---

¹ Холодная война 2.0 уже идёт. Приложение к «Независимой газете». «НГ-сценарии». 21 октября 2019.

виновности СССР в развязывании Второй мировой войны? По нашему мнению, Запад, считающий победу в холодной войне своим величайшим достижением, стремится закрепить её окончательно. И наилучшим способом, по мнению его стратегов, является очернение роли СССР и его наследницы России как главного виновника, наряду с Гитлером, в развязывании Второй мировой войны. Справедливости ради отметим, что некоторые российские историки также придерживаются тезиса о виновности СССР в начале войны. Вот, что писал по этому поводу Д. Г. Наджафов: «В процессе войны Советский Союз и страны демократического Запада оказались в одной коалиции, противостоящей Германии и её партнёрам по оси. С началом же войны, что следует отметить особо, СССР фактически принял сторону агрессивной нацисткой Германии, а не её врагов и своих потенциальных союзников – Франции и Англии»¹. Одновременно активно насаждается тезис о решающей роли США в разгроме гитлеровской Германии. Ещё раз отметим, что в постсоветский период тотальная информационная война по этим вопросам только нарастает.

Целью настоящей статьи является развенчание такой позиции, чтобы понять, почему холодная война 2.0. обострилась именно в последние годы, почему такая коллективная позиция Запада, в том числе, бывших стран советского блока опасна не только для России, но и для мирного будущего всех народов мира. В колоссальной по объёму и тематике проблеме, связанной с вопросом начала Второй мировой войны, мы остановимся лишь на некоторых важных, с нашей точки зрения, аспектах.

Во-первых, следует сказать, что после прихода к власти Гитлера фашизация Европы ускориалась. Фашистские и авторитарные режимы были установлены в Испании, Португалии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Югославии, Албании, Польше, Литве, Латвии, Эстонии. Все они заключили договоры и установили прочные отношения с Германией². Одной из первых договор с Гитлером подписал глава Польши Ё. Пилсудский. В 1934 году была подписана Польско-германская декларация о ненападении и дружбе. В октябре 1934 года фашистские лидеры Италии и Германии Б. Муссолини и А. Гитлер

---

¹Наджафов Д. Г. К вопросу о генезисе холодной войны / Сталин. Сталинизм. Советское общество. Под ред. Г.Ш. Сагателяна и др. М.: ИРИ РАН. 2000. С. 159.

²Пленков О. Ю. Новейшая история Европы и Америки. М. 2014. С.117.

объявили о создании оси «Берлин-Рим». В ноябре 1936 года Й. фон Риббентроп и глава МИД Японии К. Мисакодзи подписали антикоминтерновский пакт¹.

Европейские страны после прихода к власти Гитлера дружно бросились укреплять отношения с Германией. В 1933 году Великобритания, Франция, Италия и Германия заключили пакт четырёх; в 1935 Великобритания заключила с Германией морское соглашение; в сентябре 1938 года Германия и Великобритания подписали декларацию о ненападении; в декабре 1938 года аналогичный пакт подписала Франция; в марте 1939 года Румыния подписала с Германией экономическое соглашение; в марте 1939 года договор о ненападении с Гитлером подписала Литва; в мае 1939 года Италия подписала пакт о союзе и дружбе; в мае 1939 года Дания подписала с Германией договор о ненападении. Но все эти страны делают вид, что всего этого не было, а только и твердят о советско-германском договоре. Если официально западные деятели находили предлоги для умиротворения Гитлера, то неофициально многие из них не скрывали, что хотели бы направить агрессию Германии на Восток, чтобы покончить с СССР. Фактически от этой стратегической цели они никогда не отказывались после победы Октябрьской революции. Именно антикоммунизм и русофобия были движущим стимулом всей внешней политики по отношению к СССР в межвоенный период. Отсюда недоверие и неприятие многих советских инициатив, направленных на создание системы коллективной безопасности в Европе в этот период.

Во-вторых, – это стремление «забыть» участие европейских стран в тотальной войне Германии против советского народа. Западные страны делают всё, чтобы замолчать и принизить собственную роль в пособничестве Гитлеру и его клике в развязывании войны. За лавиной публикаций и голословных обвинений в адрес советского народа и Красной Армии прослеживается чёткая цель: стереть из памяти народов, в том числе, российского, факт о том, что представители почти всех стран Европы воевали на стороне Гитлера против СССР. Итальянские, венгерские, финские и румынские армии активно участвовали в сражениях против Красной Армии на Восточном фронте. Воинские соединения других стран – Словакии, Испании, Голлан-

---

¹ Системная история международных отношений. В двух томах. Под ред. А. Д. Богатурова. Т.1. События 1918-1945. М.: Московский рабочий. 2006. С. 280-281.

дии, Франции, Дании, Латвии, Литвы, Польши, Хорватии, Эстонии – также активно воевали на стороне Германии. Можно согласиться с мнением, что «в годы войны против нас воевала вся Европа. Триста пятьдесят миллионов человек, вне зависимости от того, сражались они с оружием в руках или стояли у станка, производя оружие для вермахта, делали одно дело. За Гитлера против СССР сражались два миллиона европейских добровольцев»¹. Их жертвами стало огромное число бойцов и командиров Красной Армии, мирного населения, они нанесли колоссальный вред народному хозяйству СССР.

Недавно «Военное обозрение» писало о «подвигах» испанской «Голубой дивизии»: «13 июля 1941 года первые эшелоны с добровольцами “Голубой дивизии” отправились из Испании на Восток. Они пели: “Россия – вопрос одного дня для нашей пехоты. Возьмём её за день, возьмём за два, вернёмся и возьмём Гибралтар”. По численности “Голубая дивизия” соответствовала советскому корпусу. Так, в июле 1941 года в ней состояло 18 693 человека. А всего на Восточном фронте побывало свыше 50 тыс. испанцев. Кроме этого, на Восточном фронте действовали пять испанских эскадрилий»². Очевидно, что они нанесли большой урон нашей армии и населению оккупированных территорий. При этом с самого начала они проявили себя как жестокие и циничные оккупанты. «Для начала “голубые” пограбили Новгород. С августа 1941-го по август 1942 года Новгородский кремль и центр города контролировались подразделениями “Голубой пехотной дивизии”. Грабили и разрушали дома, убивали местных жителей. Тотально грабили обывателей и десятки церквей. Так, в январе 1942 года испанцы гранатами взорвали двери собора Михаила Архангела на Прусской улице и утащили все иконы и церковную утварь. В церкви Феодора Стратилата “набожные” ребята жгли костры из икон. Разожгли костёр и в Знаменском соборе, в результате чего собор сгорел. Испанцы ограбили Новгородский исторический музей и увезли всю его библиотеку, а в здании музея устроили морг. В дальнейшем испанцы активно участвовали в ограблении пригородов Ленинграда. Печально, что вместо покаяния испанские газеты возносят подвиги “Голубой дивизии”»³.

---

¹ Турченко С. Против нас воевала вся Европа // Свободная пресса. 8 мая 2010.

² О борьбе с фальсификацией истории Второй мировой войны // Военное обозрение. 31 января 2020.

³ Там же.

В этой связи следует, по нашему мнению, подчеркнуть, что наследники тех, кто воевал на стороне Гитлера против советского народа, стараясь скрыть историческую вину за сотни тысяч убитых советских людей, за грабёж мирного населения, пытаются свалить всю вину на Советский Союз. Именно поэтому Европарламент назвал СССР главной виновницей войны наряду с Германией. В этом одна из главных причин единодушия европейцев по вопросу начала Второй мировой войны.

В-третьих, в предвоенные годы советское общество в условиях «осаждённой крепости», частичной закрытости испытывало глубокое недоверие к странам Запада. Тезис советской пропаганды о том, что капиталистические страны хотят во что бы то ни стало уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян, глубоко укоренился не только среди народных масс, но и элиты правящей партии¹. Это недоверие было также продуктом политики советского руководства, которое считало, что капиталистический мир готовит войну, чтобы уничтожить СССР. Сталин, и в этом он выражал мнение большинства советских людей, не доверял политике западных стран, считал, что война с капитализмом неизбежна². Одним из постулатов внешней политики вождя было использование противоречий между крупными империалистическими странами в интересах СССР. Советско-германский договор был заключён, исходя из логики такого подхода. А. Наджафов считает, что такая политика была порождена классовой идеологией, которой руководствовались советские руководители³.

Такое же глубокое недоверие испытывали руководители западных стран по отношению к СССР и его руководству. Призывы к мировой революции, лозунги о будущих победах Красной Армии с помощью порабощённых народов капиталистических стран пугали как обывателей, так и правящие круги. Поэтому можно говорить о тоталь-

---

¹ Голубев А. В. В осаждённой крепости (К вопросу о предпосылках холодной войны) Советское общество: Будни холодной войны. Под ред. В. С. Лельчука, Г. Ш. Сагателяна и др. М.: ИРИ РАН. 2000. С. 40-55.

² Лельчук В. С. Сталин и холодная война / Советское общество: Будни холодной войны. Под ред. В. С. Лельчука, Г. Ш. Сагателяна и др. М. 2000.: ИРИ РАН. С. 6-9.

³ Наджафов Д. Г. К вопросу о генезисе холодной войны / Сталин. Сталинизм. Советское общество. Под ред. Г.Ш. Сагателяна и др. М.: ИРИ РАН. 2000. С. 160,161.

ном недоверии как к советским людям, так и к Сталину среди руководителей Англии, Франции, США, Польши и др.

Обратимся к лидеру мировой державы предвоенных лет Великобритании Н. Чемберлену. Он был категорическим противником СССР, каких-либо договорённостей с ним, не доверял Сталину и советскому руководству. При этом он выражал коллективное мнение английской правящей элиты. Один из видных деятелей кабинета, заместитель министра иностранных дел Великобритании Кадоган отмечал: «Премьер-министр (Чемберлен) заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». О том, что это глубоко продуманная позиция, свидетельствует письмо от 26 марта 1938 года. В нём Чемберлен писал: «Должен признаться, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в её способность провести действенное наступление, даже если бы этого она хотела. И я не доверяю её мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она хочет только рассорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния, Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением»¹. Такая же позиция была в правящих кругах Франции и других европейских стран. В таких условиях ни СССР, ни Англия с Францией не были готовы идти на союз друг с другом.

Возникает вопрос, почему СССР и союзники (Англия, Франция, Чехословакия) не объединились, чтобы совместными усилиями задать нацизм, не дать полыхнуть новой войне. Причины, по нашему мнению, кроются в той обстановке в СССР и на Западе, которая была характерна накануне второй мировой войны. Это, с одной стороны, стремление лидеров западных демократий руками Гитлера уничтожить Советский Союз, с другой стороны, – тотальное недоверие сторон друг к другу.

В-четвертых, – это стремление, сделав упор на советско-германский пакт 1939 года, замолчать роль политики умиротворения Гитлера, венцом которой стал Мюнхенский сговор 1938 года Чемберлена и Даладьё с Гитлером и Муссолини. Остановимся на этом подробнее.

Рассматривая причины проведения такой политики, можно согласиться с Л. Ивашовым, что одна часть франко-британской элиты

---

¹ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн.1. Т.1.Надвигающаяся буря. М. 2012. С. 160.

выступала за обуздание Гитлера коллективными усилиями совместно с СССР. Другая же, особенно англичане, стремилась помочь Гитлеру осуществить пресловутый «Дранг нах остен». Эти колебания между двумя вариантами действий в конце концов и привели к политике умиротворения Гитлера, к попыткам создать ему благоприятные условия для канализации устремлений на Восток. В сентябре 1938 года английские и французские верхи пошли на мюнхенские договорённости с Гитлером и в качестве отступных безоговорочно сдали Чехословакию¹.

В связи с 80-летием начала второй мировой войны премьер-министр Великобритании Б. Джонсон выступил с видеобращением, в котором рассказал об обстоятельствах начала Второй мировой войны и заявил, что Польша в 1939 году оказалась «между фашистским молотом и коммунистической наковальней»². То есть фактически приравнивал гитлеровскую Германию и Советский Союз как виновников войны. Обращаясь к одиозному выпад Б. Джонсона, отметим, что такие словесные выкрутасы британского премьера не случайны. Именно политика Великобритании в решающей степени привела к заключению мюнхенских соглашений, ставших спусковым крючком начала Второй мировой войны.

В западной историографии по вопросу о сущности и последствиях заключения Мюнхенских соглашений доминирует концепция вынужденности этих соглашений: они были заключены с целью не допустить начало войны, умиротворить Германию³. При этом значительная часть авторов английских и американских учебников истории не считает нужным анализировать последствия Мюнхенского сговора Гитлера и Муссолини с Чемберленом и Даладьё⁴. В английской историографии оценка мюнхенских соглашений менялась несколько раз. Концепция мюнхенского сговора как результат личной ошибки премьер-министра Чемберлена долгое время в различных вариантах повторялась английскими историками. К примеру, Л. Нэмир считал

---

¹ Ивашов Л. Геополитическая предыстория Второй мировой войны //Военное обозрение. 04.09.2009 .

² «Известия». 3 сентября 2019.

³ Кулумбегова Ю. В. Мюнхенское соглашение 1938-го года и его последствия / Запад и Восток: история и перспективы развития. – Сборник статей 30-ой Межднар. науч.-практ. конф. 18-19 апреля 2019 г. Рязань. 2019. С. 154

⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х т. Т.1. С. 47.

Чемберлена дилетантом в дипломатии, который не имел знаний и опыта для руководства внешней политикой в этот непростой и противоречивый период предвоенной истории. Он считал, что Чемберлен не понимал сути происходящих событий, не отдавал себе отчёта в последствиях своих действий¹.

1938 год прошёл под знаком стремительного и всё более нарастающего наступления Германии. Сначала, в феврале 1938 года, Гитлер объявил о притеснениях судетских немцев в Чехословакии, которые нуждаются в помощи Германии. Затем, при молчаливом согласии Англии, Франции, США и других европейских стран, произошёл аншлюс Австрии. Независимость европейской страны была принесена в угоду амбициям Гитлера. У европейских демократий был выбор: или дать решительный отпор Гитлеру, или пойти по пути удовлетворения appetитов агрессора. В тот исторический период Гитлера можно было остановить. Почему Англия и Франция не выбрали первый путь? Почему пошли по второму пути, сделав политику умиротворения стержнем своей политики?

Но этот осознанный выбор был сделан ещё годом ранее во время поездки лорда Галифакса в Германию. Осенью 1937 года лорд Галифакс, один из близких к премьеру Чемберлену деятелей правительства, совершил с ведома премьера «спортивный визит» в Германию по приглашению второго человека рейха Г. Геринга. В ходе его переговоров с высшим руководством Германии, встречи с Гитлером 19 ноября 1937 года обсуждалась программа всеобъемлющего англо-германского соглашения. Галифакс заявил о готовности Англии за счёт Данцига, Австрии и Чехословакии «исправить ошибки Версаля»². Ранее вновь назначенный английский посол в Германии Гендерсон, которого пресса называла «наш нацистский британский посол в Берлине», прибыв в столицу страны пребывания, заявил, что «полностью согласен с фюрером в том, что первой и величайшей опасностью для Европы является большевизм и устранению этой опасности должно быть подчинено всё»³. Этому «манифесту» был яростно привержен правящий кабинет Чемберлена. Возникает вопрос: какие выводы должно было сделать советское руководство после таких заявлений?

---

¹ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн.1. Т.1.Надвигающаяся буря. М. 2012 С. 125.

² Всемирная история: В 24 т. Т. 23. Вторая мировая война. Минск: Литература.1997. С. 130.

³ Там же. С. 155.

Премьер-министр Англии Чемберлен был тем деятелем, который внёс «решающий вклад» в то, что были подписаны мюнхенские соглашения. В марте 1938 г. Н. Чемберлен, выступая в парламенте, заявил, что британское правительство не может заранее принять никакого обязательства в отношении района, «где его жизненные интересы не затрагиваются в такой степени, как это имеет место в отношении Франции и Бельгии». По существу, это означало отказ от оказания помощи Чехословакии в случае германской агрессии. Аналогичную позицию занимала и французская элита.

Как известно, основные параметры этого соглашения были достигнуты Чемберленом на встрече с Гитлером в Берхтесгадене 15 сентября 1938г., в баварской резиденции фюрера. Во время этой встречи Гитлер заявил, что хочет мира, но готов из-за чехословацкой проблемы и к войне. Однако войны можно избежать, если Англия согласится на передачу Судетской области Германии. Чемберлен согласился. Франция, боясь остаться один на один с Германией, поддалась уговорам Чемберлена и согласилась с его позицией¹. Черчилль писал: «Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало своё согласие (на расчленение Чехословакии), но и толкало французское правительство на роковой путь»².

Кульминацией политики предательства чехословацкого народа стал Мюнхен. На встрече 29-30 сентября 1938 года в Мюнхене были подписаны документы: основное соглашение, дополнительное соглашение и три дополнительные декларации. Судетская область передавалась Германии. Гитлер без единого выстрела получил 30 тыс. кв. км. территории, 3 миллиона населения и крупнейшую промышленную базу. Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладьё даже не пригласили на заседание чехословацкого президента Бенеша, которому лишь зачитали текст соглашения. На попытку представителей Чехословакии выразить несогласие с таким решением французы в грубой форме заявили, что текст окончательный и изменению не подлежит. Англия и Франция заявили, что не смогут выполнять свои обязательства по отношению к Чехословакии, если она не согласится с передачей Судет³. Бе-

---

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х т. Т.1. С. 233.

² Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн.1. Т.1. Надвигающаяся буря. М. 2012. С. 148.

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х т. Т.1. С. 251.

неш вынужден был согласиться с результатами сговора против его страны¹. Уже 1 октября 1939 года немецкие войска начали занимать передаваемые ей районы. Гитлер торжествовал, его политика шантажа дала ожидаемые результаты.

Напомним, что Чехословакия накануне войны была одной из самых промышленных стран Европы, а Судетская область была известна не только работой множества оборонных предприятий, но и тем, что здесь были сооружены мощные оборонительные укрепления на случай войны с Германией. Стоит отметить, что армия Гитлера тогда была недостаточно сильна — она вошла в Чехословакию 37 дивизиями против 36 прекрасно вооружённых чехословацких дивизий с мощнейшими укреплениями на границе. Если бы Германия напала на Чехословакию, то на западном фронте у неё против 100 французских дивизий было бы только 5 кадровых и 8 резервных дивизий. Немецкие генералы были в ужасе от такого риска, но политика шантажа Гитлера удалась².

Из рядов потенциальных противников Третьего рейха была исключена большая и хорошо вооружённая чехословацкая армия: 1582 самолёта, 2676 артиллерийских орудий, 469 танков, 43 000 пулемётов, 1 миллион винтовок, гигантские запасы боеприпасов, различного военного снаряжения и военно-промышленный комплекс Чехословакии, который до конца войны работал на Германию. Перестроенная фашистами на военный лад промышленность была очень эффективной: только заводы «Шкода» в Чехии в 1940 году выпускали столько же вооружения, сколько вся английская промышленность³.

Но была ещё одна страна в Европе, которая сыграла печальную роль в судьбе Чехословакии. Это Польша. В сентябре, в разгар Судетского кризиса, на польско-чехословацкой границе были сосредоточены войска, задачей которых был захват спорной территории «либо по договорённости», либо с применением силы. Выдвигая ультиматум 30 сентября Чехословакии, польское правительство запросило Берлин о позиции третьего рейха в случае начала польско-чехословацкой войны и получило в ответ обещание полной поддерж-

---

¹ Куренков В. Ю. Мюнхенское соглашение 1938 г. в работах российских и германских исследователей. Краткий историографический обзор // Вестник дагестанского научного центра. 2013. № 48. С. 65-70.

² Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн.1. Т.1. Надвигающаяся буря. М. 2012. С. 133.

³ Черчилль У. Там же, С. 154.

ки. Польский ультиматум, поддержанный Германией, был принят правительством ЧСР. Чехословакия уступила Польше область районов Тешин и Спиш, где проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов. У Чехословакии «не было никакой возможности оказать сопротивление этому грубому давлению»¹. В этой связи можно утверждать, что Польша в чехословацком кризисе была союзницей Германии. Она несёт историческую вину за уничтожение чехословацкого государства, за победу гитлеровской дипломатии в Мюнхене. По этому поводу Черчилль в своих мемуарах констатировал, что поляки «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии»². Польша «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»³.

После захвата Австрии и Чехословакии агрессивные планы Гитлера стали угрозой для всей Европы. Стало очевидно, что Гитлер на этом не остановится. Уже 11 апреля 1939 г. Гитлером был утверждён план нападения на Польшу.

Что же получили союзники? Чемберлен, вернувшись из Мюнхена в Лондон, помахав подписанной с Гитлером декларацией, сказал: «Вторично из Германии на Даунинг-стрит привезён почётный мир. Я уверен, что это будет мир для нашего времени»⁴. Чемберлен искренне верил, что, договорившись с Гитлером, он спас Европу от войны. Он верил, что, получив Судеты, Германия не развяжет войны.

В Англии лишь Черчилль правильно понял смысл политики умиротворения агрессора, проводимой Чемберленом. 21 сентября 1938 г. он сделал заявление, что «расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы»⁵. Уже после Мюнхена он еще более ужесточил свою критику политики Чемберлена. «Мы испытываем бедствия первостепенного значения, выпавшие на долю Великобритании и Франции. Сметён ряд союзов в Центральной Европе, на которые Франция опиралась для обеспечения своей безопасности. У Чемберлена был выбор между войной и позором. Сейчас он выбрал позор – войну он получит позже». Черчилль был недалёк от истины. Весной 1939 года, когда Гитлер, растоптав мюн-

---

¹ Черчилль У. Там же, С. 148.

² Черчилль У. Там же, С. 159.

³ Черчилль У. Там же. С. 147.

⁴ Там же, С. 147.

⁵ Там же, С. 141.

хенские соглашения, аннексировал Чехословакию, союзники палец о палец не ударили, чтобы выполнить свои обязательства¹. Когда вопрос об этих последствиях Мюнхена был поднят в палате общин, Чемберлен пояснил, что французское и английское предложение о международных гарантиях Чехословакии, которое было сделано после заключения Мюнхенского пакта, касалось не существующих границ этого государства, но лишь гипотетического случая неспровоцированной агрессии. «В настоящее время, — сказал он весьма хладнокровно, — мы просто являемся свидетелями пересмотра границ, установленных Версальским договором. Пересмотр идёт и, что касается венгерской границы, то Чехословакия и Венгрия согласились считать окончательным арбитраж Германии и Италии»².

Таким образом, становится очевидным, что главной задачей Мюнхена было не спасение Чехословакии, не умиротворение Гитлера, как было принято считать на Западе. Основная, но затаённая идея заключалась в том, чтобы путём сдачи Чехословакии усилить Гитлера настолько, открыть путь ему так, чтобы ничто не могло его остановить в походе на Восток. Вот это предательство сегодня и пытаются прикрыть страны ЕС, НАТО и США, нарочито сваливая ответственность за разжигание Второй мировой войны с большой головы на здоровую. Если бы Вторая мировая война началась с нападения Германии на Чехословакию, Гитлер был бы остановлен общими усилиями стран Запада и СССР. Об этом свидетельствуют и материалы Нюрнбергского процесса. Когда на процессе генерал-фельдмаршалу Кейтелю задали вопрос: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?», он ответил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии»³. Добавим к этому, что для своих планов они нашли активных сообщников в лице лидеров Англии и Франции. Именно от такого вывода и хочет отвлечь людей нынешний премьер-министр Борис Джонсон, когда говорит о «бедной Польше». И такая позиция пользуется безусловной поддержкой правящих элит стран ЕС, США и НАТО.

---

¹ Всемирная история: В 24 т. Т.23. Вторая мировая война. Минск: Литература.1997. С. 165.

² Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн.1. Т.1.Надвигающаяся буря. М. 2012. С. 153.

³ Там же, С. 147.

Пойдя на соглашение с фашистскими агрессорами, западные демократии положили абсолютный конец порядку, возникшему после Первой мировой войны. Его должна была заменить система, созданная на основе договоров между странами, участвовавшими в мюнхенском сговоре. Но эта система распалась раньше, чем была создана. Передел границ стал закономерностью. Европа стремительно скатывалась к новой войне¹.

Ранее мы отмечали, что в это время «усложнилось внешнеполитическое положение СССР. После Мюнхенского соглашения Великобритании, Франции, Германии и Италии о разделе Чехословакии в сентябре 1938 года, а затем подписания англо-германской и франко-германской деклараций о ненападении, противоречивших договору между СССР и Францией о взаимопомощи политике коллективной безопасности, которую проводил Советский Союз, был нанесён сокрушительный удар. Газеты фашистской Германии и других европейских стран пестрели заголовками о предстоящем походе немцев на Украину. Публиковались карты будущей «независимой Украины». В преддверии германского похода на Восток правительства Великобритании и Франции поставили СССР в положение внешнеполитической изоляции: советского посла И. М. Майского не принимали на высоком уровне несколько месяцев, а французского посла отозвали из Москвы и направили в Берлин»². Мюнхенские соглашения стали поворотным моментом истории, приведшим ко Второй мировой войне. А то, что Англия и Франция, Польша, Венгрия и другие западные державы позволили Гитлеру «нарастить мышцы» за счёт чехословацкого оружия и военно-промышленного комплекса, имело чудовищные последствия для нашего народа в 1941 году.

Подводя итоги, следует отметить, что одной из дальних целей холодной войны 2.0. и её составной части – информационной войны Запада против России – могут стать итоги послевоенного устроения мира, зафиксированного в Ялтинских и Потсдамских соглашениях. Логика такая. Раз Россия наряду с Германией – главный виновник начала войны, раз Гитлер и Сталин возглавляли тоталитарные режимы, то будет совершенно справедливо предъявить России территориальные претензии. Тогда японские планы «вернуть» Курильские ост-

---

¹Всемирная история: В 24 т. Т.23. Вторая мировая война. Минск: Литература. 1997. С. 165.

² Сагателян Г. Ш., Подрепный Е. И. Отечественная дипломатия XX века от Льва Троцкого до Андрея Громыко. Арзамас: АГПИ. 1992.

рова, а также претензии определённых кругов разных стран на территории Российской Федерации будут юридически обоснованными! То есть цели информационной войны по вопросам, связанным с началом Второй мировой войны, её ходом и итогами, направлены не только против России, но и мирного будущего народов всего мира. Отсюда необходимость всемерного отпора попыткам Запада по фальсификации как предвоенной истории, так и хода и итогов Второй мировой войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Холодная война 2.0 уже идёт. Приложение к «Независимой газете». «НГ-сценарии». 21 октября 2019.
2. Наджафов Д. Г. К вопросу о генезисе холодной войны / Сталин. Сталинизм. Советское общество. Под ред. Г. Ш. Сагатяна и др. М.: ИРИ РАН. 2000.
3. Пленков О. Ю. Новейшая история Европы и Америки. М. 2014.
4. Системная история международных отношений. В двух томах. Под ред А. Д. Богатурова. Т.1. События 1918-1945. М: Московский рабочий. 2006.
5. Турченко С. Против нас воевала вся Европа // Свободная пресса. 8 мая 2010.
6. О борьбе с фальсификацией истории Второй мировой войны // Военное обозрение. 31 января 2020.
7. Голубев А. В. В осаждённой крепости (К вопросу о предпосылках холодной войны). Советское общество: Будни холодной войны. Под ред. В. С. Лельчука, Г. Ш. Сагатяна и др. М.: ИРИ РАН. 2000.
8. Лельчук В. С. Сталин и холодная война / Советское общество: Будни холодной войны. Под ред. В. С. Лельчука, Г. Ш. Сагатяна и др. М.: ИРИ РАН. 2000.
9. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн.1. Т.1. Надвигающаяся буря. М. 2012.
10. Ивашов Л. Геополитическая предыстория Второй мировой войны//Военное обозрение. 04.09.2009 .
11. «Известия». 3 сентября 2019.
12. Кулумбегова Ю. В. Мюнхенское соглашение 1938-го года и его последствия / Запад и Восток: история и перспективы развития. – Сборник статей 30-ой Межднар. науч-прак.конф. 18-19 апреля 2019 г. Рязань. 2019.

13. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х т. Т.1.

14. Всемирная история: В 24 т. Т. 23. Вторая мировая война. Минск.: Литература. 1997.

15. Куренков В. Ю. Мюнхенское соглашение 1938 г. в работах российских и германских исследователей. Краткий историографический обзор // Вестник дагестанского научного центра. 2013. № 48 .

16. Сагателян Г. Ш., Подрепный Е. И. Отечественная дипломатия XX века от Льва Троцкого до Андрея Громыко. Арзамас: АГПИ. 1992.

Цыгановкин Владимир Анатольевич,

старший преподаватель

кафедры теории права и сравнительного правоведения

юридического факультета

Института экономики, управления и права

Российского государственного гуманитарного университета

Янко Ян Ханс,

студент юридического факультета

Института экономики, управления и права

Российского государственного гуманитарного университета

Tsyganovkin V. A.

senior teacher

departments of theory of law and comparative law faculty of law

Institute of Economics, management and law

Russian state University for the Humanities.

Yanko J. H.

of the faculty of law Institute of Economics, management and law

Russian state University for the Humanities.

**СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА:
ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ**

**CORRELATION OF STATUTES AND LEGAL PRACTICE IN THE
HISTORY OF RUSSIAN LAW: FORMATION OF TRADITION**

Аннотация. В статье рассматриваются исторические факторы формирования специфической традиции соотношения формальной строгости и определённости официальных источников прав и неформальной и изменчивой юридической практики их применения. Демонстрируется, что сложившаяся в устойчивом виде данная традиция в истории российского права имеет сравнительно-правовое, системно-функциональное, идеографическое и культурологическое объяснения.

Abstract. The article discusses the historical factors of the formation of a specific tradition of correlation of formal rigor and certainty of official sources of rights and informal and variable legal practice of their application. It is demonstrated that the established tradition in the history of Russian law has a comparative legal, system-functional, ideographic, and cultural explanations.

Ключевые слова: история права, юридическая практика, источники права, правовая традиция.

Keywords: history of law, legal practice, sources of law, legal tradition.

Какими бы привычными не только для профессионального юриста, но и для массового человека ни казались представления о том, что «право регулирует» или «законодательство действует», не стоит забывать, что за каждым из таких абстрактных юридических понятий стоят конкретные люди, их отношение к миру и друг другу, а также те практики, в которых эти представления и отношения реализуются. И если рассматривать историю права не только как последовательность сменяющих друг друга официальных установлений и законодательных реформ, то есть по сути, с точки зрения автомодели правовой культуры, той её лицевой стороны, которой она стремится повернуться не только к внешнему наблюдателю, но и к непосредственному участнику, а попытаться заглянуть во внутренний механизм права – то нужно обратиться к юридической практике, то есть «малой истории», в которой, тем не менее, может быть видна и правовая традиция в целом – то есть история большая. Именно юридическая практика демонстрирует, каким образом возможности, заложенные в официальных нормах, «воплощаются, преломившись в субъективной сфере трактовок, интересов и обстоятельств действующих лиц и к каким результатам приводят»¹.

---

¹ Право в средневековом мире / Сборник статей. Под. ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. Москва: ИВИ РАН. 2008. С.12.

Примерами формальной строгости и определённости закона (официальных источников) при отсутствии стабильности и предсказуемости практики его применения изобилует вся история российской правовой системы. По мнению исследователей проблемы, законодательство дореволюционной России демонстрирует интересную закономерность: «Царские и императорские указы вместе с указами Сената и высочайше утверждёнными решениями правительственных учреждений о борьбе с некоторыми видами преступлений повторяются с удивительной частотой. Причём большинство из этих законодательных актов не несут в себе ничего нового. В них лишь говорится о том, что данный указ наистрожайше предписывает исполнять все предыдущие на эту же тему. К примеру, о недопущении мздоимства и прочих злоупотреблений начальствующих лиц. Вот только сама частота повторений и напоминаний о том, что взяточничество – преступление и его следует карать, говорила о том, что, несмотря на все жестокие наказания, коррупция никуда не исчезла и продолжает процветать»¹.

Описание этой традиционной особенности русского права можно начать с известного публицистического трюизма о том, что «мы (русские) равнодушны к писанным, установленным правилам, для нас более важным может быть пример, образец поведения. А в силу этого, «неработающее» правило – типичное явление нашей культуры»². Данная традиция соотношения «позитивного» и «живого» (реально действующего) права рельефно видна на примере многих запретительных норм и юридических институтов из истории нашей страны: в реализации норм официального права о запрете злоупотребления властью, в противодействии коррупции, в наказаниях за святотатство и т.д., когда в тексте законов было одно, а на практике – зачастую существенно другое. Мы утверждаем, что данная устойчивая традиция российской правовой культуры в целом сложилась вместе с формированием великорусского этноса и государственности (с XII по XVII в. в.) и сохранялась как инвариант (ее устойчивое ядро) при разных типах юридических систем и на различных политических этапах развития государства.

---

¹ Об употреблении солдат к своим услугам и корысти // Журнал Коммерсантъ Власть, №34 от 27.08.2012. С. 48.

² Захаров Н. Л. Специфика социальной системы России. Ижевск. 2000. С.78.

Этой традиции может быть дано объяснение по нескольким взаимосвязанным направлениям:

1) сравнительно-правовое: тип правовой системы, предполагающий по сравнению с современными системами значительный уклон в обычаи и текущую практику, а не официальный формально определённый и общий для всех закон;

2) системно-функциональное объяснение: через понимание социально-экономической среды действия права, то есть путём определения факторов влияния на правовую систему других связанных подсистем общества – экономической и политической;

3) идеографическое объяснение: роль субъективных факторов и событий – влияние на юридическую практику отдельных исторически значимых событий, в том числе, личностных особенности правителей и государственных деятелей;

4) культурологическое объяснение: фундаментальные особенности культурной традиции русского общества в целом.

Традиционный характер несовпадения закона и практики, а соответственно, преобладания в ней неформальных аспектов, наглядно демонстрирует, в частности, история института наказания за преступление святотатства. В Псковской судной грамоте, положения которой формировались с конца XIV в. и окончательно были утверждены вечевым решением в 1467 году, в качестве меры наказания за него определена смертная казнь. Аналогичное положение было закреплено в Судебниках 1497 г. и 1550 г., где святотатство было отнесено к разряду самых серьёзных государственных преступлений. В Соборном уложении 1649 г. норма в отношении церковных татей осталась неизменной. Но правоприменительная практика часто ставила вопрос о корректировке этого правила при его реализации. Так, например, в 1660-е г. г. вынесение приговоров значительному числу лиц, обвиняемых в этом преступлении, затруднялось либо откладывалось, поскольку, во-первых, непосредственными объектами кражи оказывались не только освящённые и принадлежавшие церкви предметы, но и вещи, отданные ей на хранение, а во-вторых, незначительный размер причинённого ущерба во многих случаях делал казнь неадекватной в глазах правоприменителей мерой наказания.

В связи с этим церковный собор 1667 г. принял решение, подтверждённое собором 1669 г., что лишь тот, кто «приступит ко Святому Престолу и крадёт освящённые вещи», подлежит казни. В то же время те, кто «от церкви крадёт нечто ради убожества своего», полу-

чают «впервые до ста ударов, по рассуждению крадомых вещей; аще ж есть много крадомое, да будет осуждён в ссылку»; тот же, кто украл «ничто, ежели Богу неосвящённо, а поставлено в церкви сохранения ради, таковой не святотатец именуется, но токмо тать»¹. Однако подобное нормативное толкование, которое квалифицирует различные виды краж из церкви (кражу собственно священных предметов, мелкую кражу церковной собственности по бедности, крупную кражу, наказываемую ссылкой, и кражу имущества прихожан) и которое сейчас юристы отнесли бы к обобщающей практике, распространялось, прежде всего, на людей церкви, для мирян же сохранялась санкция в прежнем виде за любую церковную кражу.

Изданный Петром I Воинский устав 1716 г. подтвердил прежнее исходное формальное правило, заменив при этом сожжение на колесование. При том, что данный акт официально сохранял действие на протяжении столетия, в российской правовой системе не меньшее значение традиционно имели решения, принимавшиеся по отдельным случаям, и которые порой довольно сильно трансформировали применение на практике сохранявшихся внешне неизменными законов.

Дело о церковной краже значительной по тем временам суммы (2 руб. 11,5 коп), рассматривавшееся Малороссийской коллегией в 1774 г. в отношении двух обвиняемых 11-и 14-и лет, вызвало практические затруднения, поскольку закон формально не предполагал никаких исключений и юным святотатцам грозила казнь². Возможная её замена битьем кнутом, вырыванием ноздрей, клеймением и вечной каторгой означала в данном случае лишь замену способа исполнения приговора. Поэтому, считая, что формально предусмотренное наказание не соответствует тяжести преступления, Коллегия направила дело для разъяснения в высшую судебную инстанцию – Правительствующий сенат. Тем более, что для правоприменительного манёвра уже имелся прецедент, созданный самим Сенатом в 1744 г. в отношении преступников по тяжким категориям. «Оным за такие их важные вины чинить наказание на публичном месте, бить плетью и, заковав в нож-

---

¹ Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, НЗ1 процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X–начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Часть I: X–начало XX века. М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром». 2010.

² Дело о типичном святотатстве // Журнал Коммерсантъ Деньги. №34 от 27.08.2012. С.51.

ные железа, ссылать в дальние, мужеска пола в мужеские, а женска в девичьи монастыри на 15 лет, где ... употреблять их во всякие монастырские тяжкие работы». А малолетних, каковыми считались недошедшие 12 лет, за те же наиболее тяжкие преступления, предполагавшие смертную казнь, предписывалось отправлять в монастырь на 7 лет. Соответственно, первый из малороссийских обвиняемых должен был отправиться в монастырь на семь лет, второй – на пятнадцать. Однако у судебной коллегии существовала возможность опереться и на другой прецедент, созданный в 1767 г. в решении Сената, где по делу о молодом святотатце говорилось: «За те учинённые им кражи, в рассуждение тогдашних его несовершеннолетних лет, по рассуждению Сената, учинить наказание батоги и отослать для определения в Киевский гарнизон в Артиллерийской команде, куда он и прежде отправлен был, для определения в службу». Тем самым, практика правоприменительного толкования могла изменять буквальное значение закона самым радикальным образом.

Сравнительно-правовой способ объяснения. Характер правовой системы Московской Руси и ранней Российской империи предполагал в отличие от систем Модернити существенную роль обычаев (неформальных источников права) и судебной (правоприменительной) практики, которая, в свою очередь, в отличие от синхронных европейских юридических традиций, не сложилась в достаточно определённую и стабильную систему прецедентного права (последнее касается не только английского права, но и французского до периода кодификации)¹.

Некоторые специалисты даже такую важнейшую основу юридической системы Руси раннего периода, как «Русскую Правду», предлагают рассматривать, прежде всего, как сборник судебных решений, отобранных в качестве образцов и имеющих рекомендательный характер для лиц, наделённых от имени князя судебной властью в случаях, когда правовой обычай был не в состоянии регулировать общественные отношения².

Для юридической традиции значительной части русских княжеств, составивших впоследствии основу Московского государства,

---

¹Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения. 2019. С.54.

²Петров К. В. К вопросу о правовой природе Русской Правды // Ленинградский юридический журнал. 2016. С.76.

был в целом характерен неформальный характер – пренебрежение к точно определённым временным границам, обозначению возраста, сроков епитимьи и т.п. – особенно очевидный по сравнению с формализмом правовых систем Юго-Запада и Великого княжества литовского¹.

Рассматривая данный вопрос на непосредственном эмпирическом материале – правоприменительных актах, – специалисты приходят к выводам, что в судебных документах Московского великого княжества XV в. (до издания Судебника 1497 г.), а именно 99 сохранившихся до нашего времени в полном объёме судебных актах, вовсе не выделяется мотивировочная часть и отсутствует обоснование их принятия. Основанием для вынесения решения в пользу одной из сторон очень часто являлась убедительность её позиции, а также прямое или косвенное согласие с её доводами другой стороны. При этом, как правило, никаких ссылок на нормы обычаев или правовых актов не приводилось, что позволяет усомниться в строгом следовании букве закона при правоприменении. Отдельные последователи даже утверждают, что «ни один из известных нам текстов с нормативным содержанием XI-XV в. в. не применялся при осуществлении правосудия в XV в.»². Ретроспективно возможно предполагать, что это в целом было характерно и для предшествующих периодов.

Отсутствие в правоприменительных актах ссылок на официальные источники права неудивительно, поскольку, например, в отношении Судебника 1497 г. отсутствуют какие-либо данные обнародования этого утверждённого проекта. А наличие единственного сохранившегося списка данного текста заставляет усомниться в его реальном действии как источника права по причине невозможности ознакомления правоприменителей на местах с его содержанием. Как отмечают специалисты, «в самом Судебнике предписываются чрезвычайные меры публикации только лишь для одного постановления, вошедшего в него, именно, о воспрещении брать посулы и лжесвидетельствовать (ст. 67: «велети прокликати по торгом на Москве и во

---

¹Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV в.в. М.: Юрлитформ. 2011.

²Петров К. В. Правовые основания вынесения судебных решений в Московском великом княжестве XV в. / Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики. – Материалы X междунар. науч.-практ. конф. М.: РГУП. 2016.

всех городех»), то, по отношению ко всему Судебнику едва ли была принята эта чрезвычайная мера опубликования»¹.

Несмотря на очевидные издержки подобного типа системы источников права, исследователи также отмечают, что такой неконструктивистский, а эволюционный путь развития российской правовой системы во многом способствовал сохранению правовых традиций и институтов на протяжении нескольких столетий, обеспечивал действие гибкого и удобного в своей приспособляемости к текущим потребностям государства и общества сочетания норм писаного и неписаного (обычного) права².

Системно-функциональное объяснение: факторы социально-экономической среды действия права. Как было показано в сравнительном аспекте, с точки зрения значимых показателей, юридическая система Московской Руси и ранней Российской империи характеризовалась существенным преобладанием над формально определённым законодательством источников обычного права и юридической (судебной) практики (в целом аналогичным для европейских стран того периода), однако не сложившихся при этом в отличие от многих стран Европы в достаточно устойчивую традицию и систему прецедентного права. Последнее обстоятельство, в свою очередь, может объясняться несформированностью относительно независимой корпорации/сословия юристов и отсутствием особого статуса членов этого профессионального сообщества, подобного тому, что имелось в странах Запада (английские Инны, итальянские факультеты права, французское дворянство мантии и т.п.). Объяснение этого, в свою очередь, требует выхода из параметров самой правовой системы на метасистемный уровень социально-экономических институтов традиционно русского общества.

Экономические основания подобной конфигурации социальной структуры отчасти были связаны с тем, что «необъятные территории и неблагоприятные для развития сельского хозяйства природно-климатические условия делали невозможным аграрное перенаселение и формирование торгово-ремесленных городов», что «блокировало

---

¹ Моргунова Е. А. Происхождение судебного 1497 года // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 70. С. 127.

² Амплеева Т. Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XIX в. в.): Средневековая Русь. Кн. 1. М. 2005.

развитие региона по западноевропейскому пути»¹. Эти системные – природно-климатические и структурно-социальные – параметры дополнились также действием соответствующих дополнительных субъективных факторов.

Субъективный фактор: влияние отдельных исторических событий и личностей. Историки периода складывания традиционной государственной и правовой системы Московской Руси отмечают, что, именно начиная с правления Андрея Боголюбского, волюнтаристское начало и метод ситуативных дискреционных практических решений в государственной и юридической деятельности начинает брать верх. Предшествовавшие более формально-определённые (пусть не в виде закона, а в форме «ряда»-договора) дружинные порядки уходят в прошлое: «дружинники теряли свои права, а князь всё чаще полагался не на них, а на слуг. Их власть неуклонно росла. В основе новой системы государственной власти – деспотической монархии – лежало прямое подчинение подданных-холопов своему господину-князю. Так, во второй половине XII в. в Северо-Западной Руси начинают складываться новые общественные формы подданства-министериалитета, которые принципиально отличаются от западноевропейских вассально-сюзеренных отношений тем, что в них полностью отсутствует договорная основа, а слуга находится в прямой и безусловной зависимости от господина. Впоследствии именно они станут господствующими и создадут основу деспотической системы правления во всех русских землях»². Такой тип властно-политических отношений, основанный на волюнтаристских решениях, не связанных формально определёнными рамками, не мог не повлиять на юридическое дело, которое традиционно является смежной государственному управлению сферой. Нельзя, однако, сказать, что подобная система была привита на неподготовленную к этому социокультурную почву.

Культурное объяснение. Глубинные причины расхождения закона и юридической практики уходят в основы сложившейся социокультурной системы русского национального государства позднего Средневековья и раннего Нового времени, а именно – в специфическое комплиментарно-конфликтное взаимодействие двух её основных слоев – христианско-логоцентрической культуры большого общества

---

¹ Земцов Б. Н., Шубин А. В., Данилевский И. Н. История России. СПб.: Питер. 2013. С.87.

² Земцов Б. Н., Шубин А. В., Данилевский И. Н. Там же. С.61.

и мифоритуальной культуры локальных сельских миров со всеми возможными аспектами их оппозиций: слово и дело, город и деревня, элита и народ, письменное и устное, должное и сущее.

Официальные источники права – это почти всегда тексты письменной городской культуры, выражающие идеалы религиозно-метафизического Должного, которые накладываясь на неперелопаченную архаику народной культуры, хоть и не отторгались ею полностью, но вступали в своеобразные отношения, скорее диффузного, нежели синтетического характера (до наступления современной эпохи они продолжали существовать во многом как две параллельные, хотя и часто пересекающиеся реальности). В юридическом аспекте социальности это выражалось в специфической интерпретации формальных источников права, нередко гасящей их исходную императивность и ригористический дуализм, тем самым приспособлявая к жизненной прагматике и примиряя с ней.

Так было, например, в случае института ответственности за ведовство, которое, согласно первой главе Воинского устава 1716 г., предполагало сожжение. Тем не менее, систематических и массовых официальных процессов, сравнимых с западно- и центрально-европейскими, в русской истории практически не находится, что отнюдь не означало, что русское право не знало такого понятия, как ведовство, «при том, что в ведьмах на Руси недостатка не было»¹. Фактическое отношение к этому роду деятельности в русской культуре существенно отличалось от европейского: если «английская или немецкая ведьма неизбежно рассматривалась как непрощаемая грешница, заключившая сделку с Князем Тьмы и представляющая колоссальную угрозу для окружающих» и «охота на ведьм» в Европе инспирировалась церковью и светскими властями как противостояние вселенскому Злу», то в отечественной юридической практике ведовские процессы имели точечный и очень часто гражданско-правовой характер во многом потому, что, «несмотря на постоянные увещевания со стороны церкви о несовместимости ворожбы с христианством, народное сознание никакого противоречия не видело»². Так же, с точки зрения прагматического и чувственно воспринимающего мир сектора традиционной культуры, понятие святотатства с трудом воспри-

---

¹ Кузнецов А. В. Суд идет. О судебных процессах прошлого: от Античности до Новейшей истории. М.: Эксмо. 2018.

² Кузнецов А. В. Там же.

нималось в сознании новообращённых христиан: как можно украсть святое, если оно неосязуемо?

Одна из важнейших особенностей традиционной русской социокультуры, по словам Н. Бердяева, состояла в том, что её представителям «нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей не велик» и «русский народ ...был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности»¹. Современные исследователи отечественной социокультуры также отмечают, что «в противоположность деятельности западного индивида или сообщества цель российского индивида или сообщества неопределена и зачастую вербально не выражена»².

Таким образом, формирование особой юридической традиции соотношения официальных источников и правоприменительной практики в длительной исторической ретроспективе может быть объяснено в нескольких аналитических аспектах:

1) сравнительно-правовое объяснение: характер правовой системы, предполагающий более значительный по сравнению с параллельными западными, а также современными системами, уклон в обычаи и текущую юридическую практику, а не формально определённый и общий для всех закон;

2) системно-функциональное объяснение: структурные социально-экономические параметры русского общества как в период непосредственного складывания национального государства и юридической традиции, так и позднее не предполагали существования городских автономных сообществ и относительно обособленных от власти юридических корпораций (судебных парламентов, университетов, объединений стряпчих) как носителей и хранителей устойчивой юридической доктрины и систематизированного прецедентного права;

3) идеографическое объяснение: значительное влияние субъективных факторов – отдельных исторических событий и личностей, в частности, сознательная политика построения рядом русских князей властно-регулятивной системы, не признающей формальных ограничений и опирающейся, главным образом, на ситуативные решения властных и правоприменяющих субъектов;

---

¹ Бердяев Н. Русская идея. СПб. 2015. С.175.

² Захаров Н. Специфика социальной системы России. Ижевск. 2000. С.81.

4) культурологическое объяснение: особенности культуры традиционного общества с мифоритуальной и стихийной когнитивно-практической основой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амплеева Т. Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.): Средневековая Русь. Кн. 1. М. 2005. 301 с.
2. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука. 2015. 320 с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Международные отношения. 2019. 456 с.
4. Дело о типичном святотатстве // Журнал Коммерсантъ Деньги. №34 от 27.08.2012.
5. Захаров Н. Л. Специфика социальной системы России. Ижевск. 2000. 265 с.
6. Земцов Б. Н., Шубин А. В., Данилевский И. Н. История России. Учебное пособие. СПб.: Питер. 2013. 416 с.
7. Кузнецов А. В. Суд идет. О судебных процессах прошлого: от Античности до Новейшей истории. М.: Эксмо. 2018. 288 с.
8. Моргунова Е. А. Происхождение судебного 1497 года // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 70.
9. Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, НЗ1 процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X–начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Часть I: X–начало XX века. М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром». 2010. 392с.
10. Об употреблении солдат к своим услугам и корысти // Журнал Коммерсантъ Власть, №34 от 27.08.2012.
11. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV в. в. М.: Юрлитформ. 2011. 408 с.
12. Петров К. В. К вопросу о правовой природе Русской Правды // Ленинградский юридический журнал. 2016.
13. Петров К. В. Правовые основания вынесения судебных решений в Московском великом княжестве XV в. / Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики. – Материалы X междунар. науч.-практ. конф. М.: РГУП. 2016. 536 с.

14. Право в средневековом мире. / Сборник статей. Под. ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. Москва: ИВИ РАН. 2008. 278 с.

Долидзе Тимур Юрьевич,
аспирант кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института
Dolidze T. Yu.

postgraduate student of the Department of legal theory
and state-legal disciplines International law Institute

ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

THE CONCEPT AND CONSTITUTIONAL CONTENT OF THE RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

Аннотация. Статья посвящена ряду проблем, касающихся содержания конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. На основе критического обзора точек зрения по данной проблеме, высказанных в научной литературе, автор приходит к выводу, что нормативное содержание ч. 1 ст. 48 Конституции РФ не должно размываться требованием квалифицированности, подменяя, тем самым, подлинный правовой смысл права на юридическую помощь. Главное в содержании этого субъективного права – институциональные гарантии самой юридической помощи, исходящие из презумпции её «квалифицированности». Граждане и другие лица нуждаются в правовой помощи ввиду состояния угроз нарушений прав и законных интересов со стороны государства и иных субъектов правоотношений. Это состояние имеет тенденцию к росту по мере появления новых правоограничений, которые нуждаются в оценке на предмет соответствия требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Abstract. The article is devoted to the study of a number of problems of the content of the constitutional right to qualified legal assistance. Based on a critical review of the points of view on this issue expressed in the scientific literature, the author concludes that the normative content of Part 1 of Art. 48 of the Constitution of the Russian Federation should not be "washed away" by the requirement of "qualification", thereby replacing the true legal meaning of the right to legal assistance. The main thing in the

content of this subjective right is the institutional guarantees of legal aid itself based on the presumption of its “qualification”. Citizens and other persons need legal assistance in view of the state of threats of violations of rights and legitimate interests on the part of the state and other subjects of legal relations. This condition tends to increase as new legal restrictions appear that need to be assessed for compliance with the requirements of Part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокатура, нотариат, правовой консалтинг, ограничения прав человека, высшее юридическое образование.

Keywords: legal aid, advocacy, notary, legal consulting, restrictions on human rights, higher legal education.

В системе конституционных прав и свобод человека и гражданина современной России важное место занимает право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ)¹. Буквально: конституционный законодатель гарантирует каждому такое право (на получение данной помощи), причём это субъективное право соединено с правом на бесплатную юридическую помощь, которая должна оказываться за счёт третьих лиц «в случаях, предусмотренных законом»². Эти два конституционных законоположения соединены в одной части ст. 48, что подчёркивает их близость и взаимосвязь³. Часть 2 ст. 48 Конституции РФ конкретизирует нормы предыдущей части применительно к лицам, в отношении которых применяются ограничения свободы и личной неприкосновенности, главным образом, в уголовном процессе: каждый задержанный, заключённый под стражу и обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента

---

¹ Закомолдин А. В. Право на квалифицированную юридическую помощь в системе гарантий прав личности как одно из условий эффективности юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». № 3 (3). Тольятти: Изд-во ТГУ. 2008. С. 28.

² Ботнев В. К. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь как гарантия субъективных прав человека и гражданина // Чёрные дыры в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 69.

³ Гричаниченко А. Право лица на молчание и юридическую помощь как элементы права на справедливое судебное разбирательство // Уголовное право. 2013. № 1. С. 94.

фактического ограничения его прав и свобод в рамках реализации норм соответствующих уголовно-процессуальных и близких им по природе публично-процессуальных институтов. В целом, нормы частей 1 и 2 ст. 48 Конституции РФ находятся в логической взаимосвязи с рядом других важных конституционных установлений.

Такая взаимосвязь, прежде всего, усматривается из сопоставления положений ст. 45, 46 и 48 Конституции РФ. Статьи 45 и 46 конституируют право на защиту. Защита может быть государственной (ч. 1 ст. 45) и самостоятельной (ч. 2 ст. 45). Если гражданин обращается в правозащитных целях за помощью к уполномоченным государственными органами, имеет место его притязание на государственную защиту¹. В целях самостоятельной защиты логичным является обращение за квалифицированной юридической помощью (если такую помощь оказывают субъекты гражданского общества, не входящие в структуру государственного аппарата)². Следовательно, нормы ст. 48 Конституции РФ можно рассматривать как конкретизацию положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, их дальнейшее логическое нормативно-правовое развитие. Что касается содержания ст. 46 Конституции РФ (право на судебную защиту), то институт квалифицированной юридической помощи соединяет воедино конституционно-правовую материю, охватываемую всеми анализируемыми статьями. Адвокат и другой квалифицированный защитник прав и законных интересов субъектов правоотношений (ст. 48 Конституции РФ), с одной стороны, реализует форму самозащиты (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), с другой – делает это, главным образом, через судебные инстанции (ст. 46 Конституции РФ). Таким образом, положения статей 45, 46 и 48 Конституции РФ, с точки зрения реализации права граждан на квалифицированную юридическую помощь, образуют целостный конституционно-правовой институт защиты прав с помощью юридических средств.

Приступая к исследованию сущности конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, на наш

---

¹ Никитин Н. А. Право на юридическую помощь в национальном и международном механизмах защиты прав человека / Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека. – Сборник научных статей по результатам Всероссийской научной конференции, посвящённой 65-летию Всеобщей декларации прав человека 1948 г. СПб.: Астерион. 2013. С. 122.

² Заман Ш. Х. Качественная юридическая помощь и защита прав граждан / Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе. Муром: МИ ВлГУ. 2004. С. 55.

взгляд, прежде всего, необходимо отделить понятия «получение» и «квалифицированность». Можно доказать, что используемый в ст. 48 Конституции РФ термин «получение» не несет существенной смысловой нагрузки. Право на получение помощи очевидно, оно следует из наличия права на помощь. Иное юридическое значение имеет прилагательное «квалифицированный», которое используется Конституцией РФ в соответствующем падеже. Конституционный законодатель не случайно использует данный термин. Граждане и другие лица, нуждающиеся в правовой защите, имеют не просто право на юридическую помощь. Такая помощь должна быть квалифицированной. Государство берёт на себя публично-правовое обязательство обеспечения квалифицированности юридической помощи, не допуская, чтобы помощь оказывалась кем-либо без наличия этой квалифицированности.

Анализируемая законодательная конструкция может быть подвергнута критическому анализу. Приведём для сравнения нормы ст. 41 Конституции РФ, которые гарантируют право на медицинскую помощь. Очевидно, что граждане не нуждаются в неквалифицированной медицинской помощи. Такая помощь должна оказываться достаточно квалифицированными специалистами-врачами, иначе она лишается своего конституционно-правового смысла¹. Тем не менее, конституционный законодатель в ст. 41 воздерживается от установления права на квалифицированную медицинскую помощь, исходя из *презумпции квалифицированности* лиц, оказывающих данную помощь. По каким же причинам Конституция РФ противопоставляет медицинскую и юридическую помощь? Почему подчеркивается, что юридическая помощь должна быть квалифицированной, но этого нет в отношении медицинской помощи? Следует ли из этого вывод, что состояние системы подготовки юридических кадров и контроля их квалификации настолько сомнительны, что на конституционном уровне следует вводить критерий квалифицированной юридической помощи? Или анализируемые конституционные законоположения представляют собой лишь неточность юридико-технического характера?

Пытаясь поставить для обсуждения в дискуссии данную конституционно-правовую проблему, обратим внимание, насколько смеща-

---

¹ Насырова А. Н. Нормативное правовое регулирование качества и доступности оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации / Научные труды V Всероссийского съезда (Национального конгресса) по медицинскому праву. М.: НИМП. 2013. С. 143-146.

ются акценты в толковании норм ст. 48 Конституции РФ в зависимости от того, признаётся или не признаётся презумпция квалифицированности оказываемой юридической помощи. Если данная презумпция признаётся (аналогично ст. 41 Конституции РФ), то основной смысл ст. 48 заключается в обеспечении *всеобщности и доступности юридической помощи как таковой*¹. Гражданам не должны чиниться необоснованные препятствия в защите их прав и законных интересов путём привлечения защитника (адвоката, юриста и т.п. – в данном случае это не важно). Всякий раз, когда права и законные интересы поставлены под угрозу нарушения, гражданин вправе воспользоваться юридической помощью. Совершенно иной смысл придаётся статье 48 в случае, если основной акцент будет сделан на критерии квалифицированности юридической помощи (главное в реализации ст. 48 – добиться того, чтобы юридическая помощь оказывалась квалифицированными лицами и не оказывалась субъектами вне надлежащей квалификации).

В связи с этим нельзя согласиться с П. П. Киселёвым в том, что право на квалифицированную юридическую помощь является абсолютным и не подлежит ограничениям по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ². Эта идея, в сущности, противостоит самому понятию «квалифицированной помощи». Требование квалифицированности – весьма существенное правоограничение, исходя из требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, т.к. права всех других граждан, *желающих* оказывать юридическую помощь, *но не способных* к этой деятельности, блокируются Конституцией и законодателем.

А. А. Баев совершенно точно подчёркивает, что стандарты оказания квалифицированной юридической помощи должны быть, с одной стороны, адекватными правовому государству, с другой – зависеть от трактовки понятия «квалифицированный», что находится в сфере

---

¹ Панченко В. Ю. Профессиональное саморегулирование юристов как фактор повышения доступности юридической помощи в правовом социальном государстве / Проблемы формирования правового социального государства в современной России. – Материалы IX всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во НГАУ. 2013. С. 179.

² Киселёв П. П. Адвокатское уголовное расследование как самостоятельная форма квалифицированной юридической помощи // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 1. С. 16.

влияния ряда юридически значимых факторов и обстоятельств¹. Д. А. Дзотов не противопоставляет, но и не считает тождественными понятия «профессиональной» и «квалифицированной» юридической помощи. По мнению исследователя, систематичность, эффективность и надёжность характеризуют, скорее, профессиональную, чем квалифицированную юридическую помощь. Нужно согласиться с тем, что непрофессиональная юридическая помощь может быть квалифицированной, но бессистемной, неэффективной и ненадёжной, что должно обеспечиваться именно профессиональным подходом к такой помощи².

Л. С. Оводкова не усматривает противоречия между конституционным требованием квалифицированной юридической помощи и оказанием такой помощи студентами юридических вузов. Аргументируется это тем, что студенты закрепляют на практике полученные знания, а граждане имеют возможность пользоваться юридической поддержкой на безвозмездной основе. Тем самым, по мнению цитируемого автора, отрабатывается механизм, гарантирующий качество юридической помощи³.

Несложно заметить, что в этой логической цепочке наблюдается попытка отождествления состояний де-юре и де-факто. Студенты юридических факультетов тем и отличаются от дипломированных юристов, что они ещё не обладают достаточной компетентностью, которая подтверждалась бы дипломом государственного образца. Сам по себе диплом, конечно, не гарантирует полностью качества оказания предполагаемых юридических услуг. Но он является минимальной гарантией этого. В отсутствие диплома о высшем юридическом образовании таких гарантий ещё меньше. Тем не менее, автор не усматривает в этом процессе институциональных угроз противоречия конституционному требованию квалифицированной юридической помощи. Бесплатный характер услуг, на наш взгляд, не должен слишком ради-

---

¹ Баев А. А. Понятие и сущность квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3. С. 62.

² Дзотов Ч. А. Понятие и особенности квалифицированной юридической помощи: конституционно-правовой анализ // Юристь-Правоведь. 2012. № 5. С. 99-101.

³ Оводкова Л. С. Об обеспечении права граждан на квалифицированную юридическую помощь // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 139-142.

кально отражаться на качестве оказываемой помощи. В случае с юридическими клиниками наблюдается именно этот феномен.

И. М. Поташник солидарен с позицией В. В. Гошуляка в том, что право на квалифицированную юридическую помощь нельзя отождествлять с правом на адвокатскую помощь¹. Адвокатура, вне сомнения, является основным субъектом оказания квалифицированной юридической помощи. Но знак равенства между юридической помощью и адвокатурой ставить нельзя. Этому противоречит и логика организации системы конституционных прав и свобод человека и гражданина, и содержание действующего законодательства. В связи с этим О. Г. Яткевич предлагает ввести в научный оборот понятие «субъекта негосударственной системы юридической помощи». В числе таких субъектов могут быть не только адвокаты, но также частнопрактикующие нотариусы, частные юридические фирмы, частнопрактикующие юристы, общественные объединения, правозащитные центры, правозащитные организации, юридические клиники. Дополнительно к этому действует государственная система юридической помощи, которая включает в себя, по сути, весь государственный аппарат, который обязан защищать права и свободы человека и гражданина в силу предписаний ст. 2 Конституции РФ².

Общепринятая мировая практика трактует квалифицированность юридической помощи, если таковая оказывается специалистами по праву, что предполагает не только наличие качественного юридического образования, но и соблюдение профессиональных стандартов, нравственных норм, которые должны поддерживаться профессиональным контролем³. Юридическое образование приобретается не только в целях последующей профессиональной деятельности правового профиля. Многие известные деятели литературы (Л. Толстой, Г. Флобер, П. Коэльо, С. Аксаков, Л. Андреев) получили юридическое образование, но так и не стали практикующими юристами. Однако юридическое образование сыграло свою роль в формировании их ми-

---

¹ Поташник И. М. Адвокатура и квалифицированная юридическая помощь // Право и государство: теория и практика. 2013. № 8. С. 84. Гошуляк В. В. Прокуратура, адвокатура, нотариат в конституционном праве России. М.: Альфа-М. 2005. С. 132-133.

² Яткевич О. Г. К вопросу о субъекте оказания квалифицированной юридической помощи // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 336.

³ Баренбойм П., Резник Г., Мозолин В. Правовая реформа XXI века и адвокатура. М.: Юстицинформ. 2007. С. 4 – 5.

ровоззрения, что способствовало развитию правосознания читателей и других поклонников художественного творчества¹. Синонимом слова «квалифицированность» в исследуемом контексте является термин «компетентность», содержание которого в самом общем виде предполагает наличие у сведущего лица, во-первых, специальных теоретических знаний в определенной области, во-вторых, навыков и умений их применения².

М. Н. Марченко не без иронии замечает, что «с тех пор, как высшая государственная власть обронила несколько слов насчет слишком большого числа юридических вузов в стране, готовящих много и не всегда высокопрофессиональных специалистов, только ленивый из числа госчиновников, имеющих хотя бы отдалённое отношение к сфере юридического образования, не высказался по этому поводу и не озаботился повышением качества подготовки юристов»³. Действительно, подобная озабоченность качеством зачастую превращается в публичную кампанию, направленную на ограничение конкуренции на рынке образовательных услуг и оправдание недостаточного финансирования юридического образования из средств государственного бюджета. Падение качества высшего юридического образования в стране – далеко не очевидный факт. В ряде случаев, напротив, наблюдается повышение качества юридического образования. Однако не следует забывать об общей тенденции снижения качества высшего профессионального образования, обусловленного ростом платных форм обучения, снижением требовательности профессорско-преподавательского состава к студентам, уменьшением фактической учебной нагрузки и т.д. Подобные факторы с неизбежностью влияют на качество подготовки будущих правовых защитников – адвокатов, нотариусов, частных и корпоративных юрисконсультов⁴.

---

¹ Флобер Г. Воспитание чувств. М.: Эксмо. 2006. С. 557.

² Степанов В. В., Шапиро Л. Г. Компетентность и компетенция как категории судебной экспертизы // Правоведение. 2007. № 3. С. 117, 118.

³ Марченко М. Н. Юридическая наука и юридическое образование в современной России / Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. Ростов-на-Дону: РГЭУ. 2009. С. 15.

⁴ Белых А. Г. Факторы, влияющие на качество профессиональной подготовки юриста / Проблемы эффективности юридического образования. – Материалы научно-практической конференции. Волгоград: Изд-во ВРО МСЮ. 2002. С. 41-43.

Критический анализ приведённых позиций учёных и результатов некоторых других научных исследований позволяет высказать научную гипотезу о двойственном смысле положений ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. С одной стороны, данная правовая норма требует, чтобы в российском государстве была организована надлежащая система квалифицированной юридической помощи, которая исключала бы неквалифицированное участие в правозащитном процессе некомпетентных в теоретической и практической юриспруденции лиц. Актуальность этого требования вполне объяснима историческими условиями, в которых принималась Конституция РФ 1993 г. Либерализация системы высшего юридического образования в тот период времени привела к появлению на рынке юридических услуг слишком большого количества номинальных специалистов, фактически не отвечающих предъявляемым требованиям. Необходимо было создать более действенную систему государственного и общественного контроля над образовательными организациями, которые осуществляли подготовку специалистов в области юриспруденции.

С другой стороны, нормативное содержание ч.1 ст. 48 Конституции РФ не должно размываться требованием квалифицированности, подменяя, тем самым, подлинный юридический смысл права на юридическую помощь. Главное в содержании этого субъективного права – институциональные гарантии самой юридической помощи, исходя из презумпции её квалифицированности. Граждане и другие лица нуждаются в правовой помощи ввиду состояния угроз нарушений прав и законных интересов со стороны государства и иных субъектов правоотношений. Это состояние имеет тенденцию к росту по мере появления новых правоограничений, которые нуждаются в постоянной оценке на предмет соответствия требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Если гражданин не обладает достаточными юридическими знаниями и практическими правозащитными навыками и умениями, чтобы эффективно защитить свои права и законные интересы, требуются институциональные гарантии соответствующей правовой помощи. В противном случае пришлось бы признать право государства и других лиц на противозаконное вмешательство в жизнедеятельность личности, что не является допустимым в конституционном и демократическом обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баев А. А. Понятие и сущность квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского

государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3.

2. Баренбойм П., Резник Г., Мозолин В. Правовая реформа XXI века и адвокатура. М.: Юстицинформ. 2007.

3. Белых А. Г. Факторы, влияющие на качество профессиональной подготовки юриста / Проблемы эффективности юридического образования. – Материалы научно-практической конференции. Волгоград: Изд-во ВРО МСЮ. 2002.

4. Ботнев В. К. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь как гарантия субъективных прав человека и гражданина // Чёрные дыры в российском законодательстве. 2008. № 1.

5. Гошуляк В. В. Прокуратура, адвокатура, нотариат в конституционном праве России. М.: Альфа-М. 2005.

6. Гричаниченко А. Право лица на молчание и юридическую помощь как элементы права на справедливое судебное разбирательство // Уголовное право. 2013. № 1.

7. Дзотов Ч. А. Понятие и особенности квалифицированной юридической помощи: конституционно-правовой анализ // Юристъ-Правоведь. 2012. № 5.

8. Закомолдин А. В. Право на квалифицированную юридическую помощь в системе гарантий прав личности как одно из условий эффективности юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». № 3 (3). Тольятти: Изд-во ТГУ. 2008.

9. Заман Ш. Х. Качественная юридическая помощь и защита прав граждан / Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе. Муром: МИ ВлГУ. 2004.

10. Киселев П. П. Адвокатское уголовное расследование как самостоятельная форма квалифицированной юридической помощи // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 1.

11. Марченко М. Н. Юридическая наука и юридическое образование в современной России / Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. Ростов-на-Дону: РГЭУ. 2009.

12. Насырова А. Н. Нормативное правовое регулирование качества и доступности оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации. – Научные труды V Всероссийского съезда (Национального конгресса) по медицинскому праву. М.: НИМП. 2013.

13. Никитин Н. А. Право на юридическую помощь в национальном и международном механизмах защиты прав человека / Система и механизмы международно-правовой защиты прав человека. – Сборник научных статей по результатам Всероссийской научной конференции, посвящённой 65-летию Всеобщей декларации прав человека 1948 г. СПб.: Астерион. 2013.

14. Оводкова Л. С. Об обеспечении права граждан на квалифицированную юридическую помощь // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2.

15. Поташник И. М. Адвокатура и квалифицированная юридическая помощь // Право и государство: теория и практика. 2013. № 8.

16. Степанов В. В., Шапиро Л. Г. Компетентность и компетенция как категории судебной экспертизы // Правоведение. 2007. № 3.

17. Флорбер Г. Воспитание чувств. М.: Эксмо. 2006.

18. Яткевич О. Г. К вопросу о субъекте оказания квалифицированной юридической помощи // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4.

Исламов Александр Мухамедович,
аспирант кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института
Islamov A.M.

post-graduate student of the Department of theory of law
and state legal disciplines International law Institute

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ**

**RESPONSIBILITY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION**

Аннотация. Статья посвящена изучению и систематизации практики Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам юридической ответственности в системе местного самоуправления

ния. Автор обосновывает вывод о том, что установленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законом вопросы местного значения как предметы исключительного ведения муниципальных образований по своей юридической природе означают не столько область свободы действий муниципальных чиновников, сколько сферу их ответственности перед местным сообществом. Будучи независимыми от государства, муниципальные власти полностью зависимы от воли и интересов избирателей. В связи с этим важной задачей федерального законодательства и законодателей субъектов Российской Федерации является обеспечение эффективных механизмов взаимодействия муниципальных властей и населения, гарантирование демократических форм ответственности муниципалитетов перед избирателями.

Annotation. The article is devoted to the study and systematization of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on legal liability in the system of local self-government. The author substantiates the conclusion that the issues of local importance established by the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law as objects of exclusive jurisdiction of municipalities by their legal nature mean not so much the area of freedom of action of municipal officials as their sphere of responsibility to the local community. Being “independent” from the state, municipal authorities are completely “dependent” on the will and interests of voters. In this regard, an important task of federal legislation and the legislators of the constituent entities of the Russian Federation is to ensure effective mechanisms for interaction between municipal authorities and the population, guaranteeing democratic forms of municipal responsibility to voters.

Ключевые слова: ответственность, конституционное правосудие, избирательная система, вопросы местного значения.

Keywords: responsibility, constitutional justice, electoral system, issues of local importance.

Несмотря на особенности отечественной византийско-славянской культуры, власть в современном обществе должна действовать ответственно, будучи связанной правом и демократическими принципами ее функционирования. Пережив культ личности Сталина и ряд других драматических страниц своей истории, страна не может сегодня допустить излишнюю концентрацию власти, возвращение атмосферы всеобщего страха и произвольных публично-правовых решений. Власть несёт ответственность перед обществом, что в конституционно-правовых формах выражается, прежде всего, в

периодических свободных и равных выборах, проводимых на альтернативной основе и позволяющих гражданам выразить своё позитивное или негативное отношение к действующим политическим лидерам¹. Это проявляется не только на федеральном уровне, но также в субъектах РФ и муниципальных образованиях.

Установленные Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы местного значения как предметы исключительного ведения муниципальных образований по своей юридической природе означают не столько область свободы действий муниципальных чиновников, сколько сферу их ответственности перед местным сообществом. Будучи независимыми от государства, муниципальные власти полностью зависимы от воли и интересов избирателей. В связи с этим важной задачей федерального законодательства и законодателей субъектов РФ является обеспечение эффективных механизмов взаимодействия муниципальных властей и населения, гарантирование демократических форм ответственности муниципалитетов перед избирателями.

Об этом свидетельствует практика Конституционного Суда РФ. Так, рассматривая дело о проверке конституционности законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан, Конституционный Суд РФ установил, что субъекты РФ не вправе вмешиваться в компетенцию муниципальных образований, устанавливая дополнительные гарантии рассмотрения обращений граждан. Данные общественные отношения подлежат регулированию муниципальными нормативными правовыми актами, что гарантирует ответственность муниципалитетов перед населением².

Механизм ответственности органов и должностных лиц перед населением и государством может вступать в прямое противоречие в случае досрочного прекращения полномочий органа или должностного лица, обжалования этого действия в суде при одновременном про-

---

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с послед. изм. / СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» / СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4470.

ведении досрочных муниципальных выборов. Данная ситуация разрешалась Конституционным Судом РФ многократно, причём с различными рекомендациями законодателю. В частности, при рассмотрении спора в 2013 г. Конституционный Суд РФ установил, что удалённый в отставку глава муниципального образования вправе баллотироваться на досрочных выборах в течение судебного процесса, в котором разрешается соответствующее обращение удалённого главы муниципалитета¹. В 2014 г. правовая позиция Конституционного Суда РФ базировалась на необходимости завершения судебных процедур до дня проведения досрочных муниципальных выборов. Коллизия институтов, с одной стороны, судебного обжалования решения о досрочном прекращении полномочий выборных органов местного самоуправления, с другой – безотлагательности досрочных муниципальных выборов, должна разрешаться посредством ускоренного судебного разбирательства².

С другой стороны, местное самоуправление не следует понимать как структуру, полностью отделённую от государства. Самостоятельность по вопросам местного значения – важная гарантия, но не единственный регулятор общественных отношений. Муниципалитеты связаны Конституцией РФ, вытекающими из Конституции РФ правовыми позициями Конституционного Суда РФ, федеральным законодательством³, нормативно-правовой базой субъектов РФ, практикой

---

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова» / СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

²Постановление Конституционного Суда РФ от 26 июня 2014 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области “О муниципальных выборах” в связи с жалобой граждан А. В. Ерина и П. В. Лебедева» / СЗ РФ. 2014. № 27. Ст. 3849.

³Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с послед. изм. / СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

прокурорского надзора¹, волей органов управления юстицией (в частности, при регистрации уставов муниципальных образований)². Государство вмешивается в муниципальную самостоятельность, благодаря институту делегирования федеральных и региональных полномочий, реализация которых осуществляется на основе вертикали власти. Некоторые федеральные и региональные органы исполнительной власти специальной компетенции (министерства, агентства, службы) наделены функциями государственного контроля над деятельностью органов местного самоуправления (координация этой деятельности осуществляется прокуратурой). Всё это в совокупности требует, чтобы наряду с ответственностью органов местного самоуправления перед населением существовала ещё и ответственность этих органов перед государством.

Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике выработал ряд важных критериев, на которые должны опираться суды при реализации мер ответственности перед государством. В частности, меры ответственности не могут препятствовать «публичному обсуждению общественно значимых проблем»³. Неоднозначное толкование законодательных норм влечёт за собой их произвольное применение⁴, поэтому нормы об ответственности должны быть ясными, чёткими и недвусмысленными. При определении мер ответственности должны учитываться такие обстоятельства, как форма и степень

---

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» с послед. изм. / ВВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366. СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Федеральный закон от 21.07.2005 № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» с послед. изм. / СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3108.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» / СЗ РФ. 2014. № 40. Ст. 5489.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 9 Федерального закона от 25 декабря 2012 года № 269-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. П. Селезенева» / СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1576.

вины, поведение правонарушителя, последствия правонарушения, размер причинённого вреда¹.

Двойственность института ответственности органов местного самоуправления перед населением и перед государством, однако, не может быть квалифицирована как дихотомия. Существуют и могут иметь место другие формы муниципальной ответственности. Она возникает не только перед населением и перед государством. Более того, эта классификация, закреплённая законодательно, нередко заслуживает критики. В ряде случаев ответственность (за одно и то же деяние) наступает одновременно и перед населением, и перед государством. Разграничение данных форм ответственности муниципалитетов, однако, позволяет подчеркнуть конституционный принцип самостоятельности муниципалитетов, их независимости от государства по тем вопросам, которые само государство им разрешило иметь в собственном ведении, приняв на себя обязательство не вмешиваться в жизнедеятельность местных сообществ.

Это – сугубо добровольное обязательство государства, зафиксированное на конституционном уровне. Будучи суверенным, государство всегда может отказаться от института самостоятельности муниципалитетов (с позитивно-правовой точки зрения для этого достаточно внести поправки в Конституцию РФ). Следует иметь в виду, что данная форма взаимодействия государства и местной власти зафиксирована в ст. 12 Конституции РФ, нормы которой не могут изменяться в обычной парламентской процедуре с ратификацией законодательными (представительными) органами субъектов РФ.

Чтобы отказаться от принципа самостоятельности местного самоуправления «в пределах своих полномочий», нужно было бы созвать Конституционное Собрание, которое либо подтверждает неизменность Конституции РФ, либо разрабатывает проект новой Конституции РФ (принимаемой либо путём референдума, либо решением данного Конституционного Собрания). В правовой системе современной России нет федерального конституционного закона о Кон-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причинённого лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярье”» / СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.

ституционном Собрании. Тем самым законодатель как бы подчёркивает, что на данном историческом этапе отсутствует необходимость внесения поправок в главы 1, 2 и 9 Конституции РФ. Изменения и дополнения могут вноситься¹ (и фактически вносятся)² в другие главы, не изменяя саму суть Основного закона страны. Правильность этого вывода подтверждена инициативами Президента РФ в начале 2020 г. о ряде поправок в Конституцию РФ, исключая ее главы 1, 2 и 9³.

Таким образом, принцип самостоятельности органов местного самоуправления (и, следовательно, вытекающий из него принцип двойственности их ответственности перед населением и государством) защищает механизм «жёсткой» Конституции, поправки к которой принимаются в усложнённом порядке. Но это, как уже было сказано, – позитивно-правовой аргумент, который не может считаться полным. Если бы юридическое требование самостоятельности местного самоуправления было несправедливым, тормозило дальнейшее развитие страны и опиралось бы всего лишь на один формальный критерий связанности положительным правом, для преодоления этого нужно было бы вносить поправки в Конституцию РФ и даже её пересматривать. В действительности обстоятельства выглядят совсем иначе: общество *нуждается* в принципе самостоятельности местного самоуправления, ему жизненно *необходимо*, чтобы муниципалитеты несли ответственность и перед населением (по вопросам местного

---

¹ Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» с послед. изм. / СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» / СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4202.

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации, не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта.

значения), и перед государством (по вопросам государственного значения).

Это демократическое «завоевание», которое было бы совершенно немыслимым в советской России, юридически защищает ст. 12 Конституции РФ, поправки в которую не могут вноситься иначе как посредством пересмотра всей Конституции. Принцип самостоятельности местного самоуправления настолько фундаментален, что оно является системообразующим для современного российского конституционного строя. Если местное самоуправление перестанет быть самостоятельным, то и конституционный строй будет принципиально иным.

Благодаря разграничению ответственности муниципальных образований перед населением и перед государством, обеспечивается разумная децентрализация власти; не допускается, чтобы вся политическая власть располагалась в области государственной компетенции Федерации и её субъектов. Граждане имеют возможность самостоятельно, под свою ответственность решать местные вопросы, которые в силу своей локальности не нуждаются в том, чтобы их регулировало и воплощало в жизнь государство, его территориальные органы или представители. *Доверяя местным сообществам публично-правовую компетенцию, государство одновременно с этим предполагает, что подобные функции будут осуществляться ответственно*, не произвольно. Юридически это выражается в наличии обособленных конституционно-правовых институтов ответственности органов местного самоуправления перед населением и перед государством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» / СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4202.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» с послед. изм. / ВВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366. СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
4. Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» с послед. изм. / СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

5. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с послед. изм. / СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с послед. изм. / СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

7. Федеральный закон от 21.07.2005 № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» с послед. изм. / СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3108.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» / СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4470.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Дубкова» / СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 июня 2014 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области “О муниципальных выборах” в связи с жалобой граждан А. В. Ерина и П. В. Лебедева» / СЗ РФ. 2014. № 27. Ст. 3849.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» / СЗ РФ. 2014. № 40. Ст. 5489.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 9 Федерального закона от 25 декабря 2012 года № 269-

ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина В. П. Селезенева» / СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1576.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причинённого лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярье”» / СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.

14. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» / Российская газета. 2020. 17 марта.

Хайруллин Тахир Вагизович,

аспирант кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института

Khairullin T.V.

postgraduate student of the Department of legal theory and state-legal disciplines International law Institute

ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

CONCEPT AND CONSTITUTIONAL ESSENCE OF PRIVACY RIGHTS

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности права на неприкосновенность частной жизни в конституционной юриспруденции. Автор обосновывает точку зрения, что в содержании конституционного права на неприкосновенность частной жизни следует раз-

личать два относительно обособленных компонента: во-первых, генеральный запрет на вторжение государства и общества в приватность граждан (он имеет общий характер и, в значительной мере, зависит от судебного усмотрения); во-вторых, конкретные конституционные права (в российском конституционном праве – на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени, на тайну корреспонденции, на конфиденциальность информации о частной жизни, на ознакомление с материалами о гражданине, на неприкосновенность жилища).

Annotation. The article is devoted to the study of the essence of the right to privacy in constitutional jurisprudence. The author substantiates the point of view that two relatively separate components should be distinguished in the content of the constitutional right to privacy: firstly, a general ban on the invasion of the state and society into the privacy of citizens (it has a general character and largely depends on judicial discretion); secondly, specific constitutional rights (in Russian constitutional law - on personal and family secrets, on the protection of honor and good name, on the secrecy of correspondence, on the confidentiality of information about private life, on familiarization with materials about a citizen, on the inviolability of the home).

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, неприкосновенность частной жизни, охраняемая законом тайна, конфиденциальность.

Keywords: rights and freedoms of man and citizen; privacy; secret protected by law; confidentiality.

Право на неприкосновенность частной жизни составляет своего рода ядро личных прав и свобод человека и гражданина. Однако оно с трудом пробивало дорогу в структуре правового статуса личности, в зарубежной практике признавалось государствами и правительствами не сразу (во всяком случае, оно не относится к традиционным «правам первого поколения» по классификации К. Васака), в России получило признание и надлежащую институционализацию лишь в постсоветский период, имеет высокую степень неопределённости ввиду общего характера соответствующей правовой нормы и корреспондирующей этому широкой дискреции судов. Эти и ряд других обстоятельств актуализируют исследования в юридической науке проблематики понятия и конституционно-правовой природы неприкосновенности частной жизни.

А. А. Александров обращает внимание на то, что право на неприкосновенность частной жизни охраняют статьи 23 – 25 Конституции РФ¹. Анализируя содержание ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, А. С. Дежнев задаётся вопросом, почему конституционный законодатель разделяет понятия «частная жизнь», с одной стороны, и «личная и семейная тайна», с другой. Полагаем верной позицию автора о толковании этих конституционно-правовых терминов как общих и частных. Подобная дифференциация в правовом регулировании обусловлена стремлением законодателя «подчеркнуть» личную и семейную жизнь как наиболее важные компоненты частной жизни, но не противопоставить эти конституционно-правовые категории². Личная и семейная жизнь является компонентом частной жизни, однако нельзя сказать, что все формы частной жизни сводятся исключительно к личной и семейной жизни.

Сравнивая конституционные права на жизнь и на частную жизнь, А. В. Кротов верно подчёркивает, что частная жизнь возникает только при реализации субъектом права на жизнь, но право на частную жизнь продолжает своё действие и после смерти индивида, хотя и в «усечённом виде» (информация о действиях в жилище, тайна содержания корреспонденции и т.п.)³. Н. В. Крысанова, опираясь на зарубежный опыт правового регулирования, предлагает использовать более лаконичное русское слово зарубежного происхождения «приватность»⁴. В юридической литературе можно часто встретить сочетание указания на частную жизнь или неприкосновенность частной жизни. Но во всех подобных случаях речь идёт о гарантиях приватности.

Полагаем, что в конституционно-правовом смысле приватность, частная жизнь и неприкосновенность частной жизни как объекты

---

¹ Александров А. А. Понятие частной жизни участников уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 18. С. 27.

² Дежнев А. С. Семейная тайна как объект уголовно-процессуальной защиты // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 155.

³ Кротов А. В. Соотношение права на частную жизнь с правами на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность // Современное право. 2011. № 3. С. 29.

⁴ Крысанова Н. В. Рецензия: Иванский В. П. Правовая защита информации о частной жизни граждан: опыт современного правового регулирования. М.: РУДН, 1999 // Социальные и гуманитарные науки. Серия 4: Государство и право. 2001. № 4. С. 140.

субъективных прав участников конституционных правоотношений используются в близком смысловом значении. Их не следует противопоставлять друг другу, усматривать между ними принципиальные различия. Однако нельзя не заметить, что юридический термин «неприкосновенность» применительно к приватности (или частной жизни, что в данном случае одно и то же) в определенной степени сужает конституционный смысл анализируемого понятия. С. К. Жетписов характеризует термин «неприкосновенность» применительно к частной жизни как целесообразность, продуманность и соразмерность вмешательства государства и его органов в частную жизнь граждан¹. Их не следует отождествлять со всем комплексом гарантий реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Н. Л. Пушкарёва полагает, что проблематика частной жизни в настоящее время освобождается от веками существовавших запретов на публичную артикуляцию². Как отмечает Х. Б. Бураев, в Советском государстве сбор информации о частной сфере осуществлялся на основе внутриведомственных инструкций; доступ гражданина к досье, содержащему сведения о нём, был закрыт³. Применительно к современной жизни это обусловлено волной новой вестернизации и культом здорового образа жизни, а также расширением возрастных рамок активности, ослаблением поляризованности социальных различий, выдвиганием на передний план не коллективистских задач, но задач субъективного благополучия⁴. О. В. Афанасьева связывает институционализацию права на частную жизнь с развитием первоначально европейской, затем – глобальной городской капиталистической цивили-

---

¹ Жетписов С. К. Защита права на неприкосновенность частной жизни органами прокуратуры // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 175.

² Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X – XX в.в.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 15.

³ Бураев Х. Б. Неприкосновенность частной жизни в России: теория и практика // Социология и право. 2011. № 5. С. 44.

⁴ Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X – XX в.в.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 15.

лизации с присущим ей индивидуализмом¹. М. А. Ступалова отмечает тенденцию расширения доступности к частной жизни граждан ввиду разнообразия современных технических средств передачи информации². Л. А. Гайнутдинова считает неприкосновенность частной жизни базовой характеристикой и нормой гражданского общества³. Э. Р. Аберхаев полагает, что реализация права на неприкосновенность частной жизни – один из ключевых показателей уровня демократизации общества⁴.

Соглашаясь с указанными авторами, подчеркнём, что частная жизнь и приватность как объекты субъективных прав неразрывно связаны с концепциями свободы и достоинства личности. Неприкосновенность частной жизни не заменяет свободу и достоинство людей, но является их важнейшей гарантией. Для реализации права на неприкосновенность частной жизни, по мнению Р. Б. Головкина и И. Б. Жуган, требуется, как минимум, наличие регулятивных, институционных и функциональных гарантий со стороны государства и общества⁵. Эти гарантии одновременно обеспечивают свободу, достоинство индивидов и неприкосновенность их частной жизни.

В юридической науке приобрели дискуссионный характер вопросы интерпретации *содержания* конституционного права на приватность. Высказываются различные, зачастую, противоположные мнения. И. А. Манкевич интерпретирует понятие частной жизни как сферу физической и духовной жизнедеятельности личности, находя-

---

¹ Афанасьева О. В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 76.

² Ступалова М. А. Пробелы в нормах уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, регулирующих частную жизнь осуждённых в исправительных учреждениях // *Пробелы в российском законодательстве*. 2008. № 1. С. 252 – 253.

³ Гайнутдинова Л. А. Базовые характеристики гражданского общества // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 3. С. 215.

⁴ Аберхаев Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2008. № 1. С. 90.

⁵ Головкин Р. Б., Жуган И. Б. Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни // *Вестник Владимирского юридического института*. 2012. № 4. С. 56.

щуюсь вне государственного контроля и общественного интереса¹. П. Ю. Поздникин вследствие анализа американского опыта правового регулирования приватности выделяет четыре компонента в содержании частной жизни индивида: личную автономию, эмоциональное освобождение, анонимность и интимность (как замкнутое общение, предполагающее добровольное поддержание контакта с узким кругом лиц)². В. П. Иванский выделяет следующие формы проявления неприкосновенности частной жизни: неприкосновенность жилища; физическая, психическая и моральная неприкосновенность; неприкосновенность коммуникации; информационная неприкосновенность; анонимность и уединение; неприкосновенность семейной жизни³.

Ю. В. Пискунова высказывает мнение о том, что право на частную жизнь может быть интерпретировано в двух аспектах – широком и узком. В широком смысле – это комплекс личных (гражданских), политических и социально-экономических прав; в узком – совокупность специфических компонентов и вытекающих из них правомочий носителей субъективного права. Основным смыслом частной жизни состоит в неподчинённости непосредственному контролю со стороны государственных органов, общественных объединений и других лиц. Причём содержание и формы частной жизни, по мнению цитируемого автора, определяет сам гражданин⁴.

Различие этих и ряда других точек зрения базируется, как минимум, на двух противоположных теоретико-методологических подходах к исследованию конституционного права на приватность – *пространственном* и *содержательном*. Российская юридическая традиция в значительной степени базируется на первом из двух указанных подходов. По удачному выражению А. Г. Бенгт, частная жизнь

---

¹ Манкевич И. А. Частная жизнь Гения как предмет культурологических штудий // Вопросы культурологии. 2009. № 4. С. 83.

² Поздникин П. Ю. Информация и частная жизнь: проблемы, регулирование, взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 98.

³ Иванский В. П. Взаимосвязь развития информационного общества и эволюции права на неприкосновенность частной жизни человека // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 4. С. 70.

⁴ Пискунова Ю. В. Особенности конституционного ограничения субъективного права гражданина на неприкосновенность частной жизни (сравнительно-правовой комментарий) // Вестник Академии. 2010. № 2. С. 91.

находится в тесной координации с пространством её протекания¹. Однако М. Л. Кирин критически смотрит на мнения Г. А. Митцукowej, Б. Н. Топорнина² и, опираясь на практику Европейского суда по правам человека, занимает позицию расширительного толкования понятия «частная жизнь», включая в него, например, трудовую и служебную деятельность, поскольку частная жизнь в определённой степени имеет место в процессе выполнения трудовых или служебных функций³. Д. Д. Ковтун верно подчёркивает тенденцию в практике Европейского суда по правам человека связывать понятие жилища «не столько с функциональным назначением того или иного помещения и приспособленностью его для проживания, сколько с использованием его для ведения личной жизни»⁴. Анализируя проблемы реализации в правовой системе России решения Европейского суда по правам человека по делу Смирнова против России (неправомерное длительное лишение паспорта нарушает частную жизнь гражданина), И. В. Пржиленский считает необходимым внедрение в практику прецедентного подхода, а также возложение на российские суды обязанности ссылаться на нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод в решениях по гражданским, уголовным и административным делам⁵. В указанных случаях наблюдается содержательный, а не пространственный подход к исследованию сущности права на неприкосновенность частной жизни.

---

¹ Бент А. Г. Англичане у себя дома: культура частной жизни в литературных отражениях // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43. С. 14.

² Данные авторы не включают в понятие «частная жизнь» служебную и трудовую деятельность граждан. – См.: Митцукowa Г. А. Право на неприкосновенность частной жизни как конституционное право человека и гражданина. Екатеринбург: УрЮИ МВД России. 2007. С. 30. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Юрист. 1997. С. 153.

³ Кирин М. Л. Наблюдение в служебных помещениях как один из видов оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4. С. 82.

⁴ Ковтун Д. Д. Неприкосновенность жилища в российском уголовном процессе и практика Европейского суда по правам человека // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 143.

⁵ Пржиленский И. В. Вопросы применения международного и российского законодательства в делах о нарушении тайны частной жизни в российских судах // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 3. С. 72.

Участвуя в развернувшейся дискуссии, ряд авторов предлагает некоторые дополнения к высказанным в литературе мнениям. Право на неприкосновенность частной жизни, по мнению О. В. Леонтьева, включает в себя требование конфиденциальности информации о состоянии здоровья¹. И. В. Винюкова и С. Е. Кузахметова отмечают, что люди доверяют свои личные тайны представителям определённых профессий, необходимым атрибутом которых выступает сохранность тайн. В их числе: адвокаты, депутаты, врачи, психологи, нотариусы, налоговые инспекторы, журналисты, органы опеки и попечительства, банковские работники и священнослужители². Следовательно, законодатель несёт публично-правовую обязанность регламентации и формализации деятельности этих субъектов правоотношений в целях реализации конституционного права граждан на приватность.

Проблема сосуществования неприкосновенности частной жизни и контртеррористической деятельности правоохранительных органов исследована Ю. Сафокловым применительно к деятельности конституционного правосудия в Германии. В частности, автор отстаивает точку зрения, что общее право на неприкосновенность частной жизни гарантирует права личности, которые не подпадают под применение других прав и свобод человека и гражданина, но сравнимы с ними по своему фундаментальному значению. Такая гарантия призвана не только заполнить пробелы в правовой защите частных лиц, но и противостоять угрозам современности, возникающим вследствие научно-технического прогресса и изменившихся условий жизни³. С. Г. Ощук считает, что понятия личной и семейной тайны тесно связаны между собой и во многом совпадают⁴.

---

¹ Леонтьев О. В. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни при оказании медицинской помощи // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 1. С. 15.

² Винюкова И. В., Кузахметова С. Е. Неприкосновенность частной жизни как принцип правового регулирования отношений в сфере защиты информации // Правовая культура. 2007. № 1. С. 150.

³ Сафоклов Ю. «Большой брат» в Интернете. Решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5. С. 147.

⁴ Ощук С. Г. Права на личные и профессиональные тайны как составные элементы института неприкосновенности частной жизни // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2012. № 2. С. 129.

Критический анализ этих и ряда других точек зрения, высказанных в юридической литературе, позволяет сформулировать авторскую позицию по исследуемому вопросу. В масштабе общемировых тенденций право на неприкосновенность частной жизни эволюционировало из субъективных прав на охраняемую законом тайну (личную, семейную и др.), на неприкосновенность корреспонденции и неприкосновенность жилища. Признание неприкосновенности частной жизни как таковой произошло в исторической ретроспективе не сразу, причём, главным образом, под влиянием судебной практики, но не законодательства и даже не конституционного регулирования. Изначально критерий «частная жизнь» скорее прецедентный, чем законодательный. Он базируется на англосаксонской методологии и получил мощный импульс развития, благодаря практике судов, в том числе, Европейского суда по правам человека. Страны романо-германской правовой семьи с большей осторожностью признавали неприкосновенной частную жизнь в целом, но с течением времени и в этих странах данная тенденция приобрела решающий характер. Право на приватность, в конечном итоге, завоевало господство и в странах, которые в прошлом предпочитали социалистический путь развития.

В связи с этим в содержании конституционного права на неприкосновенность частной жизни следует различать два относительно обособленных компонента: во-первых, генеральный запрет на вторжение государства и общества в приватность граждан (он имеет общий характер и, в значительной мере, зависит от судебного усмотрения); во-вторых, конкретные конституционные права (в российском конституционном праве – на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени, на тайну корреспонденции, на конфиденциальность информации о частной жизни, на ознакомление с материалами о гражданине, на неприкосновенность жилища), которые подкрепляются сравнительно подробным законодательным регулированием и, в меньшей степени, подвержены судебной дискреции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аберхаев Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1.
2. Александров А. А. Понятие частной жизни участников уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 18.

3. Афанасьева О. В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6.

4. Бент А. Г. Англичане у себя дома: культура частной жизни в литературных отражениях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 43.

5. Бураев Х. Б. Неприкосновенность частной жизни в России: теория и практика // *Социология и право*. 2011. № 5.

6. Винюкова И. В., Кузахметова С. Е. Неприкосновенность частной жизни как принцип правового регулирования отношений в сфере защиты информации // *Правовая культура*. 2007. № 1.

7. Гайнутдинова Л. А. Базовые характеристики гражданского общества // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 3.

8. Головкин Р. Б., Жуган И. Б. Гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни // *Вестник Владимирского юридического института*. 2012. № 4.

9. Дежнев А. С. Семейная тайна как объект уголовно-процессуальной защиты // *Российский юридический журнал*. 2009. № 2.

10. Жетписов С. К. Защита права на неприкосновенность частной жизни органами прокуратуры // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2011. № 2.

11. Иванский В. П. Взаимосвязь развития информационного общества и эволюции права на неприкосновенность частной жизни человека // *Философия социальных коммуникаций*. 2011. № 4.

12. Кирин М. Л. Наблюдение в служебных помещениях как один из видов оперативно-розыскных мероприятий // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2011. № 4.

13. Ковтун Д. Д. Неприкосновенность жилища в российском уголовном процессе и практика Европейского суда по правам человека // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 60.

14. Кротов А. В. Соотношение права на частную жизнь с правами на жизнь, свободу и личную неприкосновенность // *Современное право*. 2011. № 3.

15. Крысанова Н. В. Рецензия: Иванский В. П. Правовая защита информации о частной жизни граждан: опыт современного правового регулирования. М.: РУДН, 1999 // *Социальные и гуманитарные науки. Серия 4: Государство и право*. 2001. № 4.

16. Леонтьев О. В. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни при оказании медицинской помощи // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 1.

17. Манкевич И. А. Частная жизнь Гения как предмет культурологических штудий // Вопросы культурологии. 2009. № 4.

18. Митцукова Г. А. Право на неприкосновенность частной жизни как конституционное прав человека и гражданина. Екатеринбург: УрЮИ МВД России. 2007. С. 30. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Юрист. 1997.

19. Ошуков С. Г. Права на личные и профессиональные тайны как составные элементы института неприкосновенности частной жизни // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2012. № 2.

20. Пискунова Ю. В. Особенности конституционного ограничения субъективного права гражданина на неприкосновенность частной жизни (сравнительно-правовой комментарий) // Вестник Академии. 2010. № 2.

21. Поздникин П. Ю. Информация и частная жизнь: проблемы, регулирование, взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1.

22. Пржиленский И. В. Вопросы применения международного и российского законодательства в делах о нарушении тайны частной жизни в российских судах // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 3.

23. Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X – XX в.в.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2.

24. Сафоклов Ю. «Большой брат» в Интернете. Решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5.

25. Ступалова М. А. Пробелы в нормах уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, регулирующих частную жизнь осуждённых в исправительных учреждениях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.

Белова Ирина Евгеньевна,
кандидат экономических наук, адвокат, старший преподаватель
Международного юридического института
Belova I. E.
candidate of economic Sciences,
lawyer, senior teacher International law Institute

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И COVID-19

LABOR RELATIONS AND COVID-19

Аннотация. В статье проведён анализ нормативного правового регулирования трудовых отношений в условиях нерабочих дней в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Сформулированы основные направления организации действий работодателя, которые позволят минимизировать риски, связанные с некорректным привлечением сотрудников к работе в период объявленных нерабочих дней.

Annotation. The article analyzes the legal regulation of labor relations during non-working days in the Russian Federation due to the threat of the further spread of a new coronavirus infection (COVID-19). The main lines of action of the employer organization are formulated, which will minimize the risks associated with incorrect involvement in the work during the declared non-working days.

Ключевые слова: нормативное правовое регулирование, нерабочие дни, трудовые отношения, работодатель, коронавирус, удалённая (дистанционная) работа.

Keywords: normative legal regulation, non-working days, labor relations, employer, coronavirus, remote (remote) work.

Принятые ограничительные меры регулярно корректируются государственными органами на федеральном и региональном уровнях и дают значительный бизнес-вызов. Разнообразие мер, скорость их принятия и слабое правоприменение – вот трудности, с которыми столкнулся работодатель. Перестройка трудовых отношений в сфере

организации труда в этот период и снижение рисков по результатам возможных проверок – вот цель данной статьи.

Указом Президента от 25.03.2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» установлены ограничительные меры, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, определён период нерабочих дней. В результате новых трудовых реалий общее число вопросов, возникших у работодателя, увеличилось, пришлось адаптироваться и работать в текущих условиях, в результате чего и проявились неурегулированные трудовым законодательством моменты.

Введённый период нерабочих дней, определённый Указом Президента от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» (далее «Указ»), сохранял за работниками заработную плату, был продлён до 30 апреля, а впоследствии и до 11 мая. В соответствии с Указом, в этот период могли продолжать работу лишь отдельные категории организаций, которые отвечают за жизнеобеспечение населения. Минтруд уточнил, что продолжить трудиться могли также те, кто перешёл на удалённый режим работы, и рекомендовал всем работодателям, по возможности, перевести сотрудников на работу дома, если служебные обязанности и организационно-технические условия это позволяют.

Так как в Трудовом кодексе не установлена такая формулировка, как «нерабочий день», основным вопросом, который возник у работодателя после Указа Президента, стал вопрос о том, как производить оплату в установленный период нерабочих дней. В Трудовом кодексе определено понятие «выходной день» и понятие «нерабочие праздничные дни». Минтруда России разъясняет, что нерабочий день, согласно Указу Президента от 25 марта 2020 г. № 206, не относится к выходным или нерабочим праздничным дням. Таким образом, работникам, продолжающим работать удалённо, и работникам организаций, на которых данный Указ не распространяется, выплата заработной платы, включая должностной оклад, компенсационные надбавки и стимулирующие выплаты (если применимо), производится в обычном, а не повышенном размере, если иное не оговорено с работником. При повременной оплате размер оплаты должен соответствовать тому, который работник получил бы, если бы отработал норму рабочего времени, а при сдельной оплате – размеру, который работник получил бы, если бы выполнил норму труда. Если работник находится в отпус-

ке в период нерабочих дней, то отпуск на эти дни не продлевается¹. Данная позиция также подтверждается разъяснениями Роструда от 9 апреля 2020 года².

Многие компании перешли на удалённый формат работы. Сложности возникли у компаний, для которых невозможно перевести сотрудников в полном объёме на удалённый режим работы и работникам приходится приезжать в офис в случае исключительной необходимости. Фактически многие компании стали совмещать удалённый режим работы с работой в офисе по производственной необходимости.

Работодатель фактически оказался не готовым к такому повороту трудовых отношений. Принимая во внимание рекомендации Минтруда, первое, что должен сделать работодатель, – это определиться с составом работников, которые переводятся на удалённую работу, составить списки этих сотрудников и определить порядок организации удалённой работы. Далее работодателю рекомендовано издать приказ о временном (на период мероприятий, направленных на нераспространение новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)) переводе сотрудников на удалённую работу на дому, ознакомить с ним работников и заключить дополнительные соглашения к трудовым договорам с работниками³.

Всё предельно ясно с компаниями, которые полностью перевели на удалённый (дистанционный) режим работы своих сотрудников. Сложнее пришлось компаниям, которым приходится совмещать удалённую работу сотрудников с их посещением офиса. Имеется ввиду ситуация, когда сотрудник переведён на дистанционную работу, но посещает офис в случае исключительной ситуации. Например, это может быть сотрудник IT-отдела, которому пришлось приехать в офис для восстановления работы сервера, от которого зависит удалённая работа остальных сотрудников. Только в перспективе мы сможем оценить проблемы, которые всплывут после прекращения ограничи-

---

¹ Рекомендации работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» от 26 марта 2020 года [Электронный ресурс] URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/relationship/379>

² Письмо Роструда от 09.04.2020 № 0147-03-5 [Электронный ресурс] URL: <https://rosmintrud.ru/employment/54>

³Профилактика COVID-19 в организациях/ URL: https://rosmintrud.ru/uploads/editor/55/40/business_%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4.pdf

тельных мер. Полагаю, что в следующем году может начать формироваться судебная практика, связанная с периодом ограничительных мер в условиях коронавирусной инфекции.

Возникает резонный вопрос: почему работодателю, для того чтобы продолжать просто работать, необходимо заключать дополнительные соглашения? Всё просто: фактического установления ограничительных мер со стороны руководства нашей страны недостаточно для перевода сотрудников на удалённую работу, так как при переходе на удалённый режим у работника меняется место работы, которое, в соответствии со статьёй 57 ТК РФ, является существенным условием трудового договора. Статья 72 ТК РФ устанавливает, что изменение определённых сторонами условий трудового договора, в том числе, перевод на другую работу, допускается только по соглашению сторон трудового договора. Соглашение об изменении определённых сторонами условий трудового договора заключается в письменной форме¹. По общему правилу, соглашение об удалённой работе должно быть составлено в письменной форме в двух экземплярах, подписанных сторонами трудового договора.

С учётом экстренного характера перевода работников на удалённую (дистанционную) работу многие работодатели не имеют возможности обеспечить оперативное подписание работником необходимых документов при его личном присутствии либо посредством направления документов по почте. С учётом актуальных разъяснений Минтруда России в текущей ситуации соглашения об удалённой работе допустимо оформлять путём обмена электронными версиями подписанных документов с их последующим оформлением в установленном порядке при необходимости². Соответственно, текущие условия и реалии допускают заключение и подписание дополнительного соглашения к трудовому договору путём электронного документооборота между работодателем и работником. Ознакомившись с приказом о переводе на удалённую (дистанционную) работу, работник со своего рабочего электронного адреса подтверждает согласие на данный перевод. Стоит обратить внимание, что перевод на удалённую (дистанционную) работу возможен лишь с согласия работника.

---

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации. Ст. ст. 57, 72.

² Дополнения к Рекомендациям работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» от 27.03.2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/relationship/380>

Возможно, с учётом того, что можно направить скан копии, покажется, что дополнительное соглашение к трудовому договору лишь формальность, однако это не так. Работодателю следует помнить, что сотрудник, переведённый на дистанционную работу, всё равно является работником со всеми своими правами и обязанностями перед ним. Автору данной статьи видится, что подробное закрепление в дополнительном соглашении порядка организации работы обезопасит работодателя от неожиданностей. Наиболее подробно стоит регламентировать следующие аспекты дополнительного соглашения:

- отразить режим работы как удалённый (дистанционный);
- закрепить срок, на который вводится удалённый (дистанционный) режим работы;
- место фактического исполнения работником трудовых обязанностей;
- о порядке обеспечения работника средствами, необходимыми для выполнения своих обязанностей, и о порядке их использования. В случае предоставления работнику в пользование необходимой техники, материалов работодателю необходимо произвести инструктаж по использованию и технике безопасности, а также зафиксировать прохождение инструктажа, поскольку удалённая (дистанционная) работа не снимает с работодателя ответственность за обеспечение безопасных условий труда;
- о размере и порядке компенсации расходов работника, если работник использует личное имущество в рабочих целях, например, расходы на электричество, интернет, мобильную связь и т. д.;
- регламентировать порядок взаимодействия работника и работодателя, установить сроки выполнения работ (задач) и т. д.;
- в случае пересылки служебной документации стоит предусмотреть порядок обеспечения конфиденциальности данной информации и документов;
- для учёта рабочего времени работодатель может предусмотреть периодичность отчётности работника;
- важно для работодателя предусмотреть своё право отменить удалённую (дистанционную) работу.

В период установленных Указом нерабочих дней компании, на которые не распространяется действие Указа Президента РФ о продлении нерабочих дней и где работники продолжают работу в обычном режиме, обязаны соблюдать введенные меры по защите работников в связи с угрозой распространения инфекции с учётом

рекомендаций соответствующих органов, в частности, памятки Минтруда «Профилактика COVID-19 в организациях». В числе таких рекомендаций: максимальное сокращение массовых мероприятий, отмена командировок, по возможности, введение гибкого графика работы, отказ в допуске к работе работников с признаками заболевания, организация измерения температуры, дополнительные меры дезинфекции и т. д.¹.

Кроме того, 7 апреля 2020 г. Роспотребнадзор выпустил рекомендации² для работодателей по профилактике коронавирусной инфекции на рабочих местах, согласно которым работодателям рекомендовано, в частности, разделить рабочие потоки и обеспечить разобщение коллектива, обеспечить наличие в организации не менее чем пятидневного запаса дезинфицирующих средств для уборки помещений и обработки рук сотрудников, средств индивидуальной защиты органов дыхания, а также обеспечить работникам возможность обработки рук кожными антисептиками или дезинфицирующими салфетками при входе в организацию и контролировать выполнение этой процедуры, контролировать вызов заболевшим работникам врача на дом и соблюдение самоизоляции работников на дому при возвращении их из стран, где зарегистрированы случаи новой коронавирусной инфекции. Таким образом, компаниям, в которых работники продолжают работу в обычном режиме, в том числе, в период нерабочих дней, рекомендовано принимать меры, перечисленные в Рекомендациях Роспотребнадзора. Следует отметить, что актами субъектов РФ предусмотрены дополнительные требования к мерам, принимаемым работодателями на территории соответствующего субъекта. Так, работодатели обязаны перевести в режим удалённой работы граждан в возрасте старше 65 лет, а также граждан, имеющих хронические заболевания, согласно Указу Мэра Москвы, постановлению губернатора Московской области, постановлению Правительства Санкт-Петербурга.

Дистанционная занятость – это наиболее быстроразвивающаяся форма занятости, которая трансформируется в целый ряд разнообразно-

---

¹ Профилактика COVID-19 в организациях [Электронный ресурс] URL: https://rosmintrud.ru/uploads/editor/55/40/business_минтруд.pdf

² О рекомендациях для работодателей по профилактике коронавирусной инфекции на рабочих местах [Электронный ресурс] URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14190

стей гибкой трудовой деятельности¹. Работодателю пришлось подстроиться. Параллельно с дистанционной работой, по мнению автора, сформировался новый вид занятости, который фактически совмещает и смешивает работу в офисе и работу дома. В условиях борьбы с коронавирусом возникла необходимость актуализации трудового законодательства, которое должно предусмотреть возможность для совмещения работы в офисе и дистанционно, а также возможность временного перехода с одного рабочего режима на другой.

Подытожить можно следующим. Несмотря на то, что работодателю пришлось быстро подстраиваться под текущие реалии и при этом максимально соблюсти все требования трудового законодательства, чтобы минимизировать риски организации, связанные с некорректным привлечением к работе, возникли некоторые сложности и шероховатости в оформлении новых трудовых процессов, которые мы сможем оценить лишь в перспективе. Де-факто сложившаяся система нетипичных, фактически смешанных трудовых отношений, когда сотрудник переведён на удалённую работу, но изредка посещает офис в период принятых ограничительных мер в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, показала, что на текущий момент российским законодательством не предусмотрен такой тип трудовых отношений и очевидно, что изменений в трудовом законодательстве не избежать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закалюжная Н. В. Дистанционная работа и схожие правоотношения // Право. Журнал высшей школы экономики. 2015. №2.
2. Рекомендации работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» от 26 марта 2020 года [Электронный ресурс] URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/relationship/379>.
3. Дополнения к Рекомендациям работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» от 27.03.2020г. [Электронный ресурс] URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/relationship/380>.

---

¹Закалюжная Н. В. Дистанционная работа и схожие правоотношения//Право, Журнал высшей школы экономики. 2015. №2. С. 88.

4. Профилактика COVID-19 в организациях [Электронный ресурс]
URL: https://rosmintrud.ru/uploads/editor/55/40/business_%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4.pdf.

5. Профилактика COVID-19 в организациях [Электронный ресурс]
URL: https://rosmintrud.ru/uploads/editor/55/40/business_минтруд.pdf.

6. О рекомендациях для работодателей по профилактике коронавирусной инфекции на рабочих местах [Электронный ресурс]
URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14190.

7. Письмо Роструда от 09.04.2020 № 0147-03-5 [Электронный ресурс] URL: <https://rosmintrud.ru/employment/54>.

Белова Татьяна Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
и. о. зав. кафедрой предпринимательского права
Российского государственного гуманитарного университета
Belova T.V.
candidate of Law, Associate Professor
and about. Head Department of Business Law
Russian State University for the Humanities

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ДИХОТОМИЯ ФУНКЦИЙ РЕГУЛЯТОРА И СОБСТВЕННИКА

THE ROLE OF THE STATE IN CIVIL LEGAL REGULATION OF PRIVATE PROPERTY: A DICHOTOMY OF FUNCTIONS OF THE REGULATOR AND OWNER

Аннотация. В статье рассматривается особый статус государства и его влияние на частную собственность в гражданском праве. Доказывается важность разделения функций государства и доминирования частноправовых начал как основы сложной правовой конструкции собственности.

Annotation. The article examines the special status of the state and its impact on private property in civil law. The importance of the separation of functions of the state and the dominance of private law principles as the basis of a complex legal structure of property is proved.

Ключевые слова: частная собственность, государство, власть, гарантии.

Keywords: private property, state, power, guarantees.

Рассуждая на тему частной собственности, исследователи на протяжении нескольких десятилетий традиционно дискутируют по ряду вопросов. Один из них касается дихотомического положения государства в статусе собственника и регулятора как обладателя властных полномочий в отношениях частной собственности. О необходимости разделения функций государства как суверена и властителя с его образом как служителя правопорядка выступает С. И. Архипов¹. Но при этом автор поддерживает идею о признании собственности относительным правоотношением с выделением в нём наряду с собственником государства как суверена². Однако данная конструкция не нашла поддержки в трудах другого известного цивилиста М. Н. Семякина, по утверждению которого статус государства как суверена лишает его возможности участия в относительном гражданском правоотношении в связи с отсутствием признака равенства участников отношения как ключевого для гражданских правоотношений³. Основываясь на этих и других аргументах, учёный отрицает модель собственности, базирующуюся на публичном правоотношении между собственником и государством⁴. И это лишь часть отдельных элементов дискуссий исследователей по вопросу места и роли государства в рамках гражданско-правового регулирования частной собственности. Подобные рассуждения встречаются в трудах Н. Н. Алексеева, С. Н. Братуся, Д. М. Генкина и др.

С точки зрения функционального подхода, анализ взаимодействия государства и частного собственника представляется достаточно прогрессивным. На первый взгляд, функции государства-собственника не пересекаются с регламентацией частной собствен-

---

¹ Архипов С. И. Правоотношение собственности: теоретический анализ / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnoshenie-sobstvennosti-teoreticheskiy-analiz>

² Архипов С. И. Там же. С. 34.

³ Семякин М. Н. «Субъектная» исследовательская модель частной собственности // *Universum-juris*. 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/37#_ftn42

⁴ Семякин М. Н. Там же.

сти в рамках гражданско-правовых отношений, исходя из правовой конструкции собственности, объективно включающей в себя абсолютное господство лица над вещью и, вместе с тем, определённую границу правомочий одного субъекта по отношению к другому. Но, с другой стороны, при установлении связи между двумя формами собственности, частной и государственной, с позиции возникновения последней, именно частная собственность может порождать возникновение права собственности Российской Федерации либо субъектов. И в этом случае одно абсолютное правоотношение будет предшествовать другому абсолютному отношению собственности, с точки зрения правового режима и иных присущих особенностей, в то время как связующим звеном между ними, посредником будет выступать обязательственное правоотношение. Последнее, в свою очередь, следует признавать своеобразной формой реализации отдельных правомочий собственника, выступающих правовыми возможностями собственника как владельца вещи¹.

Бесспорным будет признаваться факт, что, руководствуясь принципом свободы договора, автономией воли сторон, субъекты правоотношений частной собственности наделены возможностью распоряжения принадлежащим им на праве собственности имуществом, включая и договорные отношения с государством. Например, это может быть договор купли-продажи жилого помещения, деприватизация, договор мены имущества, наследование выморочного имущества. И если деприватизация и наследование по своей правовой природе действительно встречаются на практике, то приходилось ли вам встречать договоры по возмездному отчуждению имущества, заключаемые между физическими или юридическими лицами – собственниками и государством в лице Российской Федерации или её субъектов?

Исходя из анализа законодательства и практики, можно сделать вывод, что участие государства в приобретении права собственности на имущество, принадлежавшее ранее на праве частной собственности, проявляется, как правило, в относительных правоотношениях и основано на принудительном характере государственных требований. Однако влияние государства в этом случае оказывается в большей

---

¹ Семякин М. Н. «Субъектная» исследовательская модель частной собственности // *Universum-juris*. 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL: http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/37#_ftn42.

степени не на относительные отношения, отражающие динамику собственности, а, в первую очередь, на абсолютные отношения, на статику собственности, вмешательство в которые происходит в силу имеющих предписаний – прямых разрешений в законе.

С одной стороны, правила вмешательства государства должны быть определены и прописаны в нормах действующего законодательства. С другой стороны, непосредственно государство в лице законодателя является крупным и основным регулятором отношений, основываясь на имеющейся у него власти. В связи с этим разделение функций государства-собственника и регулятора, с точки зрения частной собственности, представляется актуальным и обоснованным

С позиции соотношения государственной собственности и принимаемых сувереном решений также возникает большое количество спорных вопросов. Но они, как правило, могут сводиться к недопущению незаконного распределения земель, другого недвижимого имущества, надлежащего выполнению обязанностей собственника и других отношений, которые по своему существу будут находиться в вертикальной плоскости и основаны на отношениях власти и подчинения в пределах полномочий и компетенций, предписанных нормативно-правовыми актами. Пожалуй, гражданско-правовыми отношениями, основанными на автономии воли участника и принципе равенства, в данном случае будут оставаться лишь отношения по закреплению определённого имущества за унитарными предприятиями и учреждениями. Но и их цикл существования пронизан преимущественно императивным характером воздействия государства как регулятора.

При рассмотрении вопроса о разделении функций государства регулятора и государства-собственника на первое место выходит вопрос государственного управления собственностью. Подобные вопросы носят межотраслевой характер. Юридическое значение в этом случае имело бы взаимодействие как процесса перераспределения имущества между публично-правовыми образованиями и частными лицами, так и процесса регламентации правил его использования, что на данный момент отсутствует¹.

---

¹Завьялов А. А. Выработка модели управления государственной недвижимостью [Электронный ресурс] URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2009/5/5741.html>.

На первый взгляд может показаться, что подход законодателя в сфере налоговых правоотношений и даже в вопросах оборота недвижимого имущества не обнаруживает никаких различий и уж, тем более, преимуществ для государственной собственности по отношению к частной. Казалось бы, равные ставки налогов и сборов, а также индифферентное регулирование оборота недвижимости любой формы собственности не дают никаких преимуществ государственной собственности¹, тем самым, соблюдая всецело конституционный принцип равенства всех форм собственности, предусмотренных действующим законодательством. Однако в действительности такие различия имеются.

Вопросы разграничения полномочий государства как собственника и регулятора актуальны не только для нашей страны. В зарубежных правовых системах данная ситуация также выступает предметом активных дискуссий как в научной среде, так и в числе практиков².

Обе функции государства, бесспорно, являются важными и предназначены для вменённой суверену роли. Но убедительным представляется тот факт, что одновременное и равнозначное существование функций – статуса государства-собственника и государства-регулятора – не способно оказать положительное воздействие на развитие экономики и, более того, способствует поддержанию приоритета государственной собственности, снижению защиты частной собственности и обеспечения ее правового регулирования. На основании этого под сомнение могут быть поставлены и равные условия не только гражданско-правового регулирования различных форм собственности, но и сознательное допущение нарушения конституционного равенства, что в результате негативно отразится на экономических показателях и конкуренции. С точки зрения же гражданско-правового регулирования отношений частной собственности, данный подход можно признать уничтожающим свободу собственности и отсутствие гарантий в её охране и защите. Так, например, в Белоруссии задача разделения функций государства как регулятора и собственника в качестве одной из важнейших включена в Стратегию развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года, утверждённую постановлением Совмина от 17.10.2018 № 743.

---

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Российская газета, № 148-149, 06.08.1998.

² Фадеев В. Государство – собственник и регулятор. Как разделить функции? [Электронный ресурс] URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/gosudarstvo---sobstvennik-i-regulyator>

Несмотря на дискуссионность и актуальность данной проблемы, её решение до настоящего времени ещё не выработано, что существенно затормаживает процесс развития частной собственности в её коренном понимании как свободы действий собственника и уверенности в защите имущества как от третьих лиц, так и от государства, что в полной мере соответствует общегражданскому постулату об абсолютном характере рассматриваемого правоотношения. Острота и важность обозначенной проблемы подтверждается её обсуждением на государственном уровне, в числе способов решения которой предлагается принятие нормативного акта «О разделении функций государства как регулятора и собственника»¹. В качестве критики данного подхода вполне обоснованно указывается на то, что содержание такого акта в большей степени будет устанавливать рамочные показатели, что маловероятно изменит практическую ситуацию в решении обозначенных проблем.

Никоим образом не отрицая государственную собственность как одну из форм собственности, а также её полноценное регулирование нормами гражданского права, представляется обоснованным выделение следующих вариантов моделирования, позволяющих снизить влияние государства на регулирование отношений собственности, порождающих своеобразное неравенство либо с прямым доминированием государственной собственности, либо с косвенным влиянием государства на частную собственность, что ещё в большей степени приводит к дестабилизации отношений в данной сфере. Возникающие в связи с этим риски основаны, в первую очередь, на шатком правовом регулировании, позволяющем представителям государства манипулировать отношениями частной собственности, понижая, тем самым, степень доверия к этой форме собственности, а также ставя гарантированность прав и интересов участников в зависимость от усмотрения властного суверена. Безусловно, данные обстоятельства не способны закрепить правовой режим частной собственности как одной из ключевых форм, способствующих развитию конкуренции, упрочению товарного рынка, а также улучшению инвестиционного климата в стране.

Функции государства по управлению публичной собственностью, бесспорно, незыблемы, и именно их реализация обеспечивает удовлетворение общественных интересов. Однако с государственной собственностью в тесной взаимосвязи находится ряд правовых кате-

---

¹ Фадеев В. Там же.

горий, требующих более внимательного отношения и регулирования, поскольку именно они предопределяют существование полноценной частной собственности, прежде всего, в рамках гражданско-правового регулирования.

Учитывая, что правоотношение собственности – это сложный механизм, включающий в себя структурные элементы и, вместе с этим, выступающий в непосредственной взаимосвязи с иными видами гражданских правоотношений, рассмотрение перспективных направлений развития гражданского законодательства должно носить комплексный характер. Так, например, в качестве одного из направлений законодательного реформирования следует назвать более точное определение перечня объектов, которые могут находиться в собственности государства, а также видов деятельности, заниматься которыми вправе только государство в лице уполномоченных субъектов. И, несмотря на то, что подходы к закрытым перечням в правовой науке далеко неоднозначны, всё же полагаем, что рассматриваемый случай является одним из тех, когда законодатель должен императивно его установить.

Таким образом, полномочия государства как участника гражданско-правовых отношений собственности должны сводиться преимущественно к частноправовым конструкциям с использованием приёмов и методов гражданско-правового характера, что, в свою очередь, не должно исключать контроль государства как властного суверена. Основная проблема заключается в лимитировании властных полномочий государства, выражаемых в разработке и принятии нормативно-правовых актов, основанных на строгом соблюдении международных и национальных требований о гарантиях и защите частной собственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов С. И. Правоотношение собственности: теоретический анализ / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/185>
2. Семякин М. Н. «Субъектная» исследовательская модель частной собственности // Universum-juris. 2017. №2 [Электронный ресурс] URL: http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/37#_ftn42.

3. Завьялов А. А. Выработка модели управления государственной недвижимостью [Электронный ресурс] URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2009/5/5741.html>

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ //Российская газета, № 148-149, 06.08.1998.

5. Фадеев Валерий. Государство – собственник и регулятор. Как разделить функции?/ [Электронный ресурс] URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/gosudarstvo---sobstvennik-i-regulyator>

Дюкарев Валерий Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института

Мигачёва Елена Васильевна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Московского государственного лингвистического университета

Dyukarev V.V.

candidate of law, associate Professor, associate Professor
of the Department of civil law and procedure
of the International law Institute

Migacheva E.V.

candidate of Law, Associate Professor of international law
Moscowstatelinguistic University

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS RESTRICTIONS ON MONOPOLISTIC ACTIVITY

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования конкуренции, которая всё более развивается в административно-правовом режиме, что обусловлено трудностями её существования в современной экономике без государственной защиты, поскольку стихия рынка сама по себе не сможет защитить участников рынка от недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности. В связи с этим требуется развитие механизма администра-

тивно-правового регулирования и совершенствования административно-правового режима в сфере конкуренции. Приведено суждение учёного сообщества о вмешательстве государственного управления в конкурентные отношения, что несовместимо с рынком, который сам может регулировать большую часть экономических отношений, в том числе, и конкурентные. Представлено мнение авторов о том, что административно-правовой механизм, то есть вмешательство государства является важным инструментом воздействия на хозяйствующие субъекты с целью защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности.

Abstract. The article considers the problem of legal regulation of competition has been developing in the legal and administrative regime, due to the difficulties of its existence a modern economy without state protection, as market forces alone will not be able to protect market participants from unfair competition and monopolistic activities. In this regard, it is necessary to develop the mechanism of administrative and legal regulation and improve the administrative and legal regime in the field of competition. The scientific community's opinion on the interference of public administration in competitive relations is presented, which is incompatible with the market, which itself can regulate most of the economic relations, including competitive ones. The author's opinion is presented that the administrative and legal mechanism, i.e. state intervention, is an important tool for influencing economic entities in order to protect competition and limit monopolistic activities.

Ключевые слова: конкуренция, административно-правовой режим, монополистическая деятельность, защита конкуренции, административно-правовое регулирование, хозяйствующие субъекты, административная ответственность, антимонопольные органы, рынок, антимонопольное законодательство, юридическое лицо публичного права, административный иск.

Keywords: competition, administrative and legal regime, monopolistic activity, protection of competition, administrative and legal regulation, business entities, administrative responsibility, antitrust authorities, market, antitrust legislation, legal entity of public law, administrative claim.

Ограничение монополистической деятельности является важной проблемой развития товарного рынка, с точки зрения науки и практики. Оно напрямую связано с государственной охраной и защитой конкуренции, а также развитием механизма административно-правового

регулирования и законодательства. Мы согласны с тезисом А. Ю. Смагина о том, что развитие антимонопольного законодательства является актуальной проблемой ввиду его взаимосвязи с изменяющимися экономическими процессами и необходимостью регулирования деятельности товарных рынков¹.

Законодательство определяет монополистическую деятельность как запрещенные действия (бездействие) занимающего доминирующее *положение* хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределённого *круга* потребителей². Злоупотребление доминирующим положением характеризуется совокупностью взаимосвязанных признаков: доминирующее положение хозяйствующего субъекта; совершение хозяйствующим субъектом действия (бездействия); наступление или возможность наступления негативных последствий в виде недопущения, ограничения, устранения конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности, либо неопределённого круга потребителей; наличие объективной взаимосвязи между доминирующим положением, совершением деяния и его негативными последствиями либо возможностью наступления таких последствий.

По убеждению исследователей, в частности, А. В. Кинёва, в настоящее время в сфере ограничения монополистической деятельности роль административно-правового регулирования усиливается³. Это, как правильно утверждает О. Н. Толочко, обусловлено тем, что современная экономика не может существовать без государственной защиты конкуренции, поскольку стихия рынка сама по себе не сможет защитить участников рынка от недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности⁴. Только экономические меры в дан-

---

¹ Смагин А. Ю. Развитие системы антимонопольного законодательства в России // Таврический научный обозреватель. № 3(8). 2016.

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О защите конкуренции» / СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

³ Кинёв А. Ю. Административно-правовые основы и организация защиты конкуренции в Российской Федерации. М.: МГЮА, 2013.

⁴ Толочко О. Н. Институт защиты конкуренции в национальном и международном праве: опыт, проблемы, перспективы. // Правоведение. 2016 № 6 (329).

ной области не дают необходимого результата и поэтому государство всё активнее вмешивается в сферу защиты конкуренции. Об этом говорит опыт большинства современных стран¹.

В связи с этим требуется развитие механизма административно-правового регулирования и совершенствования административно-правового режима в указанной сфере, что представляет собой совокупность закреплённых в *нормативных правовых актах* правил поведения, деятельности *граждан и юридических лиц*, порядок реализации ими *прав* и законных интересов в определённых ситуациях в сфере *публичного управления*, направленный на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности специально создаваемыми для этой цели органами, подразделениями и службами органов государственного управления.

Рассматривая систему законодательства в данной сфере, можно отметить, что в её основе лежат конституционные положения о гарантированности единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, а также о поддержке конкуренции, свободе экономической деятельности, а также о признании и защите равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности². Вместе с тем основная роль публичного регулирования экономики должна быть направлена на развитие современных условий конкуренции и ограничение монополистической деятельности.

Административно-правовые нормы преобладают на рынке банковских услуг в данной области, а также конкурентные отношения, которые касаются рекламной деятельности на рынке товаров и услуг. Они касаются выделения государственной помощи, правового положения надзорных органов, порядка оспаривания и обжалования актов антимонопольных органов, а также привлечение к административной ответственности нарушителей. Зарубежные учёные практически высказываются о вмешательстве государственного управления в конку-

---

¹ Указ Президента РФ от 15.05.2018 № 215 (ред. от 21.01.2020) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» / СЗ РФ, 21.05.2018, № 21, ст. 2981.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / СЗ РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

рентные отношения, считая, что стихия рынка сама сможет урегулировать большую часть экономических отношений¹. По их мнению, можно регулировать лишь экономические механизмы, связанные с поступлением налогов, которые непосредственно влияют на развитие социального государства. Только экономические параметры в данной области дают необходимый результат, несмотря на то, что государство всё активнее и в большинстве зарубежных стран вмешивается в экономику².

Анализ положений закона «О защите конкуренции»³ показывает, что ряд его положений носит административно-правовой характер. Это относится к положениям о предупреждении и пресечении монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции государственными органами. Нормы закона также содержат административно-правовые запреты на совершение ряда действий, связанных с монополистической деятельностью и ограничением конкуренции и установлением административной ответственности за их совершение. Закон также регламентирует вопросы государственного контроля в данной сфере (глава 7)⁴.

Важной сферой административно-правового регулирования в области ограничения монополистической деятельности является установление функций и полномочий антимонопольного органа. Это установление осуществляется как нормами названного закона (глава 6), так и актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Так, Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» определён федеральный орган исполнительной власти, являющийся антимонопольным органом, – Федеральная антимонопольная служба (ФАС), руководство деятельностью которой осуществляет Правительство Российской Федерации. В соответствии

---

¹ Писенко А. К. Развитие административного права: от механизмов противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. М.: РУДН, 2010.

² Васильева А. Р. Сервисы государства: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России. М.: РАП, 2012.

³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О защите конкуренции» / СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

⁴ Писенко А. К. Развитие административного права: от механизмов противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. М.: РУДН, 2010.

с Положением о Федеральной антимонопольной службе, утвержденным Правительством Российской Федерации 30 июня 2004 года № 331, основными функциями ФАС России являются создание условий для развития конкуренции в сферах деятельности хозяйствующих субъектов, не относящихся к естественным монополиям, предотвращение и пресечение антиконкурентного вмешательства органов государственной власти и местного самоуправления в функционирование рынков, снижение коррупционных рисков при размещении государственного и муниципального заказа, а также обеспечение равного доступа потребителей к товарам, работам, услугам, реализуемым субъектами естественных монополий, и развитие конкуренции в потенциально конкурентных видах деятельности субъектов естественных монополий.

Большое значение ФАС России также уделяется контролю процедур размещения государственного и муниципального заказа, контролю предоставления государственных и муниципальных преференций отдельным участникам рынков, а также пресечение ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий органов государственной власти и местного самоуправления с отдельными хозяйствующими субъектами. Говоря об административных регламентах ФАС России, следует отметить, что они регулируют порядок проведения административных процедур защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности в рамках действующего законодательства¹.

Нормами, имеющими административно-правовой характер, регулируются вопросы ответственности за нарушение антимонопольного законодательства (глава 8 закона О защите конкуренции²), а также обязательность исполнения решений и предписаний антимонопольного органа, принудительное разделение или выделение коммерческих организаций, некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, приносящую им доход, а также порядок рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства (глава 9 данного закона).

---

¹Лободи А. Е. Проблемы антимонопольного регулирования: административно-правовой аспект // Антимонопольное регулирование. № 2013 – 6(42).

²Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О защите конкуренции» / СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

В настоящее время, несмотря на развитие антимонопольного законодательства, необходимо, чтобы оно имело системный характер. В настоящее время реформа законодательства в области административных правонарушений, в свою очередь, потребует усиления административной ответственности за правонарушения в антимонопольной сфере. Так, по мнению ряда учёных, необходимо, с учётом опыта зарубежных стран, связать вышеуказанные институты с публичным правом, а для этого необходимо разработать понятийный аппарат и наполнить содержанием такие дефиниции, как «юридическое лицо публичного права», «административный иск», «публичные органы власти» и «правовое положение юридических лиц публичного права». Требуют своего разрешения вопросы административной и уголовной ответственности. Предположительно изменения дадут толчок развитию антимонопольному законодательству.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что административно-правовой механизм ограничения монополистической деятельности является важным инструментом воздействия на хозяйствующие субъекты для защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности. Вместе с тем следует отметить, что антимонопольное законодательство требует совершенствования, прежде всего, в части обеспечения его системностью и взаимосвязанностью с нормами других отраслей права, в частности, гражданского. Кроме того, требует совершенствования его понятийный аппарат. Это касается введения в законодательство таких понятий, как «юридическое лицо публичного права», «административный иск» и ряда других. Требуют совершенствования и вопросы административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, а также процессуального порядка рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / СЗ РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О защите конкуренции» / СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.01.2020) / СЗ РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) / СЗ РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391.

5. Указ Президента РФ от 15.05.2018 № 215 (ред. от 21.01.2020) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» / СЗ РФ, 21.05.2018, № 21, ст. 2981.

6. Аляутдинова М. С., Толкачёва С. В. Государственное антимонопольное регулирование и защита конкуренции. Таврический научный обозреватель. 2016.

7. Васильева А. Р. Сервисы государства: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России. М.: РАП, 2012.

8. Кинёв А. Ю. Административно-правовые основы и организация защиты конкуренции в Российской Федерации. М.: МГЮА, 2013.

9. Лободи А. Е. Проблемы антимонопольного регулирования: административно-правовой аспект // Антимонопольное регулирование. 2013. № 6 (42).

10. Писенко А. К. Развитие административного права: от механизмов противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. М.: РУДН, 2010.

11. Смагин А. Ю. Развитие системы антимонопольного законодательства в России // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3(8).

12. Толочко О. Н. Институт защиты конкуренции в национальном и международном праве: опыт, проблемы, перспективы // Правоведение. 2016. № 6 (329).

13. Разъяснения ФАС России по применению статьи 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Князева Елена Юльевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового права юридического факультета
Института экономики, управления и права
Российского государственного гуманитарного университета
Knyazeva E.Yu.

Cand. of Sci. (Law), associate professor,
associate professor Department of Financial Law
Faculty of Law Institute of Economics, management and law
Russian State University for the Humanities

К ВОПРОСУ О САМОРЕГУЛИРОВАНИИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

TO THE QUESTION OF SELF-REGULATION IN THE FINANCIAL SPHERE

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ введения саморегулирования в банковскую сферу, поскольку кредитные организации являются ключевым элементом современной финансовой системы, обеспечивающим слаженное функционирование национальной экономики. Говоря о возможности введения саморегулирования в банковскую сферу, прежде всего, необходимо определить, какие функции будет выполнять банковская СРО, будет ли обязательным членство в ней, как это реализовано сейчас в отношении СРО, действующих на финансовых рынках.

Annotation. The article provides a retrospective analysis of the introduction of self-regulation in the banking sector, since credit organizations are a key element of the modern financial system that ensures the smooth functioning of the national economy. Speaking about the possibility of introducing self-regulation in the banking sector, first of all, it is necessary to determine what functions the banking SRO will perform, whether membership in it will be mandatory, as is now the case with SROs operating in financial markets.

Ключевые слова: мегарегулятор, саморегулирование, кредитные организации, финансовый рынок.

Keywords: mega-regulator, self-regulation, credit organizations, financial market.

В современных условиях рынка, когда ситуация в мире является нестабильной и происходит санкционное давление, в первую очередь, на финансовый рынок государства, в целях поддержания стабильности его функционирования необходимо использовать регулирование финансового сектора на основе контрцикличности. Такое регулирование предполагает разработку и принятие мер по минимизации рисков, избеганию кризисных ситуаций, недопущению или ликвидации наступивших негативных последствий. В данном случае Центральный банк РФ как мегарегулятор выступает разработчиком такого инструментария, который не позволил бы дезориентировать и «прогнуть» существующую финансовую систему. Такими инструментами, как правило, выступают меры по ужесточению денежно-кредитной политики в банковской сфере: увеличение резервов, достаточности капитала и пр.

Деятельность мегарегулятора в данном направлении должна касаться более совершенной оценки рисков, формирования адекватной нагрузки на капитал и пр. Для достижения устойчивости и слаженного функционирования банковской системы необходимо временно ослаблять меры воздействия на кредитные организации с целью улучшения их ликвидности и привлечения в банковскую систему дополнительных капиталов. Но это только лишь на время, чтобы далее сделать регулирование более жестким.

Саморегулирование в финансовой сфере осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка», который позволил определённым образом унифицировать подходы к саморегулированию разных видов некредитных финансовых организаций, способствовал консолидации профессионального сообщества и государства, заложил правовую базу для создания единых стандартов в деятельности участников финансового рынка – членов саморегулируемых организаций (далее – СРО). Деятельность СРО вне финансового рынка (например, независимая оценка, аудит, строительство и пр.) регулируется Федеральным законом от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Нормы данного закона не затрагивают участников финансового рынка, так как данные полномочия – прерогатива ЦБ РФ. Исключение в данном случае представляет лишь деятельность актуариев.

Под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой являются разработка

стандартов деятельности таких субъектов и контроль за соблюдением требований указанных стандартов¹. Саморегулирование осуществляется на условиях объединения профессиональных участников определённого сектора рынка в некоммерческую организацию, основанную на членстве. Такой организацией и являются СРО. Под саморегулированием же в сфере финансового рынка понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется финансовыми организациями и содержанием которой являются разработка стандартов деятельности таких финансовых организаций и контроль за соблюдением требований указанных стандартов². По сути, два определения саморегулирования, содержащиеся в разных законах, не противоречат, а скорее дублируют друг друга с той лишь разницей, что во втором случае указание идёт именно на финансовые организации.

Большинство участников финансового рынка, подконтрольных мегарегулятору, находится в режиме саморегулирования. Перечень их содержится в ч.1 ст. 3 ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка». Так, к ним относятся брокеры, дилеры, управляющие, депозитарии, регистраторы, акционерные инвестиционные фонды и управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, специализированные депозитарии, негосударственные пенсионные фонды, страховые организации, страховые брокеры, общества взаимного страхования, микрофинансовые организации, кредитные потребительские кооперативы, жилищные накопительные кооперативы, сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы, форекс-дилеры, инвестиционные советники. Как видно из перечня субъектов, кредитные организации – банки и небанковские кредитные организации – в данный список не входят, а значит, не подлежат саморегулированию.

Государственная Дума в начале XXI века уже рассматривала законопроект «О саморегулировании в банковской сфере». На тот момент поступил однозначный и отказ со стороны банковского сообщества создавать в банковской системе СРО. Законопроектом

---

¹ Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О саморегулируемых организациях» // Парламентская газета, № 174-176, 11.12.2007.

² Федеральный закон от 13.07.2015 N 223-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.12.2018) // Российская газета, № 157, 20.07.2015.

предусматривалось принятие на себя СРО некоторых надзорных полномочий Банка России. Предполагалось, что СРО могла бы контролировать деятельность кредитных организаций в части соблюдения стандартов и правил, установленных СРО, федеральными законами, нормативными актами Банка России и др. Для этого саморегулируемые организации могли быть наделены правом проводить в банках-членах СРО плановые и внеплановые проверки, в той или иной мере руководить деятельностью кредитных организаций, устанавливать порядок представления отчетности кредитными организациями, а также применять санкции к банкам-нарушителям, например, налагать штраф или приостанавливать членство в СРО. Законопроект не был реализован, поскольку на тот момент применение саморегулирования в банковской сфере сочли нецелесообразным.

Необходимо отметить, что к введению саморегулирования российская банковская система по-прежнему не готова. В марте 2020 года первым заместителем председателя Банка России Сергеем Швецовым было высказано мнение, что «банки не поддерживают саморегулирование. Значит, надо искать альтернативу – использовать другие СРО, чтобы реализовывать небанковские продукты, а Банк России будет прямо регулировать или законодательно те вопросы, которые в отношении банковских продуктов могли регулировать стандарты СРО»¹. В 2019 году на Международном финансовом конгрессе глава Банка России Эльвира Набиуллина высказала мнение, что Банк России, при неработающем институте саморегулирования, вынужден решать вопросы мисселинга и предотвращать недобросовестные продажи через государственное регулирование². Мисселинг в банковской сфере особенно недопустим, поскольку дело касается, в первую очередь, финансовых средств граждан.

Банком России и Ассоциацией российских банков были разработаны стандарты, регламентирующие принципы и порядок раскрытия информации о реализуемых финансовых продуктах для агентов некредитных финансовых организаций. Кредитные организации могли добровольно присоединиться к выполнению данных стандартов, но только единицы сделали это.

---

¹ Российские банки не готовы к ведению саморегулирования – первый зампред ЦБ РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.finmarket.ru/news/5189877>

² Официальный сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс] URL: <https://old.cbr.ru/press/st/2019-07-04>

Банк России выступил с инициативой и предложил профессиональному сообществу провести анализ действующей нормативно-правовой базы в части регулирования финансового рынка с целью выявления норм, которые утратили свою актуальность и стали избыточными. Чтобы реализовать данное предложение, при мегарегуляторе в 2019 году была создана специальная рабочая группа, способная провести подготовку к «регуляторной гильотине». В результате, по данным Банка России, 28 из разработанных инициатив касались вопросов о допуске на рынок финансовых организаций, 21 инициатива относилась к допуску на рынок профессиональных участников рынка ценных бумаг и их деятельности в целом. Одобрение получили предложения, которые предполагали, что формирование банками и некредитными финансовыми организациями отчетности будет усовершенствовано, а процедура раскрытия эмитентами информации будет упрощена. Некоторые предложения относились к тому, чтобы снизить в банковской деятельности регуляторную нагрузку, затрагивали деятельность микрофинансовых организаций, страховой сектор, а также направлены на то, чтобы противодействовать финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. В этой связи важно отметить готовность Банка России не только устранить нормы, которые на данный момент уже устарели, но и рассматривать, насколько актуальны нормы и требования, действующие в настоящее время.

Банк России, работая в направлении оптимизации регулятивной нагрузки в отношении участников рынка, придерживается мнения, что отдельные нормативные требования могут быть упрощены или вовсе отменены. Прежде всего, должны измениться пруденциальные требования в отношении кредитных организаций. Например, отмена норматива совокупных требований банка к его инсайдерам, порядок расчёта норматива в отношении некоторых операций, совершаемых с помощью платёжных карт и др. Для банков планируется отмена ограничений на объём участия в капиталах других компаний, упрощение ведения хозяйственных операций с юридическими лицами для расчётных небанковских кредитных организаций (РНКО) и правила размещения средств в центральных банках-нерезидентах. Также будет скорректирован объём отчетности банков, которую они представляют Банку России, изменена раскрываемая информация, должен измениться расчёт базового уровня доходности вкладов (БУДВ). Требование для банков раскрывать сведения о максимальных процентных ставках по вкладам неограниченному кругу лиц может быть упразднено. Для со-

вершенствования надзорной деятельности планируется упростить методологию оценки экономической ситуации в банке, для чего сократят количество показателей. В отношении банков, которые подверглись санированию, будут отменяться требования, чтобы они составляли планы восстановления величины собственных средств (капитала) и представляли их в Банк России.

На современном этапе в большинстве развитых стран банковская деятельность регулируется законодательно. Это связано с тем, что банковские услуги являются исключительно важными и значимыми для экономики. Тем не менее, в ряде стран действуют и СРО банков. Это такие страны как Швейцария, Австралия, Польша, Гонконг, Япония, Германия и некоторые другие. Представляется, что саморегулирование банковской деятельности может повысить ответственность между представителями профессионального сообщества, которое, как правило, регулирует себя изнутри гораздо слаженнее, лучше понимая проблемы, существующие в специфической среде.

Анализируя имеющиеся перспективы совершенствования исследуемой деятельности в финансовой сфере, следует отметить, что в настоящее время, учитывая наличие в мировой экономике активного развития глобализации, становятся значимыми международные финансовые центры. А значит, создание в России такого финансового центра можно определить как актуальную задачу, решение которой также повысит эффективность регулирования и надзора на финансовом рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О саморегулируемых организациях» // Парламентская газета, N 174-176, 11.12.2007.

2. Федеральный закон от 13.07.2015 N 223-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.12.2018) // Российская газета, N 157, 20.07.2015.

3. Официальный сайт информационного агентства «Финмаркет». Российские банки не готовы к ведению саморегулирования – первый зампред ЦБ РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.finmarket.ru/news/5189877>

4. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://old.cbr.ru/press/st/2019-07-04>

Милосердов Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института
Miloserdov A. S.

candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department
of Civil law and process International Legal Institute

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ЭЛЕКТРОННО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

CIVIL LAW IN THE ELECTRONIC INFORMATION ENVIRONMENT

Аннотация. В статье проводится анализ действующего гражданского законодательства, в ходе которого автор выявляет три масштабные проблемы взаимодействия цифры с правом, которые, по мнению автора, необходимо решить в первую очередь.

Annotation. The article analyzes the current civil legislation, during which the author identifies three large-scale problems of interaction between the state and the law, which, in the author's opinion, must first be solved.

Ключевые слова: гражданское законодательство, цифровые права, цифровые технологии, краудфандинг, электронная сделка, судебная практика.

Keywords: civil law, digital rights, digital technologies, crowdfunding, electronic transaction, judicial practice.

Двадцать первый век ознаменовался как век информационных технологий. В современной действительности гражданское законодательство совместно с электронно-цифровыми технологиями охраняет и ставит своей задачей поддерживать стабильность неимущественных отношений и способствовать развитию имущественных прав и интересов общества. С 1 октября 2019 года вступила в силу новелла гражданского оборота – цифровые права. В статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровые права являются имущественными правами, однако не совсем понятно, как данное обязательство должно обеспечиваться.

В п.1 ст.141.1 Гражданского кодекса РФ дано законодательное определение понятия «цифровые права», где указано, что они представляют собой обязательственные и иные права, содержание и усло-

вия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам¹. Из данного определения возникает вопрос: что означают «иные права»? Слово «иные» допускает расширительное толкование. Непонятно, что имеется в виду, какие права ещё существуют помимо обязательственных в определении. Поэтому данная норма нуждается в детальной конкретизации. В определении также сделан акцент на соблюдение правил информационных технологий, что может привести к многочисленным злоупотреблениям, поскольку на сегодняшний день нет чётко установленных правил, и каждая заключённая сделка автоматически будет квалифицироваться как алеаторная².

Из-за множества недостатков в законодательном поле, регулирующем цифровые отношения, возникнет множество спорных вопросов и проблем, связанных с правоприменением. Исходя из первичного анализа правовой природы цифровых прав, можно предположить, что они, помимо обязательственных, являются также и вещными правами. Как новый объект гражданских прав цифровые технологии являются востребованными во многих сферах человеческой жизни. Более того, они являются предметом ряда сделок, например, размещения товаров в сети «Интернет», а при купле-продаже данного товара (товаров) может быть выдан электронный чек.

В процессе развития цифровых технологий в глобальной сети «Интернет» стало возможно переводить книгопечатные произведения, а также другие текстовые документы в цифровые форматы. Я. А. Карев сделал справедливое замечание, что «отличие электронного документа от документа, составляемого на бумажном носителе, заключается в особенностях его формы»³. Однако такие исследователи, как С. И. Болдырев и Д. А. Кобыляцкий, занимают иную позицию относительно правовой природы цифровых технологий. По их словам, нет различий между произведениями в электронной форме и в цифровой⁴.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) / СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Цифровые права по ГК РФ – нужны ли нам такие права? [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/27/cifrovye_prava_po_gk_rf_-_nuzhny_li_nam_takie_prava

³ Карев Я. А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: Правовое регулирование. М. 2006. С.12.

⁴ Болдырев С. И. Авторские права в современном информационном телекоммуникационном пространстве Российской Федерации: Гражданско-

С ними можно согласиться, поскольку электронная информация существует и вне сети «Интернет».

Для того, чтобы устранить двойственность мнений, касающихся правовой природы цифровых прав, нужно определить в законодательстве, что именно будет являться данными правами. Одним из планируемых законопроектов является закон о краудфандинге, где приводится большой перечень объектов, которые могут называться цифровыми правами. В данном законопроекте они именуются токенами, которые, возможно, в дальнейшем будут переведены в термин «цифровые права». Например, когда мы говорим о правах требования из договора займа представленному лицу, привлекающему инвестиции, речь идёт о том, что должник привлекает деньги из рынка и у кредитора возникают определённые права либо к этому должнику, либо к его организации.

Между тем, не менее актуальной проблематикой сегодня является заключение электронных сделок. На практике используется такое понятие, как «электронная письменная сделка». Это сделка, совершённая путём составления документа с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести его содержание на материальном носителе в неизменном виде. При этом не совсем понятно, чем отличаются «письменная сделка» и «электронная письменная сделка». Ведь письменная сделка может быть как в простой форме, так и в электронном виде. Ответа на этот вопрос нет ни в действующем законодательстве, ни в судебной практике.

Единственное, что было законодателем добавлено, – это то, что теперь нормативно-правовым актом или соглашением сторон может быть предусмотрен способ аутентификации (создание цифровых профилей). Для удобства заключения электронных сделок при подключении профиля государственных услуг к своему серверу, например, будет создана платформа для заключения подобным образом договоров или будет подтверждение через СМС. Однако мы сейчас ждём, когда появятся такие серверы, с помощью которых это станет возможным. Это позволит, создав аккаунт, легко и достоверно заключать электронные сделки с помощью подтверждения по СМС.

правовое регулирование и защита: Дис. ...канд. юрид. наук. Курск. 2017; Кобыляцкий Д. А. Правовая охрана произведений в сети Интернет: Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов. 2015.

Ещё одной достаточно важной проблемой является признание электронных цифровых подписей и иностранных сертификатов на территории Российской Федерации. В статье 18 Федерального закона «Об электронной подписи» закреплены следующие положения: иностранный сертификат ключа подписи, удостоверенный в соответствии с законодательством иностранного государства, в котором этот сертификат ключа подписи зарегистрирован, признаётся на территории Российской Федерации в случае выполнения установленных законодательством Российской Федерации процедур признания юридического значения иностранных документов¹.

Таким образом, вследствие того, что вопросы признания иностранных сертификатов электронной цифровой подписи, а также вопросы признания действительными иностранных электронных цифровых подписей российским законодательством не вполне урегулированы, решение суда при возникновении спорной ситуации непредсказуемо. Дело в том, что в настоящее время судебная практика не сформировалась, а отдельные случаи не позволяют судить об общей тенденции. В связи с множественностью теоретических и практических проблем можно констатировать, что необходимо совершенствовать не только законодательное поле, но и улучшать техническую базу, которая позволит частично реализовать заключение, изменение и расторжение электронных сделок, создаст прецедент, который сформирует административную и судебную практику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев С. И. Авторские права в современном информационном телекоммуникационном пространстве Российской Федерации: Гражданско-правовое регулирование и защита: Дис. ...канд. юрид. наук. Курск. 2017.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) / СЗ РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.
3. Кобыляцкий Д. А. Правовая охрана произведений в сети Интернет: Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов. 2015.

---

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.12.2017) / СПС КонсультантПлюс.

4. Карев Я. А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: Правовое регулирование. М. 2006.

5. Цифровые права по ГК РФ – нужны ли нам такие права? [Эл. ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/27/cifrovye_prava_po_gk_rf_-_nuzhny_li_nam_takie_prava

6. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.12.2017) / СПС КонсультантПлюс.

Собенина Мария Анатольевна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Российского государственного гуманитарного университета
Sobenina M.A.
Candidate of Legal Sciences, senior lecturer
Department of civil law and procedure
Russian state University for the Humanities

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR

Аннотация. В статье рассмотрены правовые аспекты субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, особенности снятия «корпоративной вуали», предложены пути решения и изменения действующего законодательства в данной сфере.

Abstract. The article deals with the legal aspects of subsidiary liability of persons controlling the debtor, the features of removing the "corporate veil", and suggests ways to solve and change the current legislation in this area.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, «корпоративная вуаль», должник, кредитор.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, corporate veil, debtor, creditor.

В доктрине корпоративного права не раз указывается на соотношение таких механизмов, как привлечение к субсидиарной ответ-

ственности в рамках банкротства и концепции снятия «корпоративной вуали». Отмечается схожесть данных институтов и их однородность. По нашему мнению, данный вывод представляется ошибочным в связи с тем, что привлечение к субсидиарной ответственности в российском законодательстве осуществляется лишь в рамках дела о несостоятельности (банкротстве). То есть представляется, что юридическое лицо прошло две стадии банкротства (или в исключительных случаях – одну, по упрощённой процедуре банкротства ликвидируемого должника). И уже впоследствии для пополнения конкурсной массы с целью удовлетворения требований кредиторов, в соответствии с установленной очерёдностью, конкурсный управляющий либо заинтересованный кредитор может обращаться в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности лица в соответствии с нормами Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Данные споры могут рассматриваться как в рамках основного дела о несостоятельности (банкротстве), так и в рамках искового производства после завершения всех процедур банкротства должника. То есть привлекаться к субсидиарной ответственности будет лицо, которое уже не прикрыто «корпоративной вуалью», так как при введении процедуры конкурсного производства фактическая деятельность корпорации прекращается, а вместе с ней прекращаются и полномочия контролирующих должника лиц.

В данном случае встаёт вопрос: о какой «корпоративной вуали» идёт речь? По нашему мнению, доктрина снятия «корпоративной вуали», исходя из изучения гражданско-правовой ответственности, может соотноситься с такими законодательно закреплёнными механизмами, как привлечение основного общества по обязательствам дочернего к солидарной ответственности и привлечение к ответственности контролирующего лица корпорации за убытки, причинённые корпорации его действиями. Потому что в последних случаях ответственные лица действуют в рамках обычного гражданского оборота с нарушением прав участников путём злоупотребления корпоративным контролем.

Помимо привлечения к субсидиарной ответственности в рамках банкротства такая ответственность может наступать и по другим основаниям. Так, в соответствии со статьёй 399 ГК РФ, субсидиарная ответственность носит характер дополнительной, в рамках которой имеется основной должник и, соответственно, дополнительный. «В качестве примера основания субсидиарной ответственности по дого-

вору может служить договор поручительства, в котором установлено, что кредитор вправе обратиться к поручителю при неисполнении обязательств заёмщиком. Чаще всего в договорах поручительства встречается солидарная ответственность, но бывает, что стороны предусматривают субсидиарную ответственность»¹. Но данная разновидность субсидиарной ответственности также не имеет сходств с концепцией снятия «корпоративной вуали» в силу того, что основания для возникновения дополнительного должника в виде поручителя, к примеру, будут абсолютно законным механизмом, так как не придётся прибегать к исключениям в виде снятия ответственности по обязательствам корпорации на лицо, которое обладает корпоративным контролем.

Необходимо также учитывать, что отношения поручительства могут возникать и не в рамках корпоративных отношений. Следовательно, субсидиарную ответственность, по нашему мнению, сопоставлять с доктриной снятия «корпоративной вуали» было бы заблуждением. Отсюда следует вывод, что доктрина снятия «корпоративной вуали» должна стать превентивным механизмом именно в подобных случаях. Привлечение к субсидиарной ответственности осуществляется за пределами действия «корпоративной вуали» и относится к иному институту – институту банкротства, который существует обособленно. А концепция, в свою очередь, предполагает её «срывание» при наличии таковой.

Субсидиарная ответственность в некоторых случаях применяется в договорных обязательствах. По общему правилу, установленному Гражданским кодексом РФ, в случае нарушения должником обязательства должник и поручитель отвечают перед кредитором как солидарные должники. Однако может быть установлена дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителя. Сфера применения субсидиарной ответственности также значительно расширилась, в частности, за счёт так называемой уставной ответственности участников предпринимательских обществ.

Солидарный характер ответственности основного должника и поручителя является традиционным для законодательства России, поскольку нормы, аналогичные положениям ГК РФ, содержались и в ранее действовавших кодексах. Анализируя же законодательства других стран, можно сделать вывод, что в некоторых из них распростра-

---

¹ Гурьянова Н. В. Солидарная и субсидиарная ответственность / СПС КонсультантПлюс. 2019.

нён другой подход к ответственности поручителя. Так, в соответствии со ст. 2011 Французского Гражданского кодекса, тот, кто становится поручителем по обязательствам, принимает на себя ответственность перед кредитором за исполнение этого обязательства, если сам должник не выполнит его. Практически такое же положение содержится и в § 771 Германского Гражданского уложения: кредитор имеет право обратиться к поручителю только после того, как он безуспешно совершил по основному должнику попытку принудительного исполнения¹. В законодательстве этих стран как общее правило закрепляется субсидиарная ответственность поручителя перед кредитором.

Итак, в законодательстве одних стран устанавливается солидарная ответственность поручителя, а других – субсидиарная. Однако правовое регулирование ответственности поручителя всегда осуществляется диспозитивными нормами, что позволяет участникам гражданских отношений самим определять характер ответственности поручителя.

В практике встречаются случаи, когда вред юридическому лицу наносится не одним, а несколькими лицами. В таком случае они несут солидарную ответственность. Несмотря на то, что указанные лица в гражданском обороте осуществляют деятельность от имени юридического лица (в рамках своей компетенции), они не являются субъектами гражданского права. Противоправность в деятельности органов управления состоит в нарушении ими обязанности предпринимать все действия в интересах общества добросовестно и разумно.

Необходимо рассмотреть следующие основания привлечения членов органа управления к ответственности:

- заключение сделки без учёта интересов общества, в том числе, сокрытие информации о проводимой сделке или же предоставление ложной информации;
- передача имущества, принадлежащего обществу, по заведомо низкой цене ввиду корыстной заинтересованности;
- необдуманные действия, повлёкшие уменьшение прибыли, которая могла быть распределена между акционерами;
- нелегальное распоряжение денежными средствами общества, присвоение денежных средств общества;

---

¹ Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / Перевод с нем. В. Бергманн. - 3-е изд., перераб. М.: ВолтерсКлувер. 2008.

- ненадлежащее исполнение обязанностей перед обществом.

По всем вышеуказанным пунктам лица, указанные в ст. 51.1 ГК РФ, несут имущественную ответственность. Речь идёт о возмещении убытков компании (в виде прямого ущерба и/или упущенной выгоды). Также необходимо учитывать, что потерпевшим признаётся только само юридическое лицо. То есть мы не можем говорить о возмещении причинённых убытков владельцу компании или иным субъектам.

В целях применения Закона о банкротстве Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 53 от 21 декабря 2017 года «О некоторых вопросах, касающихся задержания лиц, контролирующих банкротства должника». Как указывается в Постановлении, осуществление фактического контроля над должником возможно независимо от наличия (отсутствия) формальных юридических признаков принадлежности (через наличие родственных связей или близость с лицами, являющимися членами управления).

Судебная инстанция в своём решении выявляет степень вовлечения лица, несущего субсидиарную ответственность, в ходе руководства должником, устанавливая степень его воздействия на принятие значительных коммерческих решений, касающихся деятельности. Так, в одном из налоговых дел (о признании расколотого предприятия в налоговой системе) налоговый орган, обосновывая ответственность и взаимозависимость юридических лиц, подал в суд письмо из школы, согласно которому участник, предприниматель и ещё один человек в 1985 году были одноклассниками¹.

Перечень оснований, при которых возникает обязанность уполномоченного лица подать заявление о банкротстве, установлен в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Обеспечительный характер поручительства проявляется в том, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должником кредитор вправе предъявить своё требование поручителю. Иными словами, поручитель гарантирует кредитору исполнение обязательства, если его не выполнит основной должник. В случае нарушения должником обязательства перед кредитором становятся как должник по основному обязательству, так и поручитель. Условия и порядок выдвижения кредитором требований к поручителю различаются в зависимости от характера его ответственности.

Для того чтобы определить, какой вид ответственности поручителя больше способствует реализации обеспечительной функции по-

---

¹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11.06.2014 по делу № А19-5599/2013.

ручительства, необходимо проанализировать сущность солидарной и субсидиарной ответственности. В соответствии со ст. 325 ГК РФ, в случае солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения обязанности частично или в полном объёме как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности. Солидарная ответственность основывается на принципе «один за всех». Солидарная ответственность основного должника и поручителя означает, что в случае нарушения обязательства кредитор вправе предъявить свои требования как к основному должнику, так и к поручителю. Если в договоре не предусмотрено субсидиарной ответственности поручителя, кредитор имеет право, руководствуясь ст. 325 ГК РФ, обратиться как к должнику по основному обязательству, так и к поручителю; как вместе, так и отдельно; как полностью, так и в части долга. Следовательно, при солидарной поруче кредитор наделяется правом самостоятельно решать вопрос о том, к кому (должнику или поручителю, или к обоим вместе), в какой части и в какой последовательности выдвигать свои требования. Единственным условием солидарной ответственности поручителя является нарушение должником основного обязательства.

Как отмечается в научной литературе, основной целью солидарности является предоставление кредитору крупнейшей гарантии и удобства в осуществлении своего права по обязательствам. Учитывая, что поручителем обычно выступает лицо с высоким уровнем платежеспособности, кредитору проще удовлетворить свои требования именно за его счет, а не обращаться к основному должнику, который уже нарушил обязательства. Итак, позиция законодателя относительно солидарной ответственности основного должника и поручителя обусловлена тем, что такая ответственность по договору поручительства является более выгодной для кредитора.

Субсидиарная ответственность характеризуется тем, что она существует наряду с основной ответственностью. Субсидиарный должник отвечает только в пределах невыполненного основным должником. Прежде чем выдвинуть требования субсидиарному должнику, кредитор должен обратиться к основному должнику. Только если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответа на выдвинутое требование, кредитор может предъявить требование в полном объёме к лицу, которое несёт субсидиарную ответственность. Субсидиарная ответственность наступает не только в случае нарушения

основного обязательства, но и при условии предварительного выдвижения требований к основному должнику, а в некоторых случаях и при наличии других условий (например, вины субсидиарного должника или недостаточности имущества для удовлетворения требований по основному должнику).

Итак, для поручителя более приемлемой является субсидиарная ответственность. Исходя из того, что поручитель не является нарушителем основного обязательства, в законодательстве многих стран Европы учитываются его интересы путём установления общего правила его субсидиарной ответственности. Действительно, мало кто из участников гражданских правоотношений согласится выступить поручителем по денежному обязательству (особенно в случае безвозмездного договора поручительства), зная при этом, что он несёт солидарную ответственность, то есть такую ответственность, согласно которой кредитор имеет право обратиться за исполнением обязательства сразу же к нему, минуя основного должника. Так, на сегодняшний день почти все банки РФ в договорах поручительства устанавливают солидарную ответственность основного и дополнительного должников.

Основной причиной этого явления является как раз то, что такой вид ответственности, как солидарная, прежде всего, обеспечивает интересы кредитора, то есть банка. Но в таком случае в достаточно невыгодном положении оказываются как основной, так и дополнительный должник по договору поручительства. Об этом свидетельствует достаточно большое количество судебных дел о признании договора поручительства недействительным и о прекращении договора поручительства в связи с изменением условий основного обязательства. Институт субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц до сих пор является актуальным и нуждается в изменении законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / Перевод с нем. В. Бергманн. - 3-е изд., перераб. М.: ВолтерсКлувер. 2008.
2. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11.06.2014 по делу № А19-5599/2013.
3. Гурьянова Н. В. Солидарная и субсидиарная ответственность/ СПС КонсультантПлюс. 2019.

Терехова Валентина Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового права
Российского государственного гуманитарного университета
Terekhova V.V.

candidate of Legal Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department of financial law
Russian state University for the Humanities

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКАХ И БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

APPLICATION OF LEGAL LIABILITY MEASURES FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON BANKS AND BANKING ACTIVITIES

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты применения некоторых мер юридической ответственности за нарушение положений банковского законодательства, а также раскрываются основные понятия, применяемые в исследовании данного вопроса. Особое внимание автор уделяет роли и статусу Центрального Банка Российской Федерации. Задачей, поставленной в данной статье, является изучение вышеперечисленных условий и их значимости, определение пробелов в законодательном регулировании и возможных путей решения.

Annotation. The article analyzes the problematic aspects of applying certain measures of legal liability for violations of banking legislation, as well as reveals the main concepts used in the study of this issue. The author paid special attention to the role and status of the Central Bank of the Russian Federation. The purpose of this article is to study the above conditions and their significance, identify gaps in legislative regulation and possible solutions.

Ключевые слова: банк, кредитная организация, меры ответственности, Центральный Банк Российской Федерации.

Keywords: bank, credit organization, liability measures, Central Bank of the Russian Federation.

Банковскую кредитную организацию (банк) не без оснований можно назвать специальным субъектом гражданского оборота. Со-

гласно ст.1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее - Закон)¹, банк – кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счёт на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

Исключительность права предполагает недопущение иных организаций, кроме банков, к совершению перечисленных выше операций (банковских операций). Право на осуществление данных операций получает обладатель лицензии, выдаваемой Центральным банком Российской Федерации. В соответствии с ч.1 Закона, банковские лицензии бывают базовыми (дают право осуществлять банковские операции с ограничениями, указанными в Законе) и универсальными. Можно сказать, что лицензирование банковской деятельности, лицензионные требования к организациям-соискателям банковской лицензии являются своего рода «правовым фильтром», установленным законодателем в целях недопущения деятельности недобросовестных участников рынка. Как неоднократно отмечалось судебными органами, банк – это профессиональный участник финансового рынка (гражданского оборота). Тем не менее, с учётом всей строгости лицензионных требований, предусмотренных Законом, нарушения законодательства со стороны кредитных организаций всё же имеют место.

Само по себе отраслевое законодательство о банках и банковской системе предусматривает необходимость соблюдения кредитными организациями действующего законодательства, а также иных финансовых норм, поскольку это напрямую влияет на собственную стабильность и надёжность государства, обеспечивает стабильность и надёжность всей банковской и валютной систем Российской Федерации, от которых во многом зависит финансовая ситуация в государстве.

Главным регулятором в банковской системе Российской Федерации выступает Центральный банк, основными целями которого являются, в соответствии с ст. 3 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке Рос-

---

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» / СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

сии)»¹, защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации, обеспечение стабильности и развитие национальной платёжной системы, обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации. Банк России – это орган регулирования и надзора. Он отвечает за нормативное установление правил проведения банковских операций, осуществления расчётов, осуществляет контроль за выполнением установленных законами и нормативными актами требований кредитными организациями, в том числе, и банками. Любое нарушение норм законодательства, регулирующего деятельность кредитных организаций, отслеживается Банком России и неизбежно влечёт за собой применение мер ответственности как гражданско-правовых, так и административно-правовых.

В этой связи можно сказать, что банковское регулирование и банковская деятельность являются комплексным вопросом изучения, который находится на стыке частного и публичного права, поскольку, с одной стороны, деятельность банков строго регулируется комплексом предписывающих норм (например, указания ЦБ РФ), с другой стороны, деятельность банков подчинена общим принципам гражданского права, в том числе, принципу свободы договора, хотя и с известными ограничениями.

Следует выделить основные виды юридической ответственности банков за нарушение законодательства: гражданско-правовую и административную. В данном случае административная ответственность, как таковая, – это «банковская» ответственность, ответственность банка как специального субъекта. Гражданско-правовую ответственность банка следует рассматривать в виде ответственности банка как юридического лица. Следует выделить также уголовную ответственность руководителей банковской организации как вид экстраординарной ответственности и ответственность в сфере нарушения налогового законодательства.

Банковская сфера во всех правовых системах мира традиционно подвергалась гораздо более строгому регулированию и надзору относительно иных субъектов предпринимательской деятельности в силу своей «системной значимости». Рассмотрим более детально каждую

---

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» / СЗ РФ. 2002. №28. Ст. 2790.

из видов юридической ответственности за нарушение законодательства в банковской сфере.

Административно-правовое регулирование ответственности за правонарушения банков как вида кредитных организаций регулируются нормами Кодекса об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ)¹, Федерального закона «О Центральном банке России»², Федерального закона «О банках и банковской деятельности»³. Административная ответственность – это вид юридической ответственности за правонарушения лиц, посягающих на административно-властный порядок. Она характеризуется применением мер принуждения в случае совершения административного проступка. Отношения, складывающиеся по поводу наступления административной ответственности, – это правоотношения, одной стороной которых всегда выступает государство в лице его уполномоченных органов. В основе любого правоотношения всегда лежит юридический факт. В случае с административной ответственностью этим фактом является административный проступок – противоправное (совершённое вопреки воли государства) виновное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный порядок, права и свободы граждан, а также нарушающее иные нормы, установленные КоАП (как приведено в самом КоАП, ч. 1 ст. 2.1)⁴.

Важным элементом юридической ответственности является вина. Без вины ответственность не наступает. Вина является одним из ключевых элементов, образующих состав административного проступка. Так, согласно ч. 1 ст. 1.5 КоАП РФ, лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. И если виной физического лица является его субъективное отношение к совершённому деянию, то вина юридического лица заключается, согласно ч. 2 ст. 2.1. КоАП РФ, в том, что оно имело возможность соблюдения правил и норм, предписанных КоАП, но не предприняло всех мер к их

---

¹ Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ / СЗ РФ. 2002. №1 (Ч.1). Ст.1.

² Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» / СЗ РФ. 2002. №28. Ст. 2790.

³ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» / СЗ РФ. 1996. №6. Ст. 492.

⁴ Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ / СЗ РФ. 2002. №1 (Ч.1). Ст.1.

соблюдению. Как известно, юридическое лицо – это своего рода юридическая фикция, правосубъектность которой осуществляется через уполномоченные органы (в конечном итоге, от имени юридического лица всегда совершает действие физическое лицо)¹.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 2.1 КоАП, умышленное деяние физического лица, действующего от имени юридического лица, не остаётся безнаказанным в случае привлечения к административной ответственности юридического лица. Эти общие правила об административной ответственности абсолютны для всех юридических лиц, в том числе, и для банков².

К особенностям административной ответственности банков следует отнести и то, что меры ответственности предусматриваются, среди прочего, и Законом о Банке России. Принимая во внимание написанное выше о том, что одной стороной правоотношений, складывающихся по поводу административной ответственности, всегда выступает государство в лице его уполномоченного органа, мы сталкиваемся с некоей коллизией, которая заключается в следующем. Центральный банк России не является органом государственной власти, не относится ни к какому ведомству и никакому из них не подчиняется. Иными словами, Центральный Банк России не относится к системе государственной власти РФ. Основной принцип работы ЦБ РФ – это принцип независимости, который основан, прежде всего, на особом конституционно-правовом статусе. Независимость ЦБ РФ от государства обусловлена его исключительным правом на денежную эмиссию и его основной функцией – защитой и обеспечением устойчивости рубля как национальной валюты РФ. Простыми словами, если бы Центральный банк подчинялся государству, он бы утратил своё исключительное право на денежную эмиссию и превратился бы в «печатную машинку» государства, что в условиях рыночной экономики недопустимо. Это связано с тем, что правовое положение Банка России носит двойственную природу: имея особый конституционный статус и полномочия, он независим от федеральных органов власти. С таким утверждением вполне можно согласиться, поскольку оно, во-первых, «очерчивает» правовой статус ЦБ РФ и круг его компетенций в системе органов власти, а во-вторых, ставит в соподчинённость ЦБ

---

¹ Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ / СЗ РФ. 2002. №1 (Ч.1). Ст.1.

² Там же.

РФ всю банковскую систему России, что немаловажно, поскольку административные отношения строятся на основании принципа субординации, а не координации, как это происходит при гражданско-правовом регулировании.

Специальной нормой, которая предусматривает административную ответственность банков, согласно КоАП, является ст. 15.26, которая предусматривает ответственность кредитных организаций в виде штрафов за осуществление торговой и страховой деятельности и за невыполнение различных нормативов и требований ЦБ РФ. Надо сказать, что размер штрафов, предусмотренный указанной статьёй, вполне либеральный. Также стоит отметить, что ЦБ РФ получил право, в соответствии с Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе»¹, применять штрафы, предусмотренные ст. 15.36 КоАП, к банкам за нарушения законодательства о платёжной системе². Применение мер ответственности по отношению к банкам на практике вызывает много вопросов. Банки находятся в своего рода правовых «тисках», где, с одной стороны, находятся нормы КоАП, а с другой – нормы Закона о ЦБ РФ и Закона о банках и банковской деятельности.

Что касается гражданско-правовой ответственности, то в гражданском законодательстве, среди прочих, установлены принцип свободы договора и принцип надлежащего исполнения обязательств. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом своего обязательства для него наступает гражданско-правовая ответственность. Основные нормы, устанавливающие гражданско-правовую ответственность, приведены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, ГК РФ содержит в части первой главу 25 «Ответственность за нарушение обязательств»³. Если кредитная организация не исполняет или исполняет ненадлежащим образом свои обязательства, это является основанием для привлечения её к гражданско-правовой ответственности. Особенность гражданско-правовой ответственности заключается в том, что она носит имущественный характер. Гражданско-правовая ответственность заключается в обя-

---

¹ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» / СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

² Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ / СЗ РФ. 2002. №1 (Ч.1). Ст.1.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

занности возместить убытки, вызванные неисполнением обязательства, в уплате неустойки (меры ответственности). Статьей 12 ГК РФ к мерам ответственности также отнесена и компенсация морального вреда. Компенсация морального вреда относится к ответственности за нарушение прав потребителей, а, как известно, нормы Закона о защите прав потребителей применяются лишь в тех случаях, когда отношения не урегулированы специальными нормами законодательства в сфере банковского регулирования¹.

Возмещение убытков – это универсальный способ защиты прав. В соответствии со ст. 15 ГК РФ, под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, при этом убытки возмещаются в полном объеме. Простыми словами, убытки – это те расходы, которые не могли быть понесены в случае, если бы обязательства исполнялись контрагентом надлежащим образом. Возмещение убытков осуществляется таким образом, что лицо, чье право нарушено, обретает такое положение, в котором оно было или должно было оказаться при надлежащем исполнении его контрагентом своих обязательств (принцип полного возмещения убытков).

Все указанные нормы могут применяться к договорным обязательствам банка с его клиентами (юридическими и физическими лицами). Наиболее популярными нарушениями со стороны банков можно назвать взимание дополнительных комиссий, изменение ставок по кредитам/вкладам, нарушение очередности погашения долга, навязывание дополнительных услуг (обусловливание оказания одной услуги посредством покупки клиентом другой), установление двойной ответственности по договорам и т.д. За нарушения при осуществлении безналичных расчетов к банкам также могут применяться нормы гражданско-правовой ответственности. Данная ответственность установлена в отношении прав конкретного клиента при осуществлении банком операций по его счёту, то есть это также договорная ответственность, предусмотренная ст. 856, п. 1 ст. 866, п. 1 ст. 872, п. 3 ст. 874 ГК РФ)². Ключевым моментом в отличиях между гражданско-правовой ответственностью и административной ответственностью

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Там же.

банков является то, что гражданско-правовая ответственность наступает лишь по решению суда.

Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрена ответственность лиц, контролирующих организацию, осуществляющую незаконную банковскую деятельность (ст. 172), а также ответственность руководителей банковской организации за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183)¹. Можно выделить следующие статьи УК РФ, которые могут быть применены к ответственным лицам-сотрудникам банка²: 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём»; 185 УК РФ «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг»; 185.1 УК РФ «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации, о ценных бумагах»; 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве»; 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство»; 197 УК РФ «Фиктивное банкротство»; 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации».

Следует отметить, что зачастую лица, реально контролирующие действия (теневые бенефициары), являются ответственными лицами по совершённым указанным преступлениям. До недавнего времени таких лиц очень сложно было «отследить» в цепочке движения денежных средств. В 2017-2018 годах российские суды впервые стали применять доктрину «прокалывания корпоративной вуали» в делах о банкротстве, что существенно повысило возможность привлечения к ответственности реальных бенефициаров и контролирующих должника лиц (в делах о банкротстве).

Из рассмотренного выше следует сделать вывод о том, что регулирование банковской деятельности осуществляется различными нормами. В силу специфики деятельности и разнообразия законодательств, которые её регулируют, банки находятся по-настоящему в сложном положении, поскольку находятся под постоянным надзором, особенно это касается деятельности главного регулятора банковской деятельности – ЦБ РФ. Со стороны ЦБ РФ банки подвергаются постоянному и очень жёсткому контролю. Так, например, прослеживается

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ / СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

² Там же.

довольно строгая политика по отношению к банкам в период 2017-2019 годов, когда ЦБ РФ отозвал лицензии десятка банков.

Регулирование деятельности банков со стороны ЦБ РФ приводит, с одной стороны, к постоянно растущему профессионализму банков (в том числе и путём сокращения их количества, когда на рынке остаются только «крупные игроки»), а банки, осуществляющие сомнительные операции, закрываются), а с другой – почти нивелируются нормы КоАП и УК РФ, регулирующие деятельность банков (опять же по причине растущего профессионализма банков), хотя это и вызывает сегодня вопросы у правоведов в части коллизий норм Закона о ЦБ РФ, Закона о банках и банковской деятельности и КоАП.

Говоря о гражданско-правовом регулировании банковской деятельности, следует сказать, что здесь никаких особенностей в силу статуса банка в принципе нет. Здесь применяются общие для всех субъектов предпринимательской деятельности меры ответственности, за исключением норм 856, п. 1 ст. 866, п. 1 ст. 872, п. 3 ст. 874. В случае с нарушением прав потребителей ответственность банка регулируется по принципу применения норм Закона Российской Федерации от 07.02.1992г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» лишь в той части, которая не урегулирована специальными нормами банковского законодательства¹. Достаточно молодым является на сегодняшний день Федеральный закон от 04.06.2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», в ведение которого входят такие вопросы, как взаимодействие финансового омбудсмена с органами власти федерального, регионального и местных уровней; разрешение спорных и сложных ситуаций по обращениям потребителей финансовых услуг; процедура взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным; ответственность за нарушение прав потребителей финансовых услуг².

Исходя из изложенного, можно отметить, что банковское законодательство является одним из самых «живых» и межотраслевыми, т.к. является комплексным, так же, как и нормы, регулирующие вопросы нарушения в изучаемой области. Даже сейчас, в период пандемии, когда государства вынуждены принимать различные меры по поддержке финансового состояния государства и экономики, банков-

---

¹ Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» / СЗ РФ. 1996. №3. Ст.140.

² Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» / СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

ское законодательство ежедневно уже на протяжении более месяца реализует положения новых федеральных законов, указаний, постановлений, распоряжений и других нормативных правовых актов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» / СЗ РФ. 1996. №6. Ст. 492.
2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Р Ф (Банке России)» / СЗ РФ. 2002. №28. Ст. 2790.
3. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ / СЗ РФ. 2002. №1 (Ч.1). Ст.1.
4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» / СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
5. Гражданский кодекс Р Ф (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Уголовный кодекс Р Ф от 13.06.1996 № 63-ФЗ / СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
7. Закона Р Ф от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» / СЗ РФ. 1996. №3. Ст.140.
8. ФЗ от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» / СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

Тимофеев Станислав Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
финансового права юридического факультета
Института экономики, управления и права
Российского государственного гуманитарного университета

Timofeev S.V.

Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Financial Law Faculty of Law Institute of Economics,
Management and Law Russian State University for the Humanities

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ И ГАРАНТИЯХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕТОРОВ

**TO THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS AND GUARANTEES
OF THE RIGHTS OF FOREIGN INVESTORS**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности с участием иностранных инвесторов. Анализируются проблемы определения правового статуса иностранного инвестора, в том числе, предприятий с иностранными инвестициями, с точки зрения российского и международного права, поднимаются проблемы гарантий прав иностранных инвесторов. Предлагаются конкретные меры по устранению пробелов и несоответствий в действующем российском законодательстве.

Annotation. The article deals with the legal regulation of investment activities with the participation of foreign investors. The problems of determining the legal status of a foreign investor, including enterprises with foreign investments, are analyzed from the point of view of Russian and international law, the problems of guaranteeing the rights of foreign investors are raised. Specific measures are proposed to address gaps and inconsistencies in the current Russian legislation.

Ключевые слова: инвестиционное право, инвестиционная деятельность, субъект инвестиционной деятельности, иностранный инвестор, предприятие с иностранными инвестициями.

Keywords: investment law, investment activity, a subject of investment activity, a foreign investor, an enterprise with foreign investment.

В российской правовой доктрине инвестиционное право чаще всего рассматривается как подотрасль гражданского права. Соответственно, субъекты инвестиционного права являются субъектами экономической деятельности или же участниками отношений в экономической сфере, которые организуют и осуществляют деятельность, реализуя при этом свою компетенцию, или потребляют результаты такой деятельности. Таким образом, субъекты инвестиционного права как подотрасли гражданского права – широкое понятие, включающее лиц, осуществляющих инвестиционную деятельность (субъектов), и тех, кто участвует в этой деятельности (участников). Соответственно, инвестиционная деятельность – это совокупность практических действий граждан, юридических лиц и государства по реализации инвестиций. Согласно части первой статьи 4 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», субъектами инвестиционной деятельности

могут быть следующие категории лиц: инвесторы, заказчики, подрядчики, пользователи объектов капитальных вложений и другие лица¹.

Инвесторами являются субъекты инвестиционной деятельности, которые принимают решение о вложении собственных, заёмных и привлечённых имущественных и интеллектуальных ценностей в объекты инвестирования, а участниками инвестиционной деятельности являются физические и юридические лица, которые обеспечивают реализацию инвестиций как исполнители заказов или на основании поручения инвестора. Таким образом, участники – это лица, которые не вкладывают свои или привлечённые средства в определённые объекты и не могут ожидать положительных экономических результатов в виде прямой прибыли на инвестиции, хотя пользуются результатами инвестирования.

Положения указанного Закона содержат понятие «субъект инвестиционной деятельности» в широком смысле, включая как лиц, осуществляющих инвестиционную деятельность, так и участников. Такой подход сопоставим с положениями ст. 2 Гражданского кодекса РФ², которая определяет субъектов предпринимательской деятельности как участников отношений, осуществляющих предпринимательскую деятельность, реализуя компетенцию, и относит к ним юридических лиц и граждан РФ, иностранцев и лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность и зарегистрированных в установленном действующим законодательством порядке.

Тот факт, что инвестиционные отношения являются предметом гражданского права, только подтверждает сложность и многогранность инвестиционной деятельности. Субъектом инвестиционной деятельности также является иностранный инвестор, имеющий особый правовой статус, который объясняется наличием специальных национальных и международно-правовых гарантий защиты иностранных инвестиций. С положениями, которыми могут пользоваться иностранные инвесторы при осуществлении своей инвестиционной деятельности, можно соотнести нормы о гарантиях прав субъектов инвестиционной деятельности и защиты инвестиций, содержащиеся в

---

¹ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Российская газета. № 41-42. 04.03.1999.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.

Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹.

Согласно Конституции, действующие международные договоры, признанные Российской Федерацией, являются частью национального законодательства. Соответственно, иностранные инвесторы на территории Российской Федерации могут пользоваться гарантиями, закреплёнными в Сеульской конвенции об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций от 11.10.1985², Вашингтонской конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами от 18.03.1965³.

Российская Федерация является участницей более чем семидесяти договоров с иностранными государствами о взаимном поощрении и защите инвестиций, в которых закреплены нормы, обеспечивающие деятельность инвесторов из стран-участниц. Проблема использования всего спектра национальных и международно-правовых гарантий иностранных инвестиций заключается в том, что правовые источники, закрепляющие соответствующие гарантии, содержат различные подходы к определению лица, которое подпадает под их действие, то есть иностранного инвестора.

В статье 2 Федерального Закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» иностранными инвесторами являются субъекты, осуществляющие инвестиционную деятельность на территории Российской Федерации, а именно юридические лица, созданные в соответствии с законодательством другого государства, и физические лица – иностранцы, которые не имеют постоянного места жительства в Российской Федерации и не ограничены в дееспособности.

---

¹ Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 31.05.2018) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Российская газета. № 134. 14.07.1999.

² Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (Сеул, 11 октября 1985 г.) / Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. – Сборник нормативных актов и документов. М.: Юридическая литература, 1995. С. 197-276.

³ Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID). Заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965). / Международное публичное право. – Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 431-445.

Представляется, что определение субъектов инвестирования наиболее удачно изложено именно в ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», поскольку использует гражданскую категорию «физическое лицо». Однако стоит заметить, что при этом данный закон исключает из сферы своего действия лиц без гражданства, что делает невозможным правовое обеспечение их инвестиционной деятельности¹.

Для определения лиц, которые наделены правами и гарантиями иностранного инвестора, в национальном законодательстве применяется критерий гражданства (для физических лиц) или места регистрации (для юридических лиц). Такой же подход к определению иностранного инвестора используется и в двусторонних договорах по вопросам движения инвестиций и статуса инвесторов, заключённых Российской Федерацией с иностранными государствами. В них термин «инвестор Договаривающейся Стороны» означает физическое лицо, имеющее гражданство этой Договаривающейся Стороны в соответствии с её действующим законодательством; или предприятие Договаривающейся Стороны, осуществляющей инвестиции на территории другой Договаривающейся Стороны. Термин «предприятие Договаривающейся Стороны» означает любое юридическое лицо, созданное надлежащим образом и осуществляющее свою деятельность в соответствии с действующим законодательством этой Стороны².

Положения многосторонних международных соглашений, например, Сеульской конвенции 1985 года, содержат другие подходы к определению лица – иностранного инвестора. В соответствии со статьей 13 инвестором, на которого распространяются закреплённые Конвенцией гарантии, может быть любое физическое лицо, являющееся гражданином страны-члена Конвенции, при условии, что это государство не является принимающей страной, а также коммерческое юридическое лицо, созданное в стране-члене Конвенции, и его основные учреждения находятся на территории страны-члена или большая часть её капитала принадлежит стране/странам-членам или её гражда-

---

¹ Азанов Б. К. Научно-правовой анализ основ регулирования иностранных инвестиций на законодательном уровне в ЕАЭС: на примере России и Казахстана // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1. С. 131-136.

² Ерпылёва Н. Ю., Клевченкова М. Н. Понятие и субъекты иностранных инвестиций в российском и украинском инвестиционном праве // Вестник Федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве Юстиции РФ». 2014. № 1-2. С. 4-19.

нам при условии, что такая страна-член Конвенции не является принимающей страной.

Главным критерием применения закреплённых гарантий для инвестора является государство, куда вкладываются инвестиции, то есть, если гражданин Российской Федерации, проживающий в Швейцарии, осуществит инвестиции на территории Российской Федерации, то он по законодательству Российской Федерации не приобретёт статус иностранного инвестора и не будет пользоваться соответствующими гарантиями.

Однако, согласно международно-правовым актам, условием использования гарантий иностранным инвестором является сам факт перемещения инвестируемых средств через таможенную границу принимающей страны. В соответствии с положениями Сеульской конвенции по совместному заявлению инвестора и принимающей страны закреплена возможность распространить право на получение гарантии на физическое лицо, являющееся гражданином принимающей страны, или юридическое лицо, созданное в принимающей стране, или большая часть капитала которого находится во владении её граждан при условии, что инвестируемые активы перемещаются в границы принимающего государства. Соответственно, имеющаяся национальная и международная система гарантий иностранных инвестиций может использоваться субъектами инвестиционной деятельности, различными по своему правовому статусу, но это не добавляет действенности иностранному инвестированию, поскольку очевидно, что существует ряд противоречий¹.

Представляется, что для определения субъекта инвестиционной деятельности следует использовать гражданскую категорию «физическое лицо» вместо конституционной «гражданин», которая очень часто фигурирует в отечественном законодательстве. Среди законодательно определённого перечня субъектов инвестиционной деятельности, в том числе, и субъектов иностранного инвестирования, наблюдается игнорирование такой категории лиц как лица без гражданства. При этом апатриды обладают таким же объёмом инвестиционной правосубъектности, как граждане и иностранцы. Проблема

---

¹ Лысенкова М. В. Инвестиционная политика стран-участниц ЕАЭС: анализ взаимных ПИИ // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики. – Материалы II международной научно-практической конференции. Минск, 27-28 сентября 2018 года. Минск, 2018. С. 155-157.

применения различных критериев к определению иностранного инвестора, пользующегося международно-правовыми гарантиями, остаётся открытой и решается сейчас ситуативным применением положений того или иного международного акта, содержащего указанные гарантии.

Исходя из смысла положений ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», можно определить иностранные инвестиции как ценности, которые вкладывают иностранные инвесторы в объекты инвестиционной деятельности в соответствии с законодательством с целью получения прибыли или достижения социального эффекта. Таким образом, именно иностранные инвесторы получают особый правовой статус, который отличает их от остальных.

Стоит отметить, что полный перечень объектов инвестирования не закреплён в каком-либо едином нормативном правовом акте. Однако, исходя из приведённого определения, можно сделать вывод, что к объектам инвестиционной деятельности относятся: любое имущество, в том числе, основные фонды и оборотные средства во всех отраслях и сферах народного хозяйства, ценные бумаги, целевые денежные вклады, научно-техническая продукция, интеллектуальные ценности, другие объекты собственности, а также имущественные права (при этом п. 2 ст. 4 ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» допускает ряд известных ограничений для иностранного инвестирования).

Правовые вопросы иностранного инвестирования традиционно привлекают большое внимание исследователей. Этому способствуют факторы двойственного характера:

- во-первых, имманентная конфликтность регуляторных целей формирования благоприятного для иностранных инвесторов инвестиционного климата и обеспечения надлежащего уровня национальной безопасности страны-импортёра капитала;

- во-вторых, неоднородность системы источников правового регулирования отношений иностранного инвестирования, которая характеризуется сложными взаимосвязями и взаимодействиями национально-правового и международно-правового компонентов¹.

Положение о правовом режиме иностранного инвестирования в законодательстве закреплено в Федеральном законе «Об иностранных

---

¹ Лукин В. К. Проблемы финансирования инвестиционных проектов в технологических комплексах в промышленности России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 71-73.

инвестициях в Российской Федерации», который предусматривает введение нескольких правовых режимов для иностранных субъектов предпринимательской деятельности: национального, режима наибольшего благоприятствования и специального.

Национальный режим означает, что иностранные субъекты предпринимательской деятельности имеют объём прав и обязанностей не меньше, чем субъекты Российской Федерации. Национальный режим применяется в отношении всех видов предпринимательской деятельности иностранных субъектов, связанных с их инвестициями на территории Российской Федерации. Предоставление национального режима в связи с осуществлением иностранного инвестирования воспринимается большинством отечественных исследователей как нечто бесспорное. Национальный режим для иностранных инвесторов является общим правилом. Он действует практически во всех европейских государствах, а также в США, Канаде, Австралии. Как общий стандарт отношения к иностранным инвесторам национальный режим предусмотрен и в рамках ВТО. Впрочем, корректность такого обобщения требует более глубокого анализа, поскольку очевидно, что правовые и институциональные системы западных стран полнятся явными и скрытыми средствами защиты отечественных производителей и скрытой дискриминацией иностранных инвесторов. Бюджетная поддержка, лицензирование экспорта и импорта, государственные закупки, допуск к нефтегазовым ресурсам и необходимым инфраструктурным благам, конкурентное регулирование, налогообложение, разрешительная система, законодательство в сфере природопользования часто используются с целью протекционизма.

В международном инвестиционном праве различают две стадии инвестиционного процесса – преинвестиционную (pre-investment, pre-establishment) и постинвестиционную (post-investment, post-establishment). Объём и характер обязательств, принимаемых государствами на основании международных инвестиционных соглашений, в отношении каждой из двух стадий могут существенно отличаться. В подавляющем большинстве международных инвестиционных соглашений обязательства предоставлять национальный режим применяются только с наступлением постинвестиционной стадии. То есть национальный режим распространяется только на ту деятельность иностранных инвесторов, которая осуществляется в связи с инвести-

циями, вложенными в принимающей стране в соответствии с её законами и правилами¹.

Обязательства предоставлять национальный режим не касаются права принимающих стран регулировать допуск иностранных инвестиций или устанавливать условия основания деятельности предприятий с иностранным участием. Только две страны – США и Канада – известны тем, что настаивают на включении положения о национальном режиме на прединвестиционной стадии двусторонних инвестиционных соглашений, заключаемых ими. Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA), участниками которого являются эти страны, так же предоставляет национальный режим инвесторам и инвестициям другой договорной стороны относительно основания, приобретения, расширения, управления, сопровождения, операционной деятельности и продажи или другого распоряжения инвестициями.

С учетом этого, основные положения относительно предприятий с иностранными инвестициями целесообразно объединить в одной статье ГК РФ с размещением этих положений в следующей последовательности:

- 1) определение понятия «предприятие с иностранными инвестициями»;
- 2) указание видов таких предприятий;
- 3) определение понятия «иностранное предприятие»;
- 4) определение понятия «совместное предприятие» и указание групп совместных предприятий в зависимости от степени участия иностранного инвестора;
- 5) указание возможности установления законами льгот для предприятий с иностранными инвестициями, осуществляющих инвестиционные проекты в приоритетных отраслях экономики или иную деятельность, способствующую развитию экономики, социальной сферы и территорий;
- 6) указание возможности установления законами Российской Федерации ограничений или запретов на создание и деятельность предприятий с иностранными инвестициями в отдельных отраслях экономики или в пределах отдельных территорий, исходя из интересов национальной безопасности Российской Федерации;

---

¹ Панков Н. Н. Теоретические основы государственного регулирования инвестиционной деятельности // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 3. С. 32-38.

7) указание того, что правовой статус иностранных инвесторов определяется законом о режиме иностранного инвестирования и другими законодательными актами.

Анализируя правовой статус иностранных инвесторов, можно констатировать, что в действующей редакции ч. 3 ст. 4 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» нет единого понятия предприятия с иностранными инвестициями, что позволяет охарактеризовать таких инвесторов, исходя из следующих категорий: оценка вкладов иностранных инвесторов в уставный капитал таких предприятий; возможность законодательного установления льгот и ограничений (запретов) относительно их деятельности; представление этими предприятиями статистической отчетности; их организационно-правовые формы и учредительные документы; обложение пошлиной имущества, ввозимого в страну, как взнос иностранного инвестора в уставный капитал предприятий с иностранными инвестициями, условия реализации ими продукции (работ, услуг), положения относительно их налогообложения и осуществления ими прав интеллектуальной собственности. Другие положения этого закона (относительно государственных гарантий защиты иностранных инвестиций, государственной регистрации иностранных инвестиций и др.) касаются правового статуса предприятий с иностранными инвестициями опосредованно.

С учётом того, что отдельные из названных положений в различных нормативных правовых актах дублируют друг друга, а иногда даже приводят к разночтению норм законов, такие положения целесообразно устранить. В связи с этим представляется целесообразным в ст. 1 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» закрепить единое понятие иностранных инвестиций и субъектов инвестиционной деятельности.

В то же время другие положения этого закона требуют уточнения и конкретизации, в частности, вопросы оснований и момента приобретения и прекращения статуса предприятий с иностранными инвестициями, организационно-правовых форм и наименований таких предприятий, содержания их специальных прав и обязанностей¹. Це-

---

¹ Старостина Н. А. Методологические принципы оценки эффективности управления инвестиционной деятельностью // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 12. С. 82-86.

лесообразно восполнить также пробелы в отношении таких аспектов правового статуса иностранных инвесторов, как правовой режим принадлежащего им имущества и гарантии защиты их прав. В частности, ввести в ст. 4 ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» понятие имущества иностранного инвестора.

В то же время нормы законодательства об иностранном инвестировании, предусматривающие возможность установления льготного режима инвестиционной и иной предпринимательской деятельности для отдельных субъектов, осуществляющих инвестиционные проекты с привлечением иностранных инвестиций в соответствии с государственными программами развития приоритетных отраслей экономики, социальной сферы и территорий, ныне фактически остаются нереализованными, несмотря на то, что они представляют значительный интерес как для предприятий с иностранными инвестициями и их учредителей (участников), так и для государства и общества.

В регулировании вопросов иностранного инвестирования, в том числе, в форме создания предприятий с иностранными инвестициями, важная роль принадлежит международным конвенциям и соглашениям, к числу которых относятся:

- 1) двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, ратифицированные Российской Федерацией;
- 2) международные договоры об избегании двойного налогообложения;
- 3) соглашения с международными организациями;
- 4) универсальные договоры.

Отдельные аспекты правового статуса предприятий с иностранными инвестициями также урегулированы на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. В уточнении нуждается и действующий порядок государственной регистрации (перерегистрации) иностранных инвестиций и её аннулирования, поскольку он содержит пробелы относительно условий и порядка аннулирования государственной регистрации таких инвестиций в случаях отчуждения иностранным инвестором своих прав учредителя (корпоративных прав) резиденту Российской Федерации и исключения иностранного инвестора из состава учредителей (участников) совместного предприятия. Кроме того, обеспечение реализации вышеупомянутых положений закона об иностранном инвестировании по вопросам предоставления льгот предприятиям, осуществляющими инвестиционные проекты в приоритетных отраслях экономики, связано с необходимостью принятия новых

подзаконных актов, которые будут определять условия и порядок осуществления такими предприятиями специальных прав и обязанностей по использованию льгот, предусмотренных на уровне законов¹.

Учитывая вышеизложенные предложения по совершенствованию законодательства о статусе предприятий с иностранными инвестициями, также представляется важным дополнить ст. 4 ФЗ «Об иностранных инвестициях» определением совместных предприятий. Это должно способствовать созданию условий для активизации деятельности таких субъектов и будет иметь положительные последствия для развития экономики и социальной сферы. При этом вопрос об использовании наименований иностранных и совместных предприятий также требует дополнительной проработки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Российская газета. № 41-42. 04.03.1999.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.

3. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 31.05.2018) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Российская газета. № 134. 14.07.1999.

4. Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (Сеул, 11 октября 1985 г.) / Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. – Сборник нормативных актов и документов. М.: Юридическая литература, 1995.

5. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID). Заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965 / Международное публичное право. – Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996.

---

¹ Трящина Н. Ю. Формирование информации в интегрированной отчётности для оценки инвестиционной привлекательности компаний // Международный бухгалтерский учёт. 2018. Т. 21. № 5/6. С. 281-296.

6. Азанов Б. К. Научно-правовой анализ основ регулирования иностранных инвестиций на законодательном уровне в ЕАЭС: на примере России и Казахстана // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1.

7. Ерпылёва Н. Ю., Клевченкова М. Н. Понятие и субъекты иностранных инвестиций в российском и украинском инвестиционном праве // Вестник Федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве Юстиции Российской Федерации». 2014. № 1-2.

8. Лысенкова М. В. Инвестиционная политика стран-участниц ЕАЭС: анализ взаимных ПИИ // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики. – Материалы II междунар. Науч.-практ. конференции. Минск, 27-28 сентября 2018 года. Минск, 2018.

9. Лукин В. К. Проблемы финансирования инвестиционных проектов в технологических комплексах в промышленности России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18.

10. Панков Н. Н. Теоретические основы государственного регулирования инвестиционной деятельности // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 3.

11. Старостина Н. А. Методологические принципы оценки эффективности управления инвестиционной деятельностью // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 12.

12. Трясцина Н. Ю. Формирование информации в интегрированной отчётности для оценки инвестиционной привлекательности компаний // Международный бухгалтерский учёт. 2018. Т. 21. № 5/6.

Земенков Александр Иванович,
старший преподаватель
кафедры уголовно – правовых дисциплин Волжского филиала
Международного юридического института

Zemenkov A. I.
senior lecturer of the Department of criminal law disciplines
Volga branch of the International law Institute

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

VIOLENCE AGAINST PROPERTY: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Аннотация. В статье исследуются вопросы разграничения грабежа, разбоя, вымогательства, совершаемых с применением насилия или угрозы его применения. Осуществляется сравнительно-правовой анализ указанных насильственных преступлений против собственности во взаимосвязи с вопросом определения вида насилия и (или) характера угрозы применения насилия с целью осуществления наиболее верной квалификации совершённого деяния.

Annotation. The article examines the issues of distinguishing between robbery, robbery, extortion, committed with the use of violence or the threat of its use. A comparative legal analysis of these violent crimes against property is carried out in conjunction with the issue of determining the type of violence and (or) the nature of the threat of violence in order to implement the most correct qualification of the committed act.

Ключевые слова: грабёж, разбой, вымогательство, насилие, вред здоровью, квалификация, отграничение.

Keywords: robbery, robbery, extortion, violence, harm to health, qualification, delimitation.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации квалифицирует ряд преступлений против собственности, содержащихся в главе 21 Уголовного кодекса РФ. Особое внимание заслу-

живают составы преступлений, которые включают в себя такой квалифицирующий признак, как применение насилия или угрозы его применения ввиду того, что в них дополнительным объектом преступления выступает здоровье потерпевшего. К числу наиболее важных насильственных преступлений против собственности стоит отнести квалифицированные виды грабежа, вымогательства, а также разбой.

В основу отграничения насильственного грабежа (п. «г», ч. 2 ст. 161 УК РФ) от разбоя (ст. 162 УК РФ) положено установление применяемого при совершении хищения так называемого *вида* насилия: опасного или неопасного для жизни или здоровья. Под неопасным для жизни или здоровья понимается насилие, которое было связано с совершением действий, причинивших потерпевшему физическую боль либо соединённое с ограничением его свободы, при этом не повлекшее причинение какого-либо вреда здоровью. Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», к насилию, опасному для жизни или здоровья, относится такое насилие, которое повлекло за собой причинение потерпевшему тяжкого, средней тяжести или лёгкого вреда здоровью¹.

В ситуации, когда совершается завладение чужим имуществом с применением насилия к потерпевшему, с целью разграничения насильственного грабежа от разбоя достаточно определить вид применённого насилия (опасное или неопасное для жизни и здоровья) посредством назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы по установлению характера и степени причинённого вреда здоровью потерпевшего. Выводы такого рода исследования, содержащиеся в заключении СМЭ, будут являться законным основанием для квалификации содеянного либо по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (если при совершении хищения к потерпевшему было применено насилие, не повлекшее за собой причинение вреда здоровью, т.е. неопасное для жизни или здоровья), либо по ч. 1 ст. 162 УК РФ (в случае, если по результатам экспертизы у потерпевшего установлен лёгкий или средней тяжести вред здоровью), или же по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, если в результате завладения чужим имуществом потерпевшему причинён

---

¹ Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / СПС «КонсультантПлюс».

тяжкий вред здоровью. При этом следует отметить, что разбой является окончанным преступлением с момента нападения с применением насилия, даже если виновное лицо не смогло или не успело завладеть чужим имуществом, а грабёж, соединённый с применением насилия, следует квалифицировать как окончанное преступление при условии, что виновный, применяя насилие, неопасное для здоровья, сумел завладеть чужим имуществом и имеет реальную возможность им распорядиться. В противном случае содеянное является покушением на насильственный грабёж (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ).

Казалось бы, в описанной выше ситуации на основе объективных данных (заключения СМЭ), с учётом положений, содержащихся в диспозициях рассматриваемых составов преступлений, а также в разъяснениях соответствующего постановления Пленума Верховного суда РФ, у правоприменителя не может возникнуть вопроса относительно квалификации деяния: насильственный грабёж или разбой. Однако не всё так однозначно в случае, если завладение чужим имуществом сопровождается не реальным применением насилия, а осуществляется с угрозой его применения. При таких обстоятельствах важным будет являться вопрос определения характера такой угрозы: создавала ли она реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (ст. 162 УК РФ), или же такая угроза в случае её осуществления не могла причинить вред здоровью и, соответственно, являлась угрозой применения насилия, неопасного для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). В такой ситуации, при анализе совершённого деяния против собственности с целью определения характера и степени угрозы применения насилия при завладении чужим имуществом, стоит обратить внимание на факультативные признаки объективной стороны преступления: время, место, способ, орудия и средства, обстановка совершённого преступления, совокупность которых и будет свидетельствовать о реальности и определённости характера угрозы применения конкретного вида насилия.

При рассмотрении насильственных преступлений против собственности необходимо провести отграничение насильственного грабежа и разбоя от вымогательства, соединённого с насилием. Так, при грабеже и разбое применение соответствующего вида насилия является, как таковым, средством завладения чужим имуществом, т.е. виновное лицо самолично изымает имущество у потерпевшего, подавляя его сопротивление путём применения насилия. При вымогательстве такое насилие является лишь средством подкрепления незаконного

требования передачи чужого имущества или права на имущество, изъявленного виновным. При этом предмет требования переходит от потерпевшего к вымогателю путём осуществления самим потерпевшим (пострадавшим от насилия) непосредственных физических действий (например, фактическая передача имущества, переоформление потерпевшим права собственности со своего имени на имя вымогателя и др.).

В отличие от грабежа и разбоя, где определён вид насилия, применяемого при совершении преступления, в п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ содержится лишь указание на квалифицирующий признак вымогательства: совершённое с применением насилия без раскрытия вида такого насилия (опасного или неопасного для жизни или здоровья). Разъяснения по данному вопросу даны Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», согласно которым к вымогательству, соединённому с применением насилия, относится деяние, предусмотренное диспозицией статьи 163 УК РФ, если оно сопряжено с побоями, совершением иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а также с причинением лёгкого или средней тяжести вреда здоровью¹.

Таким образом, подводя итог правового анализа насильственных преступлений против собственности, следует отметить, что огромное значение для правильной квалификации деяния в качестве конкретного преступления, направленного на завладение чужим имуществом, имеет определение вида насилия и (или) характера угрозы его применения при совершении преступлений рассмотренной группы, а также установление места такого насилия как способа совершения преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» / СПС «КонсультантПлюс».

---

¹ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» / СПС «КонсультантПлюс».

Столяров Дмитрий Анатольевич,
кандидат исторических наук,
доцент отделения общеинститутской кафедры
теории права и государственно-правовых дисциплин
Ивановского филиала Международного юридического института
Черкас Захар Олегович,
студент Барановичского государственного университета

Stolyarov D. A.
candidate of history,
associate Professor of the Department of the General
Institute Department theory of law and state-legal disciplines
Ivanovo branch of the International law Institute
Cherkas Z.O.
student Baranovichi state University

**ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАСКРЫТИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ,
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**OPERATIONAL EXPERIMENT IN SOLVING CRIMES,
RELATED TO BRIBERY IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Аннотация. В работе раскрываются сущность и значение оперативного эксперимента как одного из наиболее эффективных средств противодействия самой тяжёлой форме коррупционной преступности – взяточничеству. Актуальность исследования обосновывается наличием проблем в правоприменительной и правоохранительной практике в сфере проведения оперативного эксперимента в целях изобличения фактов взяточничества, сложностью отграничения оперативного эксперимента от провокации взятки, а также необходимостью анализа условий правомерности оперативного эксперимента на основе действующего законодательства и сложившейся судебной, прокурорской, следственной и оперативно-розыскной практики.

Abstract. The work reveals the essence and significance of an operational experiment, as one of the most effective means of counteracting the most severe form of corruption crime - bribery. The relevance of the study is justified by the presence of problems in law enforcement and law enforcement practice in the field of conducting an operational experiment in

order to expose the facts of bribery, the difficulty of distinguishing an operational experiment from provoking a bribe, as well as the need to analyze the conditions of lawfulness of an operational experiment based on current legislation and the prevailing judicial, prosecutorial, investigative and operational search practice.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, коррупция, взяточничество, оперативный эксперимент, провокация взятки, противодействие коррупции.

Keywords: operative-investigative activity, operational-search measure, corruption, bribery, operational experiment, provocation of a bribe, anti-corruption.

Как известно, взяточничество является наиболее опасной формой проявления коррупции в целом. Само по себе взяточничество представляет собой не просто угрозу национальной безопасности любого государства, но и глобальную мировую проблему. Проявления взяточничества характерны не только для современного этапа развития общества, они имели место на всех этапах его истории. Кроме того, данные проявления существуют в той или иной степени во всех государствах.

Государство не может не реагировать на указанные проявления. На данное обстоятельство, например, было обращено внимание Верховного Суда Республики Беларусь, который в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда № 6) обозначил, что «взяточничество является наиболее опасным проявлением коррупции, поскольку подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, сдерживает экономическое развитие, составляет угрозу моральным устоям общества»¹. Анализируя данную дефиницию, можно чётко установить, что последствием фактов взяточничества является ущерб, который причиняется государству, обществу и личности.

---

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь № 6 от 26 июня 2003 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 09.07.2003. 6/370.

Требуется обратить особое внимание на то, что взяточничество как уголовно-правовая категория представляет собой собирательное понятие, объединяющее несколько противоправных общественно опасных деяний, запрещённых уголовным законом (далее – УК) под угрозой наказания¹. Представляется, что справедливым является утверждение, что к таким преступлениям, в частности, относятся получение взятки (ст. 430 УК), дача взятки (ст. 431 УК), посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК). По своей криминологической характеристике все указанные преступления можно отнести к латентным, то есть скрытым преступлениям. Это создаёт определённые проблемы для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов предварительного следствия. Латентность в данном случае обоснована наличием определённой выгоды как для лица, получающего взятку (далее – взяткополучатель), так и, в определённых случаях, для лица, дающего взятку (далее – взяткодатель). Латентность обусловливается также тем, что предметом взятки могут быть не только материальные ценности (деньги, имущество и так далее), но и различные выгоды имущественного характера. Данный факт нашёл свое отражение в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда № 6. Следует также учитывать, что перечисленные составы преступлений коррелируются между собой. Иными словами, уголовное законодательство характеризуется тем, что вместе со взяткополучателем уголовной ответственности подлежит и взяткодатель.

Основываясь на сложившейся правоприменительной и правоохранительной практике, а также на криминологических исследованиях, отметим, что чаще всего правоохранительным органам становится известно о фактах взяточничества только тогда, когда в отношении лица осуществляется вымогательство взятки. В таком случае данное лицо в целях защиты от данного посягательства обращается в правоохранительные органы². Деятельность же правоохранительных органов осуществляется в тех правовых условиях, которые определяются уголовным, уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законодательством. Сегодня в Республике Беларусь нет ни одного право-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 /Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

² Лосев В. В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В. В. Лосев. Минск: Амалфея. 2010. С.134.

охранительного органа, который бы не осуществлял в той или иной мере антикоррупционную деятельность.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности. Кроме перечисленных структур в данной деятельности задействованы Следственный комитет Республики Беларусь, Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, органы пограничной службы, органы государственной охраны, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, суды и иные правоохранительные органы. В антикоррупционной деятельности фактически задействованы и другие государственные органы, организации, учреждения и предприятия различных форм собственности, общественные объединения.

Учитывая скрытность взяточничества, его криминологические и криминалистические характеристики, становится очевидным, что наиболее эффективным средством противодействия ему является проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ). Наиболее действенное ОРМ в целях изобличения взяточничества – оперативный эксперимент. Данный вывод сделан на основе анализа оперативно-розыскной и следственной практики. Согласно ч. 1 ст. 34 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»), оперативный эксперимент представляет собой «вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближённую к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определённого события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности»¹.

Проводя подробное исследование данного определения с использованием метода толкования правовых норм, можно отождествить термины «оперативный эксперимент» и «искусственное создание обстановки совершения преступления». Другими словами, орган,

---

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь № 307-З от 15.07.2015 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 24.07.2015. 2/2305.

осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, получив сведения о противоправной деятельности гражданина, вовлекает его в искусственно созданную обстановку совершения того или иного преступления с целью последующего контроля поведения данного гражданина в таких условиях и фиксации данного поведения. В данном случае речь, безусловно, идёт об использовании данного ОРМ для изобличения и пресечения взяточничества. Принимая во внимание факт, что по своей юридической природе оперативный эксперимент воспринимается исключительно как провокационное мероприятие, недопустимо отождествлять оперативный эксперимент с провокацией взятки.

В силу абз. 3 ч. 2 ст. 14 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, их должностным лицам запрещается создавать обстановку (ситуацию), исключающую возможность свободного выбора гражданами, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, характера своих деяний, в том числе, реализации права на добровольный отказ от преступления (провоцировать граждан на совершение преступления). В случае установления факта провокации взятки само производство оперативного эксперимента и полученные в результате него сведения будут являться незаконными, что повлечёт недопустимость использования соответствующих материалов оперативно-розыскной деятельности в ходе доказывания в уголовном процессе.

Необходимость научного разграничения оперативного эксперимента и провокации взятки назрела достаточно давно, на что неоднократно указывалось в научной литературе. Наиболее подробно данная проблема нашла отражение в научных трудах таких ученых, как И. И. Бранчель, В. М. Хомич, В. В. Хилюта, И. В. Тимошенко, С. А. Машков и др.¹. Предмет научного исследования данных учёных можно однозначно определить как разработку методологии правомерного проведения оперативного эксперимента, а также как разграничение оперативного эксперимента и действий провокационного характера. Обобщая результаты исследований перечисленных авторов, можно сделать вывод о том, что правомерным оперативный эксперимент

---

¹ Машков С. А. Раскрытие и расследование фактов взяточничества с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук / С. А. Машков. Иркутск, 2004. С. 167.

можно признать только лишь в случае, если инициатива дачи взятки принадлежит разрабатываемому лицу. Таким образом, основным критерием в данном случае является инициатива дачи взятки.

Кроме изложенного, существует уточняющая позиция. В. М. Хомич полагает, что инициирование должностного лица на получение взятки в ходе проведения оперативного эксперимента, исключаящее её провокацию, может осуществляться косвенно, то есть, прежде всего, посредством просьбы о совершении соответствующих действий по службе. При этом допустимо, что такая просьба может сопровождаться ненавязчивым предложением (и не более) о вознаграждении должностного лица за его действия по службе¹. Такая позиция представляется нам достаточно обоснованной, поскольку в практической деятельности правоохранительные органы нередко сталкиваются с различными ситуациями, которые носят достаточно спорный характер, что влечёт определённый субъективизм в даче правовой оценки ходу и результатам оперативного эксперимента, что не всегда учитывает доктринальные достижения.

На основе анализа сложившейся судебной, прокурорской, следственной и оперативно-розыскной практики, научной литературы, а также бесед с сотрудниками правоохранительных органов можно выделить следующие критерии отграничения оперативного эксперимента от провокации взятки.

1. Субъект инициативы дачи и (или) получения взятки (научный критерий).

1.1. Оперативный эксперимент: субъектом инициативы дачи и (или) получения взятки является разрабатываемое лицо (пассивный характер деятельности органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность).

1.2. Провокация взятки: субъектом инициативы дачи и (или) получения взятки является должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или другого лица по его поручению (агента) (активный характер деятельности органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность).

2. Содержание ОРМ – оперативный эксперимент (правоприменительный и правоохранительный критерий).

---

¹ Хомич В. М. Оперативный эксперимент без провокации взятки/ Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – Сб. науч. ст. 2009. № 2. С. 297-317.

2.1. Оперативный эксперимент: в условиях полной неосведомлённости об оперативном эксперименте разрабатываемый самостоятельно выбирает размер взятки, способ её передачи; должностное же лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или агент по его поручению только соглашается с требованиями, выдвинутыми разрабатываемым. При этом особым условием данного критерия является возможность незначительной корректировки данных требований. Представляется, что границы данной корректировки должны определяться посредством внутреннего убеждения и основываться на сложившейся оперативной ситуации, при этом не допуская нарушения действующего законодательства.

2.2. Провокация взятки: вся деятельность должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или агента направлена исключительно на склонение к даче и (или) получению взятки; разрабатываемый при этом только соглашается с требованиями.

3. Время возникновения умысла на дачу и (или) получение взятки (субъективный критерий).

3.1. Оперативный эксперимент: время возникновения умысла у разрабатываемого – до проведения оперативного эксперимента или вне зависимости от него.

3.2. Провокация взятки: умысел на дачу и (или) получение взятки у разрабатываемого возникает исключительно вследствие провоцирующих действий органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или агента и состоит с ними в непосредственной причинно-следственной связи.

Давая правовую оценку правомерности оперативного эксперимента, необходимо наличие всех трёх признаков в их сочетании.

Обобщая изложенное, становится понятно, что деятельность должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, будет признана правомерной в том случае, когда им осуществлялось лишь наблюдение за действиями разрабатываемого (контроль) в искусственно созданных условиях совершения преступления.

В соответствии с ч. 5 ст. 19 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативный эксперимент проводится не иначе, как по постановлению о проведении ОРМ с санкции прокурора или его заместителя за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Такими ситуациями, в соответствии с действующим законодательством об

оперативно-розыскной деятельности, признаются необходимость предупреждения, выявления, пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления, розыска и задержания гражданина, его совершившего; необходимость предупреждения действий, которые могут привести к уничтожению предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами; наличие сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь (ст. 37 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). В таких случаях оперативный эксперимент может проводиться без санкции прокурора или его заместителя. Однако должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, которое проводит оперативный эксперимент, обязано в течение 24 часов письменно уведомить об этом прокурора или его заместителя, а в случае проведения оперативного эксперимента в отношении отдельных категорий граждан (ст. 36 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности») – Генерального прокурора Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности.

Законодательно установленный порядок проведения оперативного эксперимента является достаточно регламентированным, с точки зрения законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Достаточно жёсткий порядок проведения данного ОРМ обосновывается возможностью допущения противоправных действий со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также необходимостью обеспечения гарантий прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

В средствах массовой информации и в юридической литературе достаточно часто предлагается внести изменения и дополнения в действующий Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», чтобы установить прямой запрет на провокацию взятки при осуществлении оперативного эксперимента. Представляется, что в настоящее время отсутствует необходимость во внесении указанных изменений в действующее законодательство об оперативно-розыскной деятельности, поскольку запрет на склонение к совершению преступления в прямой или косвенной форме (провокация преступления) установлен ст. 14 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Подводя итог, можно отметить, что оперативный эксперимент является наиболее эффективным способом изобличения, раскрытия и пресечения фактов взяточничества. Однако при его осуществлении необходимо строго соблюдать требования действующего законода-

тельства и не допускать провоцирующих действий, а также надлежащим образом использовать материалы, полученные в результате его проведения, в дальнейшем уголовном преследовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лосев В. В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В. В. Лосев. Минск: Амалфея. 2010. 176 с.

2. Машков С. А. Раскрытие и расследование фактов взяточничества с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук / С. А. Машков. Иркутск. 2004. 219 с.

3. О судебной практике по делам о взяточничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь № 6 от 26 июня 2003 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 09.07.2003. 6/370.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь № 307-3 от 15.07.2015 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 24.07.2015. 2/2305.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь. 9 июля 1999 г. № 275-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 05.08.2017. 2/2491.

6. Хомич В. М. Оперативный эксперимент без провокации взятки / Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – Сб. науч. ст. 2009. № 2.

Философия

Голуб Николай Николаевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры управления
филиала Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в г. Севастополь

Golub N. N.
candidate of philosophical Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department of management
Branch of Moscow state University M. V. Lomonosov in Sevastopol

О НЕКОТОРЫХ ИДЕЯХ ФИЛОСОФИИ ЙОХАНА ХЕЙЗИНГИ

ABOUT SOME IDEAS OF THE PHILOSOPHY OF YOCHAN HASING

Аннотация. В данной работе рассматривается специфика и сущность игры в интерпретации Й. Хейзинги. Анализируется природа игры, её значение в становлении культуры, предпосылки становления игры и их субъективная природа. Рассматриваются авторская интерпретация и принципы феномена культуры как следствия «игрового» события в социокультурном становлении человеческого общества.

Abstract. In this paper, the specificity and essence of the game in the interpretation of J. Heasinga is considered. The nature of the game, its significance in the formation of culture is analyzed; the preconditions for the formation of the game and their subjective nature. The author's interpretation and the principles of the phenomenon of culture as a consequence of the "game" event in the socio-cultural formation of human society are considered.

Ключевые слова: игра, культура, общество, игровое событие.

Keywords: game, culture, society, game event.

Понимание игры как организующего начала в становлении человеческой культуры высказывалось не раз, к примеру И. Кантом, Ф. Шиллером. Однако именно Й. Хейзинга (1872 - 1945) вводит принцип игры в центр своей философской концепции культуры. Феномен игры

как организующего начала и сегодня находит отклик среди мыслителей. Этим обусловлена актуальность работы. Новизна данного исследования обусловлена авторским подходом к пониманию некоторых важных аспектов игровой теории Хейзинги. Целью данной статьи является изучение специфики и сущности игры в интерпретации Й. Хейзинги. Задачами исследования является рассмотрение следующих вопросов: понимание и природа игры, её значение в становлении культуры в концепции Й. Хейзинги; предпосылки становления игры и их субъективная природа; интерпретация и принципы феномена культуры как следствия «игрового» события в социокультурном становлении человеческого общества.

В своей работе «Homo Ludens» (1938 г.) Й. Хейзинга определяет основополагающие стратагемы фактора игры в сфере культуры. Сама игра как внутренний организующий феномен культуры рассматривается автором в нескольких аспектах: как фактор, выступающий движущим импульсом культуры; как форма актуализации культуры; как имманентное содержание всякой культуры; как собственно вид деятельности¹.

Согласно воззрениям Хейзинги, игра, являющаяся внутренним драйвером культуры, выступает первичным, изначальным образованием по отношению к самой культуре. Именно игра потенцирует становление культуры в истории человечества ещё с архаических времён. В этом контексте автор подчёркивает, что на заре возникновения человеческая культура зарождается как игра, культура «играется» (курсив Й. Хейзинги)². Предпосылки возникновения игры Хейзинга находит в субъективной реальности индивида, общества; он подчёркивает, что изменение объективного мира потенцировалось внутренним сценарием, замыслом, как бы «проигрыванием» будущего события, вида деятельности. В силу изначальной субъективности любой вид преобразующей внешней активности предваряется «проигрыванием» сценария, поэтому Хейзинга распространяет игровой фактор не только на духовно-субъективную сферу общества, но и на все сферы культуры вообще.

Именно игра определяет содержание и формы человеческой культуры, понимаемой в самом широком смысле. Хейзинга подчёрки-

---

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Прогресс. Культура. 1995.

² Хейзинга Й. HomoLudens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Пер. с англ. М.: Изд-во: ИД Ивана Лимбаха. 2017.

вает, что «игра пронизана ритмом и гармонией, ей присущи радость и изящество»¹. На наш взгляд, игра, понятая таким образом, есть выражение спонтанных характеристик человеческого духа, его способность творить наравне с интеллектуально-логическим освоением мира, что может быть определено как синергетическое взаимодействие основных субъективных интенций индивида в восприятии и преобразовании реальности.

Игра, согласно Хейзинге, отражает жизненно-биологические и духовно-экзистенциальные аспекты существования человека. При этом игра не сводится, собственно, к этим потребностям, а скорее создаёт фон и пространство для реализации, пространство, обладающее своим экзистенциальным пространственно-временным континуумом. Й. Хейзинга подчёркивает, что игра есть *«свободное действие, обладающее собственным временем и пространством, стоящее вне обычной жизни, но полностью овладевающее участниками»* (курсив – Н.Г.)².

Следует подчеркнуть, что игра направлена на становление и развитие именно человека общественного. Необходимо уточнить в теории Хейзинги отношение автора к самому понятию культуры, к феномену культурного творчества. Согласно Хейзинге, ядром подлинного культурного творчества выступают метафизические вечные ценности, имеющие трансперсональную, надличностную природу, выступающие как императивы, осознаваемые разумом и формирующие комплекс этических и эстетических чувств, актуализирующих практические задачи и субъективные ценности индивида, группы, общества³.

Подчеркнём, что данный подход к пониманию игры со стороны Хейзинги отражает и его понимание человеческой природы, превышающее логико-понятийное и эмпирическое взаимодействие с миром, но обуславливающее данное взаимодействие через «изначальные» глубинные духовные содержания человеческой природы. В контексте данного подхода игра есть выражение в предметном мире основных в

---

¹ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. Пер. с англ. М.: АСТ. 2004.

² Хейзинга Й. Статьи по истории культуры. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция. 1997. С. 104.

³ Хейзинга Й. *Осень Средневековья*. М.: Прогресс. Культура. 1995; Хейзинга Й. *Homo Ludens*. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Пер. с англ. М.: Изд-во: ИД Ивана Лимбаха. 2017.

своих истоках бессознательных сил индивида, стремящихся актуализироваться «во вне», в сфере человеческой культуры. Вот почему Хейзинга под культурой в строгом смысле понимает лишь духовные содержания и их измерения, хотя и подчёркивает необходимость равновесия духовных и материальных ценностей¹.

Материальная сторона человеческой культуры, согласно Хейзинге, является фактором эмпирического отношения человечества к миру природы, стремлением овладеть её законами, видоизменить и приспособить с позиции человеческих потребностей и возрастающих требований жизненного комфорта. Й. Хейзинга трактует данное приспособление как выражение человеческой борьбы за существование, свойственное также животному миру, а значит, не могущее в полной мере быть отнесённым к сфере человеческой культуры как таковой. Что же касается культуры, подчёркивает Й. Хейзинга, её (культуру) следует рассматривать исключительно как способ и результат духовной деятельности².

Человеческую культуру Хейзинга интерпретирует как способ совместного существования и сотворчества индивидов, основанный на этических и эстетических идеалах, составляющих духовные основы человеческого общества. И, тем не менее, автор подчёркивает значимость и материального фактора человеческой культуры, но лишь в контексте уравнивания духовных достижений человеческой цивилизации. Именно равновесие между духовным и материальным содержанием культуры характеризует её пиковую фазу – период наивысшего расцвета, а значит и личности как таковой, самоосуществляющейся в рамках определённого культурно-исторического типа. Хейзинга утверждает: «Там, где достигается равновесие ценностей, где человек чувствует себя господином своих страстей и желаний, там существует культура»³.

Гармония, упорядоченность, равновесие являются признаками подлинной культуры, а не эклектичность и хаотичность, свойственные периоду упадка и деградации человечества. В основе феномена куль-

---

¹ Хейзинга Й. Статьи по истории культуры. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция. 1997.

² Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Пер. с англ. М.: Изд-во: ИД Ивана Лимбаха. 2017; Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Прогресс. Культура. 1995.

³ Хейзинга Й. Homoludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с англ. М.: АСТ. 2004. С. 64.

туры Хейзинга обнаруживает следующие основные принципы: 1) определённое равновесие материальных и духовных ценностей; 2) единую для всех духовную доминанту, выражающую потребности, цели и идеалы общества; 3) определенный тип взаимодействия с природой, как правило, выражающийся в стремлении господства над ней¹.

Таким образом, понятие игры в философии Й. Хейзинги выступает смыслообразующим началом в объяснении сущности становления и развития человеческой культуры. Сама культура обретает своё подлинное значение в условиях производства подлинных духовных ценностей, в условиях равновесия и взаимодополнения духовных и материальных ценностей в рамках того или иного культурно-исторического периода.

Если данное равновесие нарушается, то культура погружается в состояние упадка, причиной чего является вытеснение фактора игры. Хейзинга проводит исследование типологии и хронологии мировых культур, следствием чего является вывод о деактивации и истощении игрового аспекта в человеческой культуре, о ситуации, когда духом общества начинает завладевать трезвое, прозаическое понятие пользы, что и приводит к утрате свободного духа культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хейзинга Й. HomoLudens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Пер. с англ. М.: Изд-во: ИД Ивана Лимбаха. 2017. 397 с.
2. Хейзинга Й. Статьи по истории культуры. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция. 1997. 416 с.
3. Хейзинга Й. Homoludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с англ. М.: АСТ. 2004. 544 с.
4. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Прогресс. Культура. 1995. 539 с.

---

¹ Хейзинга Й. HomoLudens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Пер. с англ. М.: Изд-во: ИД Ивана Лимбаха. 2017.

СЛОВО СТУДЕНТУ

Бочкарёв Михаил Викторович,
студент магистратуры Международного юридического института
Bochkarev M. V.
master's student International Law Institute

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1980 ГОДА

PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE VIENNA CONVENTION OF 1980

Аннотация. В статье исследованы особенности отражения принципа добросовестности в Венской конвенции. Рассмотрены соответствующие положения Венской конвенции, содержащие указание на принцип добросовестности, обозначена их недостаточная конкретизация.

Abstract. The article explores the features of the reflection of the principle of good faith in the Vienna Convention. The relevant provisions of the Vienna Convention, containing an indication of the principle of good faith, are considered, their insufficient specification is indicated.

Ключевые слова: принцип добросовестности, Венская конвенция.

Keywords: principle of good faith, Vienna Convention.

Чёткое понимание сущности и содержания принципа добросовестности во многих странах Европы в целом сложилось к концу XX века. Общепризнанной является позиция, согласно которой данному принципу подчиняется вся правовая жизнь. Принцип добросовестности играет важную роль не только в обязательственном праве, но и в любой сфере, в которой имеется особая связь между двумя и более лицами, в частности, в публичном, процессуальном, семейном праве.

Как отмечает К.В. Нам, «принцип добросовестности призван обеспечивать в процессе правоприменения справедливость, но не справедливость, субъективно понимаемую конкретным лицом и конкретным судьёй, а справедливость, как бы “предписываемую” законом, правом и общепринятыми в обществе и поддерживаемыми пра-

вом ценностями, справедливость, представляющую собой содержание духа закона»¹.

Применение исследуемого принципа должно основываться на подробном обосновании конкретных критериев оценки интересов сторон спора, того, как общий принцип был применён в конкретных условиях. Принцип добросовестности не являет собой правовую норму, предусмотренную для регулирования конкретного отношения либо группы отношений. Применение рассматриваемого принципа всегда связано с корректировкой применяемых норм, с вмешательством судьи в обычное правовое регулирование. В этой связи принимаемое судьёй решение, которое основано на принципе добросовестности, должно быть дополнительно аргументированно и обосновано.

Признание и развитие принципа добросовестности в национальных правовых порядках нашло своё отражение и в международных правовых актах. В качестве первого из таких международных актов выступила Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980)² (далее – Конвенция).

Принцип добросовестности в качестве общего правила содержится в ст. 7 Конвенции: «При толковании настоящей Конвенции надлежит учитывать её международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в её применении и соблюдению добросовестности в международной торговле». Из указанной нормы следует, что в процессе толкования регулятивных правил Конвенции необходимо содействовать соблюдению добросовестности между участниками торговых отношений. При этом особо отмечается, что речь идёт о международной торговле. Принцип добросовестности не сформулирован в Конвенции в явной форме в качестве общего постулата. Таким образом, поскольку предметом регулирования Конвенции являются договоры международной купли-продажи товаров, то достигаться должна добросовестность в сфере международной торговли, т.е. во внимание необходимо принимать не только национальную интерпретацию содержания этого принципа, но и международный характер договорных отношений. Этот международный характер

---

¹ Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 29.

² Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

конкретизируется в ст. ст. 1 и 2 Конвенции, которыми определено, к каким договорным отношениям она применима.

Среди исследователей нет единства касательно вопроса о том, что содержащаяся в ст. 7 Конвенции формулировка даёт основание считать добросовестность принципом регулирования договоров международной купли-продажи товаров. Нужно отметить, что введение правила о том, что при толковании Конвенции следует учитывать необходимость соблюдения добросовестности в международной торговле, явилось спорным вопросом и на этот счёт существовали различные точки зрения¹. Как результат наличия таких расхождений в итоге была принята компромиссная формулировка соответствующего положения ст. 7 Конвенции.

С одной стороны, отнесение принципа добросовестности к норме о толковании положений Конвенции, а с другой стороны, формулировка п. 1 ст. 7 Конвенции о необходимости соблюдения добросовестности вызвали неоднозначное понимание того, что же все-таки выражено данной нормой: идёт речь лишь о восполнении пробелов в регулировании посредством толкования норм Конвенции, либо же принцип добросовестности представляет собой общее правило, определяющее обязательства сторон².

В соответствии с одним из подходов формально законодатель отказался от включения принципа добросовестности как общей нормы, общего принципа правового регулирования Конвенции. Поэтому сфера действия добросовестности ограничивается лишь толкованием норм Конвенции³. Но при этом отмечалось, что принцип добросовестности помимо спорной ст. 7 нашел отражение в целом ряде иных норм Конвенции. Кроме того, спор вокруг формулировки п. 1 ст. 7 Конвенции не имеет большого значения, так как принцип добросовестности может вытекать и из п. 2 ст. 7 Конвенции. Указывалось, что стороны должны учитывать, что через п. 2 ст. 7 принцип добросовестности относится к основным принципам Конвенции.

---

¹ Farnsworth Allan. Duties of Good Faith and Fair Dealing under UNIDROIT Principles, Relevant International Conventions and National Laws // The Tulane Journal of International and Comparative Law. 1995. № 3. С. 56 – 57.

² Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 83 – 114.

³ Schlechtriem P. / Schroeter U. Internationales UN-Kaufrecht. 5. Aufl. Tübingen, 2013. S. 100.

Указанный подход представляется достаточно противоречивым. Как отмечают исследователи, «с одной стороны, мы имеем ограниченную интерпретацию п. 1 ст. 7, согласно которой добросовестность не является общим правилом для сторон только потому, что о ней говорится лишь применительно к толкованию Конвенции, а с другой – расширительное понимание п. 2 ст. 7, в силу которого предлагается выводить добросовестность как общий принцип. При этом в самой норме п. 2 ст. 7 говорится, что правоотношения сторон подлежат разрешению на основании принципов Конвенции, если только в самой Конвенции нет непосредственно регулирующих спорный вопрос норм. То есть добросовестность хоть и признаётся общим принципом, но обращение к ней как к принципу носит дополнительный, субсидиарный характер. Налицо очевидная половинчатость, незаконченность подхода»¹.

Следовательно, добросовестность выступает в качестве одного из базовых принципов Конвенции, однако непосредственное значение данный принцип имеет лишь только после того, как спорная ситуация будет разрешена посредством прямых норм Конвенции. Следуя логике п. 2 ст. 7, такие прямые нормы применяются без учёта принципа добросовестности. Такой подход представляется нелогичным. Ещё больше нелогичности здесь добавляет формулировка п. 1 ст. 7, которая предписывает при толковании Конвенции учитывать необходимость содействовать соблюдению добросовестности в международной торговле. Из данной формулировки явно вытекает то, что нормы Конвенции должны толковаться, пониматься и применяться таким образом, чтобы в конкретном случае отношения сторон договора международной купли-продажи были урегулированы так, как это соответствовало бы принципу добросовестности. Соответственно, из данной нормы не следует ничего иного, как то, что и сами нормы Конвенции подлежат толкованию и применению с учётом подходов принципа добросовестности. Представляется, что принцип добросовестности как общее начало, на котором основывается правовое регулирование Конвенции, вытекает в большей степени из п. 1, а не из п. 2 ст. 7. И данный принцип в силу п. 1 ст. 7 носит приоритетный общий характер.

---

¹ Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). С. 92 – 93.

Тот факт, что добросовестность является общим принципом правового регулирования Конвенции, подтверждается рядом статей Конвенции, в которых содержатся те или иные правила и подходы, которые известны из немецкого права и были развиты из принципа добросовестности. Так, в абз. 2 ст. 29 Конвенции содержится правило, согласно которому письменный договор, содержащий положение, требующее, чтобы любое изменение договора или его прекращение осуществлялось соглашением сторон в письменной форме, не может быть изменён или прекращён иным образом, нежели соглашением сторон. Однако поведение стороны может исключить для неё возможность ссылаться на указанное положение в той мере, в какой другая сторона полагалась на такое поведение. Данное предписание выражает в себе, в частности, известный подход немецкого права, основанный на принципе добросовестности и его ограничительной функции, в отношении недопустимости злоупотребления правом, заключающегося в противоречивом поведении. Данная норма является специальным выражением принципа добросовестности (абз. 1 ст. 7 Конвенции), когда одной из сторон отказывается в использовании формально принадлежащего ей права, если другая сторона обоснованно могла доверять определённому фактическому положению вещей и основывалась на таком положении.

Также Конвенция предписывает при определении намерений сторон договора учитывать все соответствующие обстоятельства, включая переговоры, любую практику, которую стороны установили в своих взаимных отношениях, обычаи, а также их любое последующее поведение (абз. 3 ст. 8 Конвенции). Учёт последующего поведения при определении намерения стороны является выражением правовой позиции о злоупотреблении правом и противоречивом поведении. Продолжение данной позиции можно найти и в абз. 2 ст. 16 Конвенции. Также проявлениями учения о недопустимости злоупотребления правом являются абз. 1 ст. 39, абз. 1 ст. 43, абз. 2 ст. 49 Конвенции, согласно которым сторона, неразумно долго осуществляющая свои права, теряет их. В данном случае можно проследить отражение правил о лишении правовой защиты субъективных прав лица, называемых в немецком праве *Verwirkung*.

Недопустимость злоупотребления формально принадлежащим правом проявляется также в ст. 50 Конвенции, согласно которой покупатель в случае недостатков товара не может снизить цену, если продавец незамедлительно и без значимых последствий для покупате-

ля устраняет недостатки. Аналогичные мысли содержатся также в ст. 34, 37, 48 Конвенции.

Таким образом, Конвенция, с одной стороны, содержит в себе как общие положения о принципе добросовестности, так и отдельные нормы, отражающие те или иные проявления этого принципа. С другой стороны, в силу наличия противоположных позиций относительно практического закрепления принципа добросовестности в Конвенции в период её разработки, формулировки указанного принципа недостаточно однозначны. И если в национальных правовых системах и, в первую очередь, в немецком, принцип добросовестности прошёл достаточно долгий путь развития и законодательного закрепления, то Конвенция являлась первым международным актом, в котором указанный принцип нашёл свое отражение.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить необходимость дальнейшего изучения содержания принципа добросовестности в Венской конвенции. При этом важную роль играет исследование особенностей закрепления данного принципа в национальных законодательствах, а также практики применения соответствующих положений Венской конвенции судами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
2. Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28
3. Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (TreuundGlauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7.
4. Farnsworth Allan. Duties of Good Faith and Fair Dealing under UNIDROIT Principles, Relevant International Conventions and National Laws // The Tulane Journal of International and Comparative Law. 1995. № 3.
5. Schlechtriem P. / Schroeter U. Internationales UN-Kaufrecht 5. Aufl. Tubingen, 2013.

Зибров Николай Николаевич,
студент магистратуры
Международного юридического института
Zibrov N. N.
master's student of the International law Institute

СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ)

SUBJECTS OF THE RIGHT TO A SECRET OF PRODUCTION (KNOW-HOW)

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с сохранением секрета производства как инструмента обеспечения преимуществ перед иными участниками оборота какого-либо товара. Исследуются понятие «субъекты права на секрет производства» и имеющиеся пробелы в сфере гражданско-правовых отношений собственности. Автором анализируются изменения в законодательстве о секрете производства.

Abstract. This article discusses current issues related to the secrecy of production as a tool to ensure advantages over other participants in the turnover of a product. The term «subjects of the right to a secret of production» and the existing gaps in the field of civil law property relations are examined. The author analyzed the changes in the legislation on the secret of production.

Ключевые слова: секрет производства, коммерческая тайна, ноу-хау, правовая охрана.

Keywords: production secret, trade secret, know-how, legal protection.

В современном обществе огромное значение придаётся техническому развитию и развитию инновационных технологий, что определяет внимание к гражданско-правовому определению права на секрет какого-либо производства. В некоторых сферах экономики (например, производство новой модели смартфона, сохранение в тайне его модификаций, совершенствование процессора либо разработка новейшего дизайна) сохранение секрета производства является наиболее действенным способом недопущения заимствования конкурентами, поскольку защита другими средствами (например, с помощью патентного права) не приносит необходимого результата.

Поэтому особое значение приобретает вопрос, касающийся субъектов права на секрет производства (ноу-хау), который в настоящее время является дискуссионным. Причина споров на эту тему заключается в том, что в Гражданском кодексе Российской Федерации нет чёткого определения субъектов секрета производства. В нормах главы 75 ГК РФ нет представления и о видах субъектов правоотношений ноу-хау.

И. В. Яблокова считает, что субъектом права на секрет производства могут быть только лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, т.е. предприниматели¹. Но такой позиции придерживаются не все учёные. Так, К. Е. Амелина считает, что «субъектом права на ноу-хау могут являться любые лица, так как законодательством должны охраняться интересы всех субъектов гражданских правоотношений, и, разграничивая коммерческую тайну и ноу-хау, утверждает, что субъектами прав на информацию, составляющую коммерческую тайну, могут являться лишь субъекты предпринимательской деятельности. При этом вне сферы действия правовых норм оказываются лица, обладающие конфиденциальной информацией, но не являющиеся предпринимателями, а ценность информации может выражаться не только в материальной выгоде, но и в моральном удовлетворении от обладания и использования ноу-хау»².

По мнению О. А. Потрашковой, субъектами отношений по поводу ноу-хау в отличие от субъектов права на коммерческую тайну могут выступать «лица, не обладающие статусом предпринимателя, а также публично-правовые образования»³. Д. А. Ситишко придерживается позиции, что секрет производства может находиться в обладании не только предпринимателя, что «обладателем информации может быть и физическое лицо, не являющееся предпринимателем, то есть

---

¹ Яблокова И. В. Право на секрет производства (ноу-хау) в предпринимательской деятельности: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. СПб. 2011; Яблокова И. В. Секрет производства (ноу-хау) как охраняемый результат интеллектуальной деятельности предпринимателей / И. В. Яблокова, С. Д. Волков // Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1. С. 148.

² Амелина К. Е. Ноу-хау и патентная форма охраны: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2007. С. 10-11.

³ Потрашкова О. А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): Информационно-правовые аспекты: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2009. С. 7.

лицо, имеющее опосредованный потенциальный коммерческий интерес, так как фактически он не занимается коммерческой деятельностью, но ничто не запрещает ему иметь имущественные или неимущественные интересы, отличные от связанных исключительно с коммерческой выгодой»¹. И. А. Близнец отмечает, что «в качестве ноу-хау охраняется информация, обладающая коммерческой ценностью, не обязательно влечёт её принадлежность субъекту предпринимательской деятельности»².

В главе 75 ГК РФ нет указания на то, что правообладатель секрета производства должен быть субъектом предпринимательской деятельности, но есть упоминание о возможности введения режима коммерческой тайны. В настоящее время нормативную основу регулирования отношений, возникающих по поводу секрета производства, наряду с главой 75 ГК РФ составляют ФЗ РФ «О коммерческой тайне» и ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В результате анализа четвертой части Гражданского Кодекса и Федерального закона «О коммерческой тайне» можно сделать вывод, что субъект права на ноу-хау должен заниматься предпринимательской деятельностью. Как отмечается в научной и учебной литературе, особенность ноу-хау как одного из видов интеллектуальной деятельности заключается в отсутствии права автора и, как следствие, в отсутствии права авторства на секрет производства³.

Тем не менее, можно поставить под сомнение позицию, что субъектами права на секрет производства могут быть только предприниматели. Сторонами, например, в гражданско-правовом судебном споре могут являться физические лица и (или) индивидуальные предприниматели. Из этого следует, что субъектом права на ноу-хау выступает и физическое лицо (являющееся автором секрета производства), не имеющее статуса индивидуального предпринимателя.

По мнению А. П. Сергеева, субъектами права на секрет производства могут быть только лица, занимающиеся предпринимательской

---

¹ Ситишко Д. А. Правовое регулирование секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2009. С. 23-24.

² Право интеллектуальной собственности: учебник/ под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2016. С. 549.

³ Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. С. А. Степанова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект. 2019.

деятельностью¹. Л. А. Трахтенгерц указывает на то, что при таком подходе физические лица, не являющиеся предпринимателями, лишаются возможности распорядиться принадлежащими им техническими или экономическими решениями, что не имеет нормативного обоснования ни в ранее действующем, ни в новом законодательстве².

Представляется очевидным, что созданный физическим лицом секрет производства принадлежит ему и он является его первоначальным правообладателем (автором). Таким образом, физическое лицо может распоряжаться принадлежащим ему ноу-хау. Вероятнее всего то, что в дальнейшем выступать в качестве пользователя или вторичного правообладателя будут организации, предприниматели, заинтересованные в секрете производства в целях извлечения выгоды.

Необходимо выяснить еще один вопрос: можно ли отнести к субъектам ноу-хау публично-правовые образования (объединения). В статье 1471 ГК РФ говорится о том, что в случае, когда секрет производства получен при выполнении договора подряда, договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технических работ либо по государственному или муниципальному контракту для государственных или муниципальных нужд, исключительное право на такой секрет производства принадлежит подрядчику (исполнителю), если соответствующим договором (государственным или муниципальным контрактом) не предусмотрено иное.

Из текста данной статьи можно сделать вывод о том, что публично-правовые образования в лице государства или муниципальных организаций могут стать субъектами права на секрет производства, если это будет указано в соответствующем контракте по согласованию сторон. Но данное положение нуждается в дополнительном теоретическом исследовании.

В гражданско-правовых отношениях публично-правовые образования выступают субъектами права наравне с гражданами и юридическими лицами. Согласно статьи 124 ГК РФ к Российской Федера-

---

¹ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.3/ Е.Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект. 2019. С.300.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т.2 / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий [и др.]; отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2-е изд. М.: ИНФА-М. 2016. С. 309.

ции, субъектами Российской Федерации (республиками, краями, областями, городами федерального значения, автономными областями, автономными округами, а также городскими, сельскими поселениями и другими муниципальными образованиями) применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов. Несмотря на это, было бы ошибочно отождествлять государство с юридическим лицом.

Деятельность публично-правовых образований не может быть произвольной, должна соответствовать целям и задачам, установленным в законодательстве. В ГК РФ выделена глава 5, посвящённая участию Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных организаций в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Таким образом, законодатель подчёркивает специфику государства как субъекта гражданских правоотношений, отграничивая его от остальных субъектов. Поэтому нельзя считать правоспособность публично-правовых образований общей и можно сделать вывод, что она является специальной. Исходя из этого, публично-правовые образования могут являться субъектами права на науку, несмотря на то, что не обладают статусом ни предпринимателя, ни организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность.

Хотелось бы отметить, что публично-правовые образования могут участвовать в гражданско-правовом обороте как напрямую, так и опосредовано. Опосредованное участие государственных (муниципальных) образований осуществляется посредством создания ими юридических лиц, собственниками имущества которых остаются учредители (например, бюджетные учреждения либо унитарные предприятия на праве хозяйственного ведения или оперативного управления).

Являясь учредителем таких организаций, публично-правовые образования опосредовано принимают участие в гражданском обороте, поскольку имеют большие контрольные полномочия в отношении этих организаций. Вышеперечисленные организации, согласно действующему законодательству, не вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закреплённым за ними имуществом без согласия собственника, из чего следует, что в этом случае публично-правовые образования можно рассматривать как правообладателя науки, а созданную им организацию – в качестве обладателя права использования этого науки. Однако, если публично-правовые образования участвуют в учреждении организации и владеют акциями ли-

бо долями хозяйственных обществ (товариществ), то в этом случае правообладателем секрета производства являются юридические лица.

Непосредственное участие публично-правовых образований в гражданском обороте осуществляется с помощью специальных представителей, а именно, органов соответствующего уровня – федеральных, субъектов Российской Федерации или муниципальных. Указанные органы в соответствии с предоставленными им полномочиями могут участвовать в гражданско-правовых отношениях в качестве стороны по государственным или муниципальным контрактам.

П.1 ст. 1229 ГК РФ указывает перечень правообладателей исключительного права. Однако в свете вышесказанного возникает вопрос: почему в список правообладателей не включены публично-правовые образования, тогда как действующее законодательство наделяет их правом участвовать в гражданско-правовых отношениях наравне с гражданами и юридическими лицами? Кроме того, ст. 1471 ГК РФ устанавливает случаи, при которых публично-правовые образования становятся правообладателями ноу-хау. Следовательно, имеет место пробел в законодательстве, который следует устранить посредством внесения изменений в п.1 ст. 1229 ГК РФ и закрепления её в следующем виде: «Гражданин, юридическое лицо или публично-правовое образование, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель), вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (ст. 1233 ГК РФ), если настоящим Кодексом не предусмотрено иное».

Анализируя вопрос о субъектах секрета производства, необходимо отметить возможность закрепления исключительного права на один секрет производства за несколькими лицами, а также то обстоятельство, что на один и тот же секрет производства могут появиться новые самостоятельные правообладатели. П. 2 ст. 1229 ГК РФ регулирует взаимоотношения лиц, которым совместно принадлежит исключительное право на результат интеллектуальной деятельности. Также данные взаимоотношения могут регулироваться и соглашением между правообладателями. Эти же правила применимы и в отношении правообладателей на секреты производства.

Если говорить о служебном секрете производства, в силу ст. 1470 ГК РФ, правообладателем исключительного права на секрет производства, созданный работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, является работодатель. Необходимо указать, что правообладателем исключительного права на ноу-хау можно стать в случае заключения договоров о передачи исключительного права на секрет производства.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, предлагается классифицировать субъекты права на секрет производства. В зависимости от гражданско-правового статуса к субъектам права на секрет производства относятся: граждане, юридические лица, публично-правовые организации в лице Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Также субъекты можно классифицировать, исходя из количества правообладателей одного исключительного права на ноу-хау: один правообладатель и несколько совместных правообладателей. В силу специфики секрета производства, в зависимости от количества правообладателей одного и того же ноу-хау: единый правообладатель и множественность правообладателей.

Как уже говорилось выше, основания возникновения права на ноу-хау могут быть различными. Исходя из этого, можно выделить следующие субъекты:

1) на основании создания ноу-хау: первоначальный создатель, автор; лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства; работодатель;

2) на основании гражданско-правового договора:

- по договору подряда, договору на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ либо по государственному или муниципальному контракту для государственных или муниципальных нужд – подрядчик (исполнитель), а если предусмотрено договором – Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование;

- по договору об отчуждении исключительного права на секрет производства – приобретатель исключительного права на ноу-хау, который в силу договора становится правообладателем;

- по договору о предоставлении права использования ноу-хау (лицензиат и лицензиар).

Из анализа субъектного состава можно сделать вывод, что субъектами права на секрет производства могут быть граждане, юридические лица или публично-правовые образования. Изменения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации в 2014 году, которые разграничивают секрет производства и коммерческую тайну, дают возможность предположить, что субъектами права на ноу-хау могут быть не только предприниматели. Также необходимо отметить, что в правоотношениях по поводу секрета производства имеется такой субъект как автор – создатель, первоначальный обладатель ноу-хау.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яблокова И. В. Право на секрет производства (ноу-хау) в предпринимательской деятельности. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. СПб. 2011.
2. Яблокова И. В. Секрет производства (ноу-хау) как охраняемый результат интеллектуальной деятельности предпринимателей // Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1.
3. Амелина К. Е. Ноу-хау и патентная форма охраны: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2007.
4. Потрашкова О. А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): информационно-правовые аспекты. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2009.
5. Ситишко Д. А. Правовое регулирование секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2009.
6. Право интеллектуальной собственности: учебник/ под ред. И. А. Близнаца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2016.
7. Гражданское право: учебник: в 2 т./ под ред. С. А. Степанова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект. 2019.
8. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект. 2019.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т. 2 / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий [и др.]; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2-е изд. М.: ИНФА-М. 2016.

Коваленин Александр Викторович,
студент магистратуры Международного юридического института
Kovalenin A.V.
master's student of the International law Institute

ИНТЕРЕСЫ И ОХРАНЯЕМЫЕ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСЫ В СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ

INTERESTS AND SUPERIOR INTERESTS IN FAMILY LAW REGULATIONS

Аннотация. В семейном законодательстве термины об интересах детей используются непоследовательно. В статье обсуждается вопрос о том, какие феномены, обозначаемые словом «интересы», важны для права, в частности, для семейно-правового регулирования, предлагается способ их терминологического различения. Делается вывод о том, что обдуманное различение терминов «интересы» и «охраняемые законом интересы» в семейном законодательстве может стать средством гармонизации частных и публичных интересов.

Abstract. In family law, terms about interests of children are used inconsistently. The article discusses the question of what phenomena, designated by the word «interests», are important for law, in particular for family law, and suggests a way to distinguish them terminologically. It is concluded that a deliberate distinction between the terms «interests» and «legally protected interests» in family law can be a means of harmonizing private and public interests.

Ключевые слова: семейное законодательство, интересы, охраняемые законом интересы, наилучшие интересы.

Keywords: family law, interests, legally protected interests, best interests.

По количеству употреблений существительного «интерес» Семейный кодекс (далее – СК) находится на 6 месте среди федеральных законов, пропуская вперёд только Гражданский, Налоговый и три процессуальных кодекса. Кроме количества употреблений, особенным является и их разнообразие: интересы, права и интересы, права и законные интересы. То есть при регулировании семейных отношений, в начало которого положена «недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи» (СК, ст.1), в основу правовых обя-

занностей родителей и критериев действий должностных лиц, ограничивающих права граждан, кладётся понятие, которое не имеет ни легального, ни единого доктринального толкования.

Толкование терминов, связанных с интересами, в СК имеет исключительное значение, тем более что родитель, пытающийся самостоятельно уяснить из кодекса свои обязанности, легко может прийти к превратному выводу, что по закону не он, как говорится в Конвенции о правах ребёнка (далее – КПР), «управляет и руководит ребёнком», а дети диктуют свои субъективные интересы. Нельзя не признать: в законе не хватает средств, запрещающих такое толкование не только родителю, но и правоприменителю, который вступает в отношения с семьёй по долгу службы.

Понимание под интересами детей их субъективных стремлений встречается и в научных трудах. Так, О. Г. Миролубова оспаривает толкования интересов как необходимых условий для развития ребёнка, даваемые другими учёными и Верховным Судом, с позиций недостатка в них субъективного элемента: ей кажется, что эти определения «имеют чисто практическое значение и не могут служить основой для научного определения понятия «интересы ребёнка»¹. Другой пример – мнение Ю. Г. Долгова. Высказав мысль о том, что интересы родителей выражаются, «прежде всего, в осуществлении надлежащего воспитания подрастающего поколения», он, тем не менее, добавил, что родители «выявляют интерес ребёнка, определяют его содержание, обеспечивают своё поведение с учётом характера выявленного интереса»². С этим трудно спорить. Но здесь говорится о «своём поведении» именно при «осуществлении надлежащего воспитания» – формировании субъективных интересов. Это предмет педагогики, а не права, которое касается педагогики только в форме запрета некоторых методов воспитания. Для правовой науки важно понять не что такое вообще интересы, а то, какие интересы необходимо сделать предметом объективного права.

Рассмотрим разные предметы, называемые интересами.

1. *Субъективные интересы.* Самое употребительное обыденное понимание слова «интерес» фиксируется неспециальными словарями

---

¹ Миролубова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребёнка» // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/1.

² Долгов Ю. Г. Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2004.

по-разному, но сводится к представлениям о пользе, желанности, выгоде для лица некоторого будущего блага, сосредоточенности внимания на нём. Экскурсы правоведов в философию, социологию, экономику, психологию за справкой о понятиях интереса в этих дисциплинах¹ добавляют в этот ряд пониманий интереса причины общественных процессов, побуждения, стремления, цели деятельности. В таком же смысле об интересах писал Иеринг, указывая, что интересы борются за воплощённость в норме права и, тем самым, за защищённость нормой права, а не сами относятся к праву. У правовой науки нет повода отнести к этим дисциплинам как к своим специальным наукам и заимствовать их результаты для своего предмета. Объективное право не занимается желаниями, кроме учёта мотивов обвиняемого. Если такой субъективный интерес приводит к поступкам, то поступки, а не интерес, могут рассматриваться правом, которое в таком случае исследует их правомерность, а не «правильность»; соответствие волеизъявления воле и достаточность правомочий, а не источник воли – взгляды на желанность, полезность и вредность. То, что цели стремлений не задевают «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц», то есть являются законными в таком разговорном смысле слова и дозволенными в рамках общих свобод, не делает сами стремления предметом права и защиты правом.

В том, что дееспособный гражданин действует, исходя из своего субъективного интереса, состоит смысл юридической свободы. Все замечания других лиц о том, что его поступки противоречат его интересам, находятся вне пространства права. Это положение не меняется, когда субъект права действует через представителя: другая сторона сделки или суд проверяют не «объективные интересы» представляемого, а полномочия представителя. Поэтому правовое (в отличие, скажем, от философского) решение проблемы защиты таких интересов субъекта в общем случае состоит не в критериальной дефиниции интереса, а в определении лица, определяющего интересы субъекта права и пределов его полномочий. Для права важно не перенести вопросительный знак со слова «интерес» на объясняющее его слово, а то, кто субъектно и как процессуально его определяет.

---

¹ Лысухо С. В. Эволюция исследования категории «законные интересы» в юриспруденции // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1.

2. *Родительские интересы ребёнка.* То, что субъект права – недееспособный, вносит в этот вопрос своеобразие, которое и разрешается указанным способом. Воля субъекта законом поставлена под сомнение, распоряжение ею доверено законному представителю, и воля представляемого остаётся вопросом их личных отношений. То, что это родитель и ребёнок, – не исключение, а частный случай. «Представление интересов ребёнка» родителем и подразумевает основное право родителя: субъективно определять, что в объективных интересах ребёнка. Для родителей эти интересы – не изменчивые стремления, а представления о важном для формирования личности, для будущей самостоятельной жизни. Они предъявляются ребёнку как объективные («надо научиться читать», «надо быть терпеливым»), хотя родители судят о том, что «надо», по своему личному жизненному опыту, мировоззрению и чувству исторического движения.

Этот опыт – частица общественного опыта. С юридической точки зрения, обеспечение этой субъектности родителя – часть принципа «невмешательства кого бы то ни было в дела семьи», реализующего конституционный принцип неприкосновенности частной жизни. Но публичный интерес в обеспечении этой субъектности состоит не просто в спокойствии семейного уединения. Самостоятельность родительского выбора имеет критически важное значение для формирования обществом представлений о своём развитии, так как именно в семьях-общностях, связанных заботой о будущем друг друга, переживаются все непредсказуемые политиками и учёными ситуации изменчивой жизни и вырабатываются представления о способах приспособления и развития, которые государство не может продиктовать, но должно услышать.

3. *Категорический публичный интерес.* Права несовершеннолетнего реализуются в той мере, в какой родители субъективно считают для него полезным («в его интересах») воспользоваться тем или иным правом. Но среди них есть и особые права (начиная с конституционного «права на жизнь»), которые ни по естественному праву, ни по закону родители не могут считать необязательными для осуществления. Их обеспечение государство доверяет родителям, но не по их усмотрению, а как обязанность, и обязуется гарантировать – защитить, если родители не справляются, вплоть до отказа от другого публично-го интереса – невмешательства.

Формулируя такие обязанности родителей, государство указывает на публичный интерес, который оно берёт под свою защиту. Дети

в этих конституционных указаниях – только одна из особо защищаемых категорий, наряду с семьёй в целом, материнством, инвалидами и пожилыми гражданами – всеми, кому трудно о себе позаботиться. Охрана этого публичного интереса состоит, в последнюю очередь, в правовой защите, а в первую очередь, – в мерах государственной поддержки, которая состоит из общей инфраструктуры поддержки и адресной помощи, по сути субсидиарной, тем, кто сам не справляется. Ради этого публичного интереса (а не субъективных интересов детей) государство прибегает в исключительных случаях и к отказу от другого публичного интереса, вплоть до разлучения детей с родителями.

Смысл оговорок о пределах допустимых ограничений прав (Конституция РФ, ст.55; СК, ст. 7) состоит в том, что государство может включать в этот интерес только то, что оправдано самыми важными интересами, такими, как жизнь и здоровье. Следовательно, только среди самых насущных прав детей, соблюдение которых закон не просто позволяет, а требует, и нужно искать содержание тех интересов, которые служат критериями для отказа в правах в нормах закона.

Поэтому этот публичный интерес категоричен: суждение о нём не может иметь характер спора субъективных представлений о лучшем жизненном выборе, а всегда критериально. Для обязанности обеспечить здоровье есть известные критерии вреда; нарушение требования нравственного развития – антиобщественное поведение; и если психическое развитие не имеет критерия, то не может быть и субъективной обязанностью. Иное толкование означает замену правовых оснований для вмешательства конкуренцией субъективных представлений родителей и каждого из служащих «системы профилактики», что в сложившейся системе общественных интересов¹ является коррупциогенным фактором.

Родительские интересы ребёнка и интересы, категорически защищаемые государством, можно рассматривать в антиномии частного и публичного интереса, а можно как два публичных интереса. В любом случае, они отличаются и предметом, и субъектом, а значит, в законодательстве важно терминологически различить и защитить оба: 1) интересы, определяемые родителями, как основания жизненного вы-

---

¹ Коваленин А. В. Придирки к семье и разбуженные Национальной стратегией интересы. – Сборник докладов II Межрегиональной конференции 29 октября 2015 г. Красноярск. Гражданская ассамблея Красноярского края. 2016 г.; Коваленин А. В. Кем и как создана новейшая семейная политика России. – Материалы общественных слушаний в Общественной палате РФ. М. 2018.

бора при решении семейных вопросов, которые могут быть предметом спора только между родителями; 2) те, которые входят в охраняемый государством (в этом смысле, законом) категорический интерес, нарушение которого имеет критериальное, пресекательное значение для целого ряда семейных прав. Это не просто интересы детей, а только самые насущные, жизненные, существенные, наилучшие.

Трактовка международно-правового термина «наилучшие интересы ребёнка» как категориального, а не оценочного, может показаться неожиданной. Слово «наилучшие» наводит на мысль об оценочном понимании, тем более, что оно неизбежно для одного вида споров – споров о детях. Такая концепция за рубежом «подвергается критике как неясная и неопределённая, как некий субъективный стандарт, подверженный бесконечному количеству трактовок и несвободный от злоупотребления и идеологической эксплуатации»¹, но стала приживаться и у нас, в том числе, ввиду выражения «наилучшее обеспечение интересов ребёнка», которое допущено в русском переводе ст.3 КПР на месте *bestinterests* – видимо, по образцу русского перевода *bestinterests* в Декларации о правах ребёнка 1959 г. Во французском и испанском текстах КПР на месте *best* мы видим не *meilleur (mejor)*, но *supérieur (superior)*, что позволяет дать и перевод «высшие интересы». Наприсовишаяся категориальная трактовка лишает основания указанную критику, хорошо согласуется с выявленным необходимым различием и сочетанием родительского и публичного интереса.

Установив необходимое для права концептуальное различие, зададимся вопросом: как лучше его выразить в законе?

Для обозначения родительских интересов ребёнка достаточно простого слова «интересы». Его обыденное прочтение как «субъективные интересы» не будет противоречить требуемому, если нормативное предписание будет достаточно ясно указывать на субъект – родителей: право родителей определять и представлять интересы ребёнка.

Для выражения в законе самых насущных интересов нужен, наоборот, термин, далёкий от обыденного языка, чтобы служить достаточным сигналом для граждан и для правоприменителя о том, что

---

¹ Туркович К., Гргич А. Наилучшие интересы ребенка в контексте статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод// Государство и право. Реферативный журнал. Серия 4: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2017. № 2. (Н. В. Кравчук).

речь идёт не о его субъективном мнении, а о необходимости обратиться к определённым законом критериям. Из принятых терминов кандидатами на эту роль могут служить термины «законные интересы», «охраняемые законом интересы». Возможная коннотация «предусмотренный законом» у обоих терминов будет только благоприятной для исключения расширительных толкований, если все насущные интересы уже зафиксированы в родительских обязанностях. Однако необходимо в этом убедиться, как и в том, что необходимое значение выбранного термина будет соответствовать его принятому употреблению, по крайней мере, в рамках Семейного кодекса. Это оказалось отнюдь неочевидным.

Поиски устоявшегося доктринального смысла обоих терминов обнаружили его отсутствие. Обзоры работ об этом, выполненные Н. В. Кийко¹, Е. А. Цветковой², позволяют заключить, что термины используются непоследовательно; законодательство даёт примеры и их синонимичного использования, и противопоставления. Одни учёные считают их различие ненужным, другие указывают на различные правовые явления, за которыми было бы полезно закрепить разные термины, и высказывают разные предпочтения, как именно. В предлагаемых систематизациях явлений для тонких отличий между ними вводятся дополнительные термины «правовой интерес» и «юридический интерес».

При всей важности этой работы для понимания правовых явлений она не помогает в толковании терминов в законодательстве, в том числе, при самом массовом употреблении – в оговорках об ограничении свобод нарушением «прав, свобод и законных интересов других лиц». Так, одно из активно цитируемых толкований «законного интереса»³ сводит его к незапрещённому стремлению, то есть к самой слабой из возможных коннотаций, не оправдывающей такие ограничения свободы.

Отсутствие единой теоретически выстроенной системы терминов об интересах заставило подойти к проблеме текстологически, то

---

¹ Кийко Н. В. Соотношение понятий «законный интерес» и «охраняемый законом интерес»: проблемы теории и законодательного закрепления // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1.

² Цветкова Е. А. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. 2016. № 3.

³ Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. № 2.

есть заняться анализом фактического употребления слов, исходя из того, что оно формируется сложившимися в разных областях правовой практики обычаями. Для этого составлены таблицы употреблений в федеральных законах слова «интерес», которое обнаружилось 3843 раза в 399 законах. Это позволило выделить группы употреблений и оценивать терминологическую стройность внутри каждой группы отдельно.

Для рассматриваемого вопроса важно, что одно из исследуемых выражений – «охраняемые законом интересы» оказалось особенным по семантической окраске. Прежде всего, оно оказалось относительно редким – встречается всего 93 раза, тогда как «законные интересы» – 1224 раза. Его употребление чаще всего относится к публичным интересам, особо выделенным Конституцией и уголовным законом. При этом такие интересы тоже обычно сочетаются с правами, но это сочетание нередко делается чётко отличительным, например, «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». В ряде случаев можно увидеть примеры таких интересов: угроза жизни, здоровью, имуществу и иным охраняемым законом интересам. Лишь в нескольких случаях имеется в виду частный интерес законного обладателя блага. Значит, термин «охраняемые законом интересы», с учётом его преобладающего употребления, подходит для обозначения особых интересов государства.

В СК это выражение не употребляется (и, значит, его внедрение дало бы полезный сигнал об обновлении смысла). «Законные интересы» используются 16 раз, включая две цитаты из Конституции о пределах свободы. Лишь один раз говорится о правах и законных интересах родителей (усыновителей) или родственников – оспаривать действия опекуна их ребёнка (ст. 148.1 п.3). В остальных случаях говорится о защите «прав и законных интересов ребёнка»: 9 раз о его праве на такую защиту, о том, на кого она возлагается, 3 раза – о реакции на их нарушение. В 16-м случае говорится об оценке наличия угрозы его законным интересам и даётся пример того, что называется их нарушением: причинение вреда физическому и (или) психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (ст. 155.2). То есть ничему больше, чем объектам заботы, вменённым родителям в обязанности.

Обратившись к другому используемому в СК названию объекта защиты – «права и интересы детей», заметим деталь: субъект интере-

сов в нём не ребёнок, а дети (кроме ст. 122, где речь идёт о мерах после обследования условий жизни ребёнка). С позиций текстологии такое стилистическое отличие между группами выражений именно в силу семантической ничтожности требует предположить невольное влияние разных письменных традиций. Проверка подтвердила эту гипотезу: выражения со словами «права и интересы детей» в п.1 ст. 64 и в ст. 65 СК перешли из КоБС РСФСР, а фразы с «правами и законными интересами» в ст. 56 – новеллы СК, имплементация КПр. Значит, различие терминов следует признать не значащим, а юридико-техническим недостатком.

Работа над этой сверкой дала ещё одно указание на смысл «наилучших интересов». При имплементации п.3 ст.9 КПр оговорка «за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребёнка», перешла в ст.66 СК не буквально, а по смыслу. На её место снова встало выражение «если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребёнка, его нравственному развитию». Это прямое свидетельство того, что составители СК под «наилучшими интересами» понимали в этом случае не больше, чем перечислено в обязанностях родителей.

Подведём итог. Необходимое разделение понятий оптимально выражается терминами «интересы» и «охраняемые законом интересы». Принцип разделения предлагается простой: родители определяют и представляют интересы ребёнка, ответственность законного представителя связывается только с нарушением его охраняемых законом интересов с учётом того, что в законе такие особые интересы перечислены.

Одновременно стоит ввести в СК термин «наилучшие интересы», привязав его к этому перечню: «родители обязаны заботиться о наилучших интересах своих детей – о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии» (ст.63). Это позволит и имплементировать термин в российское законодательство, и обезопасить его от спекулятивных, расширительных толкований. При таком решении исключается трактовка необходимости соблюдения интересов ребёнка как права служащего выносить юридически значимые для жизни семьи решения на основании своего субъективного усмотрения о том, что лучше ребёнку, и одновременно сохраняется защищённость охраняемых законом интересов детей, то есть достигается гармоничное сочетание частных и публичных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/1.
2. Долгов Ю. Г. Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2004.
3. Лысухо С. В. Эволюция исследования категории «законные интересы» в юриспруденции. // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1.
4. Коваленин А. В. Придирки к семье и разбуженные Национальной стратегией интересы. – Сборник докладов II Межрегиональной конференции 29 октября 2015 г. Красноярск. Гражданская ассамблея Красноярского края, 2016 г.; А. В. Коваленин. Кем и как создана новейшая семейная политика России. – Материалы общественных слушаний в Общественной палате РФ. М. 2018.
5. Туркович К., Гргич А. Наилучшие интересы ребёнка в контексте статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. // Государство и право. Реферативный журнал. Серия 4: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2017. № 2 (Н. В. Кравчук).
6. Кийко Н. В. Соотношение понятий «законный интерес» и «охраняемый законом интерес»: проблемы теории и законодательного закрепления // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1.
7. Цветкова Е. А. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. 2016. № 3.
8. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. № 2

Кузнецова Дарья Ильинична,

студентка магистратуры

Международного юридического института

Kuznetsova D.I.

master's degree student InternationallawInstitute

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

ON CERTAIN ASPECTS OF CONSIDERATION OF THE STATE AS A SUBJECT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности правового регулирования деятельности государства как субъекта международного частного права. Сделан вывод о том, что государство является не только регулятором, но и важным участником международных частноправовых отношений. Вместе с тем, участие государства в частноправовых отношениях сопряжено с целым рядом коллизий, которые возникают в связи с публично-правовой природой государства и связанных с ней иммунитетов. Для решения данных проблем представляется дискуссионным принятие федерального закона об иммунитете Российской Федерации во внешнеэкономической деятельности.

Abstract. The article deals with the main features of legal regulation of the state as a subject of private international law. It is concluded that the state is not only a regulator, but also an important participant in international private law relations. At the same time, the state's participation in private law relations is associated with a number of conflicts that arise in connection with the public legal nature of the state and its associated immunities. To solve these problems, the adoption of the Federal law on the immunity of the Russian Federation in foreign economic activity is considered controversial.

Ключевые слова: международное частное право, иммунитет государства, государство как субъект частного права, абсолютный иммунитет, функциональный иммунитет.

Keywords: private international law, state immunity, the state as a subject of private law, absolute immunity, functional immunity.

Несмотря на то обстоятельство, что международное частное право регулирует частноправовые отношения, усложнённые иностранным элементом, на всём этапе развития юридической науки базисные основы частноправовых отношений с участием государства в значительной степени интересуют современных исследователей юриспруденции¹. Следует констатировать, что в современной научной

---

¹ Олейник Е. П. Историко-правовые основы становления и развития законодательства, регулирующего подрядные отношения при реализации государственных контрактов для нужд войск Отечества. // Известия Тульского

доктрине отсутствует единое мнение относительно сущности и международного частного права.

На сегодняшний день следует выделить три концептуальных взгляда на генезис международного частного права:

1) международное частное право является частью внутригосударственного права. На международно-правовое регулирование распространяется действие предмета и метода национального права. При этом данная концепция не лишена изъянов: некоторые исследователи выделяют международное право в самостоятельную правовую отрасль, другие считают его составной частью национального гражданского права (такой подход можно подтвердить эмпирически – в ходе изучения организационной структуры юридических факультетов и образовательных организаций – в большинстве из них международное частное право является дисциплиной, закреплённой за кафедрами гражданско-правового направления);

2) международное частное право является частью международного права. Так, ряд специалистов считает, что международное (которое, как правило, синонимизировано с международным публичным правом – прим. автора) право и международное частное право имеют сходные начала правового регулирования¹;

3) международное частное право является отдельной отраслью права, сочетающей в себе как нормы внутреннего законодательства, так и нормы международного права.

Наконец, существует и довольно экстравагантное мнение некоторые учёных, полагающих, что международное частное право является искусственным образованием, объединяющим две или три группы разносистемных норм (международно-правовых, норм отечественного права, норм права иностранных государств)². Правильное понимание дефиниции «международное частное право» по-

---

государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2. С. 74.

¹ Соболев И. Д. Основополагающие начала и принципы международного частного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-nachala-i-printsip>

² Кузнецов М. Н. Международное частное право: признаки кризиса или признаки роста // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-priznaki-krizisa-ili-priznaki-rosta>

может сделать правильный вывод о месте и роли государства в системе международного частного права.

Не вдаваясь в научную дискуссию, следует отметить, что международное частное право, равно как и внутригосударственное право, основывается, прежде всего, на методе властных предписаний. Также следует признать, что международно-правовое и коллизионное регулирование (применение норм иностранного права) осуществляется в рамках международного частного права в той степени, в которой это дозволено внутригосударственным правом, устанавливающим пределы такого регулирования и вмешательства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что государство в международном частном праве выступает сразу в двух качествах: как регулятор международных частноправовых отношений и непосредственно как их участник. И если в первом случае государство действует, используя метод властных предписаний, то во втором случае государство является равноправным субъектом международных частноправовых отношений. Такая позиция подтверждается и мнением видных отечественных цивилистов¹.

Как отмечает Л. П. Дябкина, современные государства не могут оставаться в стороне от частноправовых отношений. Здесь они подчинены общим принципам гражданского права, поэтому отношения с иными участниками осуществляются на равных началах. Действующее гражданское законодательство Российской Федерации содержит прямое указание на возможность самостоятельного участия государства в частных правоотношениях². Такое участие лишь подтверждается сложившейся практикой: всё чаще из средств массовой информации мы получаем информацию о срыве сделок на поставки высокотехнологичного оборудования и техники (как частный пример – несостоявшаяся сделка на приобретение нашей страной кораблей типа «Мистраль» и многие другие), сырьё и иных объектов гражданского оборота.

---

¹ Бит-Шабо И. В., Бит-Шабо В. А. Финансовая политика государства и регионов и ее роль в развитии современного общества. / Проблемы развития российской правовой системы. – Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ГУ «СГУ». 2018. С. 171.

² Дябкина Л. П. Государство как субъект публичных и частных правоотношений // ЮП. 2011. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-subekt-publichnyh-i-chastnyh-pravootnosheniy>

В статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации указано: «Участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица. В регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования». Данные правила, в общем и целом, распространяются также и на международное частное право. Вопрос участия государства в международных частноправовых отношениях прямо связан с вопросом отказа государства от своего иммунитета. Под иммунитетом государства от иностранной юрисдикции в общем виде понимается освобождение одного государства от выполнения им «предписаний власти (законодательной, исполнительной, судебной) другого государства» как в районах, находящихся под суверенитетом последнего (т. е. в пределах его государственной территории), так и в районах, находящихся под юрисдикцией этого второго государства (например, в его исключительной экономической зоне или на континентальном шельфе)¹.

Наличие у государства иммунитета соответствует публично-правовому принципу равенства государств, в соответствии с которым ни одно государство не имеет какой-либо юридической власти над другим, поскольку каждое государство является равноправным субъектом международного права (что закреплено в Уставе Организации Объединенных наций). Вместе с тем, наличие иммунитета затрудняет в определённой степени участие государства в частноправовых отношениях². Иммунитет государства приводит к неравенству в правоотношениях между, с одной стороны, государством как субъектом международного частного права, а с другой стороны, – другими участниками частноправовых отношений. Наличие у государства им-

---

¹ Чурилина Н. А. Международный суд ООН о юрисдикционном иммунитете государства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-sud-oon-o-yurisdiktsionnom-immunitete-gosudarstva>

² Олейник Е. П. Олейник С. А. Некоторые аспекты становления и развитие законодательных основ, регулирующих подрядные отношения при реализации государственных контрактов в Росгвардии на этапе её формирования /Тенденции и перспективы развития социотехнической среды. – Материалы III Международной научно-практической конференции. М. НОЧУ ВО «Московский экономический институт». 2017. С. 81.

мунитета приводит к тому, что участники частноправовых отношений, защищая свои права и используя принцип свободы договора, просто отказывались бы от взаимодействия с государством, обладающим абсолютным иммунитетом. Таким образом, в данном случае отчетливо проявляется коллизия между частноправовым и международно-правовым регулированием. Разрешается данная коллизия при помощи доктрины функционального иммунитета и наличия у государства права отказаться от своего иммунитета в частноправовых отношениях.

Следует отметить, что вопрос ответственности государства как субъекта международных частноправовых отношений до сих пор не решён на нормативном уровне. В соответствии со статьей 127 ГК РФ, особенности ответственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств определяются законом об иммунитете государства и его собственности. Вместе с тем, как справедливо отмечает Е. Е. Яценко, несмотря на огромное значение данного нормативно-правового акта, закон об иммунитете государства и его собственности долгое время не принимался¹.

Лишь в 2015 году был принят Федеральный Закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации». Однако данный закон урегулировал вопросы, которые касаются иммунитетов иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации. В то же время вопросы ответственности Российской Федерации остаются неурегулированными должным образом в отечественном законодательстве.

Исходя из вышеизложенного, считаем дискуссионным (и выносим на обсуждение) целесообразность принятия отдельного закона, направленного на урегулирование вопроса об иммунитете Российской Федерации в рамках международных частноправовых отношений. Такое закрепление позволит всем участникам таких отношений глубже понимать свои права и обязанности в отношениях гражданско-правового характера, связанных с Российской Федерацией (в качестве

---

¹ Яценко Е. Е. Некоторые проблемы иммунитета государства как субъекта международного частного права // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/3-19-nekotorye-problemy-immuniteta->

субъекта), а также чётко определять для себя меры ответственности в случае нарушений частноправовых обязательств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олейник Е. П. Историко-правовые основы становления и развития законодательства, регулирующего подрядные отношения при реализации государственных контрактов для нужд войск Отечества // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Тула. 2018. № 2.

2. Соболев И. Д. Основополагающие начала и принципы международного частного права // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2015. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-nachala-i-printsipy>

3. Кузнецов М. Н. Международное частное право: признаки кризиса или признаки роста // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-priznaki>

4. Бит-Шабо И. В., Бит-Шабо В. А. Финансовая политика государства и регионов и ее роль в развитии современного общества / Проблемы развития российской правовой системы. – Материалы XIII Всероссийской науч.-практ. конф. ФГБОУ ГУ «СГУ». 2018.

5. Дябкина Л. П. Государство как субъект публичных и частных правоотношений // ЮП. 2011. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-subekt-publichnyh-i>

6. Чурилина Н. А. Международный суд ООН о юрисдикционном иммунитете государства / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-sud-oon-o-yurisdiktsionnom>

7. Олейник Е. П., Олейник С. А. Некоторые аспекты становления и развитие законодательных основ, регулирующих подрядные отношения при реализации государственных контрактов в Росгвардии на этапе ее формирования./Тенденции и перспективы развития социотехнической среды. – Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. М.: «Московский экономический институт». 2017.

8. Тыртышный А. А. Цифровизация юридической профессии как тренд профессионализации современных юристов. Человеческий капитал в формате цифровой экономики. – Междунар. науч. конф.,

посвящённая 90-летию С. П. Капицы: сборник докладов. М. РосНОУ. 2018.

9. Яценко Е. Е. Некоторые проблемы иммунитета государства как субъекта международного частного права // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/3-19-nekotorye-problemy-immuniteta->.

Ляхов Денис Олегович,

студент

Российского государственного гуманитарного университета

Белова Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского права ИЭУП

Российского государственного гуманитарного университета

Lyahov D.O.

Student Russian State University for the Humanities

Belova T.V.

candidate of law, associate Professor,

associate Professor of the Department of business law

faculty of law of IEUP Russian state University for the Humanities

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ЛИКВИДАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ON THE TIMING OF THE LIQUIDATION OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

Аннотация. Статья посвящена особенностям сроков, применяемых в рамках процедуры ликвидации коммерческих организаций. Рассмотрены проблемы в данной сфере и предложены способы их решения.

Abstract. The article is devoted to the features of the terms used in the framework of the procedures of commercial organizations. The problems in this area are examined and ways to solve them are proposed.

Ключевые слова: порядок ликвидации, нормативно-правовое регулирование, коммерческая организация, сроки ликвидации, ликвидационная комиссия, промежуточный ликвидационный баланс.

Keywords: observation order, legal regulation, commercial organizations, timelines for liquidation, liquidation commission, interim liquidation balance sheet.

Необходимость изучения проблем, затрагивающих ликвидацию юридических лиц, связана, прежде всего, с особой общественной важностью данного правового института. Непосредственно нормативные акты, регулирующие вопрос ликвидации коммерческих организаций, так же, как и деятельность по его применению, требуют регулярного освоения и анализа с целью своевременного обнаружения главных тенденций, выявления проблем, исходящих от складывающихся новых форм общественных отношений, а также нахождения оптимальных способов их решения, что и является главной задачей науки гражданского права¹.

Ликвидация юридического лица подразумевает под собой процесс, по окончании которого организация в правовом поле заканчивает своё существование как субъект правоотношений². Данный факт, безусловно, влияет на устойчивость гражданского оборота, с большой долей вероятности вовлекает значительный круг лиц и наносит им ущерб. На практике этот процесс нередко осуществляется с нарушениями. Недобросовестные лица, принимающие участие в процедуре, не выполняют все предписанные требования законодательства, что, в свою очередь, часто приводит к необходимости обжалования уже произошедшей ликвидации коммерческой организации. Данное обстоятельство также подчеркивает актуальность выбранной темы. Разберёмся подробнее с порядком ликвидации юридического лица.

Ликвидационный процесс начинается с того, что учредители сообщают в письменной форме уполномоченному государственному органу о том, что юридическое лицо находится в стадии ликвидации. После этого участники общества назначают ликвидационную комиссию и устанавливают порядок и сроки ликвидации в соответствии с законом³. Ликвидационная комиссия публикует в средствах массовой информации сообщение о ликвидации коммерческой организации,

---

¹ Габов А. В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М.: Статут. 2015. С. 129.

² Габов А. В. Там же. С. 65

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 2017. № 975.

уведомляет о порядке и сроке заявления требований кредиторов для того, чтобы каждая заинтересованная сторона успела включиться в процедуру. Законодатель определил чёткий срок по этому вопросу, а именно – два месяца с момента выхода публикации.

Почему обнаружение материала носит первостепенный характер? Данный способ является самым быстрым и рациональным для выполнения задачи, стоящей перед ликвидационной комиссией, которая заключается в обнаружении всех кредиторов юридического лица. Отсюда следует, что каждому кредитору в своих интересах необходимо отслеживать публикации для того, чтобы из-за своей неосведомлённости не нести имущественные или другого рода потери.

Существует популярное мнение о том, что объявление можно разместить чуть ли не в любой газете и воля законодателя, отвечающая за правильность последовательности проведения процедуры ликвидации, будет полностью удовлетворена. Но это заблуждение. Согласно Приказу ФНС России от 16.06.2006 № САЭ-3-09/355@, сообщение о начале процесса ликвидации можно разместить только в журнале «Вестник государственной регистрации»¹.

Стоит отметить тот факт, что Гражданский кодекс Российской Федерации строго не регулирует сроки, в течение которых должна произойти публикация сообщения в журнале о начале ликвидации. Этой возможностью пользуются недобросовестные учредители ликвидируемой организации, оттягивая процесс и замедляя возвращение имущества, принадлежащего кредиторам, что, конечно же, ущемляет интересы последних. Видится разумным установить в п.1 ст. 63 ГК срок в течение трех рабочих дней с момента формирования ликвидационной комиссии, что будет аналогично сроку в рамках п. 1 ст. 62 ГК.

По истечении срока предъявления требований кредиторов ликвидационная комиссия начинает формировать промежуточный ликвидационный баланс предприятия, в котором содержится информация об имуществе ликвидируемого, список требований кредиторов. Составление промежуточного баланса необходимо, чтобы увидеть реальную картину: чем владеет коммерческая организация на данный период времени и на что могут рассчитывать кредиторы. До утверждения промежуточного баланса производить любые выплаты креди-

---

¹ Приказ ФНС России от 16.06.2006 N САЭ-3-09/355@ (ред. от 28.08.2013) «Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации».

торам по закону запрещено. Далее, исходя из ст. 64 ГК РФ, требования удовлетворяются в следующем порядке: в первую очередь, гражданам, перед которыми организация несёт ответственность за причинение вреда жизни и здоровью, во вторую очередь – расчёты по выплате выходных пособий и оплате труда, в третью – расчёты по обязательным платежам и, в четвертую очередь – с другими кредиторами¹. Законом предусмотрено, что требования кредиторов выполняются в строгой последовательности и удовлетворение следующей очереди возможно только после полного возмещения предыдущей очереди.

Важно отметить, что при составлении промежуточного ликвидационного баланса Гражданский кодекс РФ, другие нормативно правовые акты не регламентируют точных сроков, что порождает различного рода нарушения, например, затягивание процесса ликвидации организации, вывод активов из организации, чтобы не выплачивать долги кредиторам.

Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным внести изменения в законодательство относительно установления строгих сроков по ряду вопросов, связанных с проведением процедуры ликвидации, что приведёт как к упрощению алгоритма самого процесса, дополнительной защите кредиторов, так и облегчению деятельности судов. Для этого предлагаю внести следующие поправки:

- определить трёхдневный срок (по аналогии с п.1 ст. 62 ГК РФ), в течение которого должно быть опубликовано в средствах массовой информации сообщение о планируемом прекращении деятельности организации и начале процедуры её ликвидации с момента внесения уполномоченным органом (ИФНС по месту регистрации) записи в ЕГРЮЛ о том, что организация находится в процессе ликвидации;

- определить двухмесячный срок (по аналогии с п.1 ст. 63 ГК РФ), в течение которого должен быть составлен промежуточный ликвидационный баланс с момента истечения срока для предъявления требований со стороны кредиторов.

Целью определения данных сроков является исключение возможности затягивания процесса ликвидации организации, а также выявления недобросовестных ликвидаторов, которые временно выводят свои активы из организации, чтобы не выплачивать долги кредиторам.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 2017. № 975.

В случае нарушения сроков необходимо определить меру ответственности ликвидатора организации, а также предусмотреть возможность в отказе ликвидации со стороны уполномоченного органа. Утверждение предлагаемых изменений будет способствовать главной цели процедуры ликвидации коммерческих организаций, а именно – прекращению деятельности юридического лица в качестве субъекта гражданского права с соблюдением всех норм гражданского законодательства в соответствии с установленным порядком, обеспечивая правовую защиту кредиторов и информационную открытость для всех заинтересованных лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 2017. № 975.
2. Приказ ФНС России от 16.06.2006 N САЭ-3-09/355@ (ред. от 28.08.2013) «Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации».
3. Габов А. В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М.: Статут. 2015. 306 с.

Назаренко Сергей Валериевич,
студент магистратуры Международного юридического института
Nazarenko S. V
magistrate student of the International law Institute

О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЁННЫХ ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

PROBLEMS RELATING TO THE QUALIFICATION OF AGGRAVATED KILLINGS

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы квалификации и уголовно-правовая характеристика некоторых квалифицирующих признаков убийств, совершённых при отягчающих обстоятельствах по уголовному законодательству Российской Федерации с учётом законодательного опыта союзного государства – республики Беларусь как преемника советской правовой системы.

Abstract. The article considers problematic issues of qualification and criminal legal characteristics of some qualifying signs of murder committed under aggravated circumstances under the criminal legislation of the Russian Federation, taking into account the legislative experience of the Union State - the Republic of Belarus, as a successor to the Soviet legal system.

Ключевые слова: убийства, отягчающие обстоятельства, проблемы, квалификация, правовая норма.

Keywords: murder, aggravating circumstances, problems, qualification, legal norm.

Правильная квалификация преступлений всех категорий, в том числе особо тяжких, против личности в любом цивилизованном государстве является залогом законности, гуманизма и, самое главное – справедливого наказания. Для российской системы права небезынтересно учитывать теорию и практику квалификации убийств при отягчающих обстоятельствах у государств романо-германской правовой семьи. В этой связи стоит рассмотреть опыт нашего ближайшего соседа, союзного с нами государства – республики Беларусь, которая, как и наша страна, является преемником советской системы права.

Не стоит забывать о том, что после распада СССР наши страны стали формировать своё собственное законодательство, исходя из новых реалий, но во многом основываясь на накопленном опыте законодательной деятельности в сфере противодействия преступности¹. Учитывая, что в триаде социальных ценностей «личность-общество-государство» человек и гражданин, его права и законные интересы во всех странах находятся под приоритетной охраной средствами уголовного закона. Рассмотрим уголовно-правовую характеристику, а также вопросы квалификации наиболее общественно опасных деяний в категории преступлений против личности – убийства, совершённые с отягчающими обстоятельствами, по национальному уголовному закону Российской Федерации и Республики Беларусь.

Стоит отметить, что по законодательству как России, так и Беларуси убийством признаётся умышленное причинение смерти или лишение жизни другого человека. Только в Беларуси законодательно закреплён такой признак, как противоправность, а в российском уго-

---

¹ Чучаев А. И. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины. М. 2017. С. 5.

ловном кодексе его нет, но, как полагают многие учёные, он подразумевается и считается необходимым признаком убийства. Признак противоправности причинения смерти выделяется в специальной литературе, как правило, для отграничения убийства от умышленного причинения смерти при необходимой обороне¹. Представляется, что дополнение диспозиции статьи 105 УК РФ признаком противоправности добавит ясность нашему уголовному закону.

В уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) рассматриваемые преступления закреплены в ч. 2 ст. 105 и отграничены от основного состава убийства, впрочем, как и в уголовном кодексе Республики Беларусь (далее УК РБ) – также в ч. 2 ст. 139. Если внимательно рассмотреть вышеуказанные нормы, то можно убедиться в том, что они схожи, а некоторые совсем идентичны. и это не случайно. В годы существования Советского Союза уголовное законодательство России и Беларуси базировалось на Основах уголовного законодательства, а законодатели в республиках создавали уголовные кодексы, исходя из указанных основ. Сегодня отличия есть, и их наличие говорит о том, что в некоторых случаях можно рассмотреть вопрос о перенятии законодательного опыта.

В отечественном уголовном кодексе в п. «е»¹ ч. 2 ст. 105 УК РФ закреплён такой квалифицирующий признак, относящийся к субъективной стороне, как убийство по мотиву кровной мести², т. е. расплата кровью за кровь – обычай, имеющий социальные, исторические и религиозные корни. Данный пункт включён в УК РФ в 2007 г. не случайно. Наша страна многонациональна и многоконфессиональна. Всем известно, что по различным аспектам сложным регионом нашей страны является Северный Кавказ, на территории которого преимущественно в рамках его народностей распространился этот вид преступления и появление ответственности за убийство по мотиву кровной мести служит средством уголовно-правовой борьбы с сохранением этого архаичного и кровавого обычая.

Подобного пункта в ч. 2 ст. 139 УК РБ нет и тоже не случайно. По результатам переписи населения 2009 г. национальный состав республики выглядит следующим образом: 83,73 % – это белорусы, 8,26

---

¹ Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 21.

² Уголовный кодекс Российской Федерации / СПС Консультант Плюс.

% – русские, а остальные национальности представлены в ничтожном количестве в рамках государства (3% и менее)¹. В соответствии с административно-территориальным делением республики Беларусь, закреплённом в законе от 5 мая 1998 г. № 154-З, она состоит из столицы, т. е. города Минск и шести областей. Следовательно, в Беларуси нет актуальности законодательного закрепления ответственности за кровную месть, её здесь попросту нет.

В п. 11 ч. 2 ст. 139 УК РБ закреплён такой квалифицирующий признак, относящийся к объекту преступления, как убийство лица или его близких за отказ этого лица от участия в совершении преступления². В качестве потерпевших от данного преступления могут выступать лица, к которым было обращено предложение участвовать в совершении преступления, либо их близкие. Субъективная сторона убийства данного вида характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла и обязательным мотивом – местию за отказ лица от участия в совершении преступления³. Субъектом данного преступления может выступать любое лицо, не обязательно то, которое предложило принять участие в совершении того или иного преступления.

Ответственность за преступления такого рода по уголовному кодексу Российской Федерации наступает в соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. в ч. 2 такой квалифицирующий признак отсутствует. По моему мнению, это есть пробел в отечественном уголовном законодательстве, поскольку подобные преступления в нашей стране имеют место быть, а ответственность за них наступает как за «простое» убийство, т. е. санкция ниже, чем за квалифицированные убийства. В этом контексте стоит рассмотреть и изучить криминологические основы данного квалифицирующего признака применительно к нашей стране.

Федеральный закон Российской Федерации от 8.12.2003 г. № 162-ФЗ исключил юридически значимый и важный, на мой взгляд, для достижения целей наказания пункт «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство, совершённое неоднократно, которое означает противоправное лишение жизни человека виновным не в первый раз. Неоднократность здесь понимается как совершение убийства во второй раз и более при

---

¹ Население Белоруссии / Википедия [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Белоруссии

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.

³ Чучаев А. И. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины. М. 2017. С. 47.

отсутствии единого умысла на совершение данных преступлений и осуществлённых, как правило, в разное время (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.)¹. На данный момент этот пункт исключён и назначение наказания за повторное убийство осуществляется в соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ с учётом норм и положений ст. 17 и п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ.

Белорусские же коллеги квалифицируют повторное убийство не иначе как по п. 16. ч. 2 ст. 139 УК РБ – убийство, совершённое лицом, ранее совершившим убийство, за исключением убийства, предусмотренного статьями 140-143. Исключение из убийств, совершение которых включается в повторность, сделано только для убийств с привилегированными составами. Для ответственности по п. 16. ч. 2 ст. 139 УК РБ не имеет значения, было ли лицо осуждено за ранее совершенное убийство (повторность, не сопряжённая с судимостью)². Однако необходимым условием является то обстоятельство, что преступления, которые образуют повторность, должны сохранять своё правовое значение, т. е. не должны истечь сроки давности привлечения к ответственности по совершённому преступлению, а в случае осуждения лица судимость не должна быть погашена или снята.

Стоит отметить, что наличие повторности убийства в основной части уголовного закона предполагает более строгое наказание за его совершение и, как следствие, достижение целей и задач уголовного правосудия, что заслуживает внимания российского законодателя. Одновременно с этим нельзя не учитывать то обстоятельство, при котором в условиях возвращения неоднократности в виде специального рецидива может нарушиться системность уголовного законодательства. В то же время в отечественном уголовном законе такие прецеденты уже имеются (статьи 131, 132, 134 и 135 УК РФ). Исходя из этого, вопрос целесообразности возврата данной нормы можно считать дискуссионным.

Также в уголовном законе братских республик санкции за совершение квалифицированного убийства не идентичны. Так, нижний порог срока лишения свободы аналогичен – 8 лет. А вот верхний в УК РФ – 20 лет с ограничением свободы от одного до двух лет, а в УК РБ

---

¹ Скуратов Ю. И., Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. 2001. С. 233.

² Чучаев А. И. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины. М. 2017. С. 54.

– 25 лет без такового. Пожизненное лишение свободы и смертная казнь предусмотрены у двух государств, но, как известно, в Российской Федерации смертная казнь как вид наказания не применяется с 16 апреля 1997 г. в соответствии с Протоколом № 6 к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (в мирное время)», а в республике Беларусь, напротив, применяется по сей день, несмотря на отрицательные реакции мирового сообщества, но это политический вопрос. Стоит отметить, что любопытным видом дополнительного наказания по ч. 2. ст. 139 УК РБ является то, что при наличии обстоятельств, предусмотренных п. 12 ч. 2 ст. 139 (из корыстных побуждений, либо по найму, либо сопряжённое с разбоем, вымогательством или бандитизмом), – с конфискацией имущества или без конфискации.

Таким образом, можно заключить, что законодатели обеих стран независимо друг от друга ведут определённую работу по минимизации проблем квалификации убийств при отягчающих обстоятельствах. У кого получается лучше – вопрос дискуссионный. Но несомненным фактом является необходимость обмена опытом между бывшими союзными республиками, у которых много общего, в том числе, в правовом поле. Как мы смогли убедиться, это общее значительно прослеживается в квалификации убийств, совершённых при отягчающих обстоятельствах. Благодаря совместным, выверенным и наступательным действиям в области правотворчества и правоприменения наши государства способны достигнуть ощутимых успехов в борьбе с преступностью и, в частности, с наиболее общественно опасными деяниями против личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 4.11.2019) / СПС Консультант Плюс.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-З (ред. от 8.07.2019) / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.
3. Чучаев А. И. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины. М.: Проспект. 2017.
4. Скуратов Ю. И., Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ИНФРА-М-НОРМА. 2001.

5. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Монография. 2000.

6. Население Белоруссии / Википедия [Электронный ресурс]
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Белоруссии

Пеньевской Борис Валентинович,
студент магистратуры
Международного юридического института
Penyevskoy B.V.
master's student International law Institute.

**ПОЛНОМОЧИЯ СЧЁТНОЙ ПАЛАТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ИХ СООТВЕТСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ НОРМАМ**

**SERVICE OF THE ACCOUNTS CHAMBER OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THEIR COMPLIANCE WITH
CONSTITUTIONAL NORMS**

Аннотация. В статье рассмотрены полномочия Счётной палаты Российской Федерации. В статье обращается внимание на положения Конституции РФ и особый статус Счётной палаты, затрагиваются проблемы финансового контроля и деятельности Счётной палаты.

Abstract. The article considers the service of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Attention is also drawn to the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the special status of the Accounts Chamber. The article deals with the problems of financial control and the activities of the Accounts Chamber.

Ключевые слова: Счётная палата, финансовый контроль, федеральный бюджет, Конституция Российской Федерации, аудит эффективности.

Keywords: Accounts Chamber, financial control, federal budget, the Constitution of the Russian Federation, performance audit.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации (БК РФ)¹ государственным финансовым контролем принято назвать контроль в бюджетной сфере. Основную функцию бюджетного контроля выполняют Счётная палата Российской Федерации (СП РФ) и Федеральное казначейство. Соблюдение бюджетно-финансового законодательства распорядителями и адресатами бюджетных средств обеспечивает эффективное исполнение федерального бюджета. В рамках финансового контроля подлежит проверке не только правильность распределения бюджетных средств, но и правомерность, эффективность использования получателями ресурсов в соответствии с целями их получения. Именно БК РФ подробно описывает контрольную деятельность СП РФ и определяет соответствие её полномочий конституционным нормам.

Согласно своим функциям СП РФ выступает в качестве инструмента общественного контроля над расходованием федерального бюджета. В основу деятельности данного государственного органа легли конституционные нормы правового социального федеративного государства. От того, насколько точно выполняются поставленные перед Счётной палатой задачи, зависит качество жизни каждого гражданина страны. В соответствии ст. 4 ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации»² определяются основополагающие принципы законности, эффективности, объективности, независимости, открытости и гласности. Аналогичные принципы закреплены в Конституции Российской Федерации³.

Необходимо отметить принцип разделения органов государственной власти на отдельные ветви. В этой связи дискуссионным вопросом является статус СП РФ. Одни учёные относят данный государственный орган к законодательной ветви власти, другие считают, что это независимый самостоятельный орган внешнего государственного аудита, для третьих Счётная палата – это самостоятельная контрольная ветвь власти⁴. Положения ФЗ «О парламентском контроле»¹

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ / СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О счётной палате Российской Федерации» / СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

³ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. / СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Овсянников П. Ю., Радкевич В. В. Досрочное освобождение от должности председателя, заместителя председателя и аудиторов Счётной

свидетельствуют о том, что Счётная палата – это постоянно действующий независимый высший орган внешнего государственного аудита. Так, Конституционный Суд постановил, что вытекающие из ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год» полномочия СП РФ не соответствуют нормам Конституции Российской Федерации, тем самым, подтвердив невозможность изменения полномочий и порядка деятельности СП РФ установленными другими федеральными законами².

По мнению Т. А. Цапиной, немаловажную роль играет конституционное целеполагание в деятельности Счётной палаты. Автор актуализирует конституционно-правовые основы института парламентского контроля с целью обеспечения результативного, рационального, бережливого использования материальных и финансовых ресурсов, направляемых на развитие, конституционное строение³. СП РФ, согласно п. 5 ст. 101 Конституции Российской Федерации, осуществляет контроль за исполнением федерального бюджета. Более подробно функции раскрываются в гл. 3 ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации». Среди них выделяются контрольно-финансовая, аналитическая, консультационно-информационная и юрисдикционная функции. Здесь же из ст. 2 следует, что Счётная палата является постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), обладает организационной, функциональной, финансовой независимостью и осуществляет свою деятельность независимо.

В ходе осуществления государственного и муниципального финансового контроля СП РФ использует следующие методы: ревизия, проверка, обследование, мониторинг и анализ (Ст. 268.1. БК РФ). Среди типов государственного контроля можно выделить финансовый

палаты Российской Федерации как мера конституционно-правовой ответственности // Научный компонент. 2019. № 4 (4). С. 86.

¹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» / СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2304.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов “О федеральном бюджете на 2002 год”, “О федеральном бюджете на 2003 год”, “О федеральном бюджете на 2004 год” и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 4. 2004.

³ Цапина Т. А. Реализация конституционных целей в деятельности Счетной палаты Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 6. С. 124.

аудит, аудит эффективности, стратегический аудит и иные виды. Финансовый аудит включает документальные проверки бухгалтерского учета, финансовой отчетности и т.д. Образование аудита на федеральном уровне характеризуется потребностью регулярно производить контроль не только по распределению средств, но и осуществлению оценки результатов использования предоставленных ресурсов. Аудит эффективности относится к сложным инструментам государственного финансового контроля, которые включают основные функции, направленные на увеличение соответствия затраченных средств поставленным целям и задачам. К таким функциям можно отнести: экономическую целесообразность расходования средств, аналитику полученных результатов и проверку компетенции государственных институтов при осуществлении финансовых программ¹. БК РФ, также регулирующий деятельность СП РФ, предусматривает ответственность за нарушение бюджетного законодательства. Применение мер принуждения в бюджетном праве оспаривалось в Конституционном Суде Российской Федерации. Так, было установлено, что нормативное регулирование применяемых к нарушителям бюджетного законодательства мер принуждения не отличается необходимой конкретностью и непротиворечивостью².

Останавливаясь на проблемах законодательного регулирования деятельности Счётной палаты необходимо отметить проблему дублирования контрольных полномочий данного органа другими государственными органами³ (как следствие – нерациональная трата ресурсов

---

¹ Дерягина Ю. И., Фигура В. С. Аудит эффективности использования государственных средств как метод государственного финансового контроля / Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития. – Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна. 2019. С. 58-59.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» / СЗ РФ. 2004. № 27, Ст. 2803.

³ Золотарёва А.Б. К вопросу об эффективности государственного контроля в бюджетной сфере // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 357.

на контрольные функции), разграничения функций внешнего и внутреннего финансового контроля, оценки эффективности финансового контроля и т.д. В связи с этим необходимой мерой, в первую очередь, видится полная передача функций государственного финансового контроля СП РФ, разработка стандартов, правил и методик осуществления контроля в целях повышения его эффективности.

Таким образом, с учётом самостоятельности Счётной палаты как государственного органа и значимой контрольной функции направлениями совершенствования государственного контроля в бюджетной сфере должны быть: снижение издержек государства при осуществлении контроля и повышение эффективности деятельности СП РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок на 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) / СЗ РФ. 2014. № 31, Ст. 4398.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. от 06 июня 2019 г. № 133-ФЗ) / СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

3. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) «О Счетной палате Российской Федерации» / СЗ РФ. 2013. № 14, Ст. 1649.

4. Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 77-ФЗ (ред. от 03 августа 2018 г.) «О парламентском контроле» // СЗ РФ. 2013. № 19, Ст. 2304.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов “О федеральном бюджете на 2002 год”, “О федеральном бюджете на 2003 год”, “О федеральном бюджете на 2004 год” и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 4. 2004.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» / СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.

7. Дерягина Ю. И., Фигура В. С. Аудит эффективности использования государственных средств как метод государственного финансового контроля / Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития. – Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна 2019.

8. Золотарёва А. Б. К вопросу об эффективности государственного контроля в бюджетной сфере // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22).

9. Овсянников П. Ю., Радкевич В. В. Досрочное освобождение от должности председателя, заместителя председателя и аудиторов Счётной палаты Российской Федерации как мера конституционно-правовой ответственности // Научный компонент. 2019. № 4 (4).

10. Цапина Т. А. Реализация конституционных целей в деятельности Счётной палаты Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6.

Поляков Денис Владимирович,
студент магистратуры Международного юридического института
Polyakov D.V.
master's student International law Institute

О ГАРМОНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗ

ON HARMONIZATION OF CUSTOMS AND FORENSIC EXAMINATION

Аннотация. Актуальность инновационного развития правового института таможенной экспертизы вносит значительные различия в порядок оформления и назначения таможенных и судебных экспертиз. В статье указаны различные подходы к оформлению заключений таможенного и судебного эксперта, проанализирована необходимость гармонизации таможенной и судебной экспертиз и сделан вывод о независимом развитии правового института таможенной экспертизы.

Abstract. The relevance of the innovation development of the legal institution of customs expertise makes significant differences in the procedure for processing and appointing customs and forensic examinations. The article shows various approaches to the design of the conclusions of the customs and forensic experts, analyzes the need for harmonization of cus-

toms and forensic examinations and concludes that the legal institution of customs expertise is developed independently.

Ключевые слова: таможенная экспертиза, судебная экспертиза, заключение таможенного эксперта, письменный документ, электронный документ, гармонизация, развитие таможенной экспертизы.

Keywords: customs examination, forensic examination, conclusion of a customs expert, a written document, an electronic document, harmonization, development of customs examination.

Вступление в действие с 1 января 2018 года нового Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) от 11 апреля 2017 г., а также с 4 сентября 2018 года Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон 289-ФЗ) дало новый импульс развитию института таможенной экспертизы.

Заложенная в Таможенный кодекс ЕАЭС юридическая основа для оцифровки системы регулирования внешнеэкономической деятельности Союза¹, разделение таможен на электронные таможни и таможни фактического контроля, развитие электронных сервисов Федеральной таможенной службой Российской Федерации для участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) в значительной степени изменили порядок назначения и проведения экспертиз при таможенном контроле, который теперь должен регулировать взаимодействие таможенных органов и участников ВЭД с применением современных цифровых технологий.

Основным элементом применения цифровых технологий в таможенном деле, безусловно, является электронный документ. Возможность формирования заключения таможенного эксперта в виде электронного документа законодательно урегулирована частью 14 статьи 335 Федерального закона 289-ФЗ, в соответствии с которой форма заключения таможенного эксперта (эксперта), формат и структура заключения таможенного эксперта в виде электронного документа, порядок заполнения заключения таможенного эксперта (эксперта) определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в области таможенно-

---

¹ Золотарёва А. Б. К вопросу об эффективности государственного контроля в бюджетной сфере // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 357.

го дела¹. Формирование таких подходов к правовому регулированию оформления заключения таможенного эксперта вносят дополнительные значительные формальные различия между таможенной и судебной экспертизами.

Федеральным законом, определяющим правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, является Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о государственной судебно-экспертной деятельности). В соответствии со статьей 9 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности заключение эксперта – письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом. Статьей 25 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности установлено, что на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его². При этом подписи эксперта или комиссии экспертов должны быть удостоверены печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

В соответствии с указанной нормой заключение таможенного эксперта, оформленное в виде электронного документа, не соответствует установленным требованиям к оформлению заключения эксперта при проведении судебной экспертизы. Действующий в настоящее время Закон о государственной судебно-экспертной деятельности не отвечает требованию формирования благоприятного правового режима для развития экспертного обеспечения правоохранительной деятельности с использованием современных технологий³. Но так ли важно гармонизировать таможенную и судебную экспертизы?

---

¹ Федеральный закон от 03.08.2018 N 289-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / СЗ РФ. 06.08.2018, № 32 (часть I), ст. 5082.

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / СЗ РФ. 4.06.2001. № 23 ст. 2291.

³ Поляков Д. В., Валевская И. С. О некоторых вопросах оформления заключения эксперта в электронном виде // Поиск. 2018. № 26. С. 72.

Еще в 2010 году Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина, проведя анализ норм, регламентирующих судебно-экспертную деятельность в таможенных сферах, сделали вывод о том, что экспертиза, упоминаемая в Таможенном кодексе Российской Федерации, безусловно, является судебной экспертизой¹. Несмотря на то, что Таможенный кодекс Российской Федерации утратил силу в части анализируемых статей 29 декабря 2010 года, некоторые авторы продолжают ссылаться на данную позицию, обосновывая тем, что таможенная экспертиза является одним из видов судебных экспертиз, назначаемых в соответствии с требованиями таможенного законодательства².

Нам же ближе позиция А. В. Нестерова, который считает, что эти предложения не выдерживают критики, так как применение судебной экспертизы регламентируется другими законами, а ТК ЕАЭС (Таможенный кодекс ЕАЭС – примечание автора) регламентирует правоотношения, деятельность и/или продукты этой деятельности в таможенном деле³. Это непосредственно относится к таможенной экспертизе, назначение и проведение которой регулируется главой 53 Таможенного кодекса ЕАЭС. А. В. Нестеров обоснованно подчеркивает, что таможенная экспертиза относится к ведомственным экспертизам, но не является судебной, как ошибочно считают некоторые авторы⁴.

А. В. Нестеров считает, что при таможенном администрировании в соответствии с ФЗ-311 (Федеральный закон от 27.11.2010 N 311-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» – примечание автора)) в рамках таможенного контроля можно назначить таможенную экспертизу, по результатам которой возбудить административное или уголовное дело и при этом не назначать ещё раз экспертизу по этим же объектам таможенной экспертизы, а использовать заключение таможенного эксперта как заключение судебного эксперта⁵. В обосновании указанной позиции он указывает

---

¹ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект. 2011. С. 43.

² Туленев А. И. О возможности признания таможенных экспертиз судебными // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. N 1. С. 186.

³ Нестеров А. В. Обсуждаем институт таможенной экспертизы в ТК ЕАЭС // Таможенное дело. 2017. № 2. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

статью 171 Федерального закона от 27.11.2010 N 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», в настоящее время утратившую силу. Однако указанная позиция заслуживает обсуждения в связи с тем, что статья 171 Федерального закона от 27.11.2010 N 311-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» полностью транспонировалась в статью 223 Федерального закона 289-ФЗ с разъяснением, что к результатам таможенного контроля, в том числе, относятся результаты таможенной экспертизы.

По смыслу указанной статьи заключение таможенного эксперта не может быть использовано как заключение судебного эксперта, а может быть использовано в качестве доказательства по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях и подлежит обязательной оценке судом, арбитражным судом или уполномоченным должностным лицом при рассмотрении указанных дел, жалоб на решение, действия (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц либо дел по экономическим спорам, разрешаемым арбитражным судом наряду с другими доказательствами.

Данная позиция подтверждается решениями судов. Так, например, в решении Судьи Химкинского городского суда Московской области Поляковой В. В. № 12-494/2017 от 20 сентября 2017 г. по делу № 12-494/2017 указано, что замена экспертизы (судебной – примечание автора) иными доказательствами не предусмотрена. Должностным лицом таможенного органа при рассмотрении данного дела не было проверено, могли ли быть положены в основу обвинения только имеющиеся в материалах дела экспертизы (заключение таможенного эксперта – примечание автора), докладная записка и протокол опроса свидетеля¹. Таким образом, суд справедливо указал на невозможность использования заключения таможенного эксперта как заключения судебного эксперта и обязательность оценки заключения таможенного эксперта как доказательства по делу должностным лицом при рассмотрении административного дела.

Следует сделать вывод о том, что в том случае, когда законодательством прямо установлена необходимость назначения судебной экспертизы, в качестве неё не может быть использовано заключение

---

¹ Судебные и нормативные акты РФ / Решение № 12-494/2017 от 20 сентября 2017 г. по делу № 12-494/2017 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru>

таможенного эксперта, однако результаты таможенной экспертизы могут быть использованы в качестве доказательства по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях, при этом они подлежат обязательной оценке.

В соответствии с вышеизложенным считаем, что необходимость в гармонизации таможенной и судебной экспертиз в части порядков оформления заключений, получения и оформления объектов исследования, назначения и проведения экспертиз отсутствует. При этом методология проведения самих исследований и требования к ним, безусловно, должны быть одинаковыми. Это позволяет развивать институт таможенной экспертизы без использования устаревшей доктрины судебной экспертизы в Российской Федерации.

Вместе с тем усиливающаяся в кризисный период международная конкуренция, сопровождаемая формированием широких зон преференциального торгово-экономического сотрудничества и расширением спектра протекционистских мер, введение зарубежными государствами санкций в отношении ключевых отраслей российской экономики порождают жизненно важную необходимость в организации эффективного таможенного контроля, в том числе, с применением таможенной экспертизы как меры минимизации рисков нарушения таможенного законодательства и актуализируют необходимость формирования правового регулирования назначения и проведения экспертизы в рамках таможенного контроля, в должной мере обеспечивающего интересы государства. В данных условиях тенденции развития таможенной экспертизы могут стать локомотивом развития судебной экспертизы в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. Договор ратифицирован Федеральным законом от 14.11.2017 № 317-ФЗ) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / СЗ РФ. 06.08.2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.

3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / СЗ РФ. 4.06.2001. № 23. Ст. 2291.

4. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 N 23-ФЗ) «О таможенном регулировании в Российской Федерации / СЗ РФ. 29.11.2010. № 48. Ст. 6252.

5. Евразийская экономическая комиссия / Таможенный кодекс ЕАЭС ратифицирован всеми странами Союза [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/structure.aspx>

6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект. 2011. 464 с.

7. Туленев А. И. О возможности признания таможенных экспертиз судебными // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1.

8. Нестеров А. В. Обсуждаем институт таможенной экспертизы в ТК ЕАЭС // Таможенное дело. 2017. № 2.

9. Поляков Д. В., Валевская И. С. О некоторых вопросах оформления заключения эксперта в электронном виде // Поиск. 2018. № 26.

10. Судебные и нормативные акты РФ / Решение № 12-494/2017 от 20 сентября 2017 г. по делу № 12-494/2017[Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru>

Самошина Юлия Вадимовна,
студентка магистратуры

Российского государственного гуманитарного университета
Samoshina Y.V.

master's student Russian state University for the Humanities

**УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД:
НАЧАЛЬНАЯ (МАКСИМАЛЬНАЯ) ЦЕНА КОНТРАКТА
КАК СУЩЕСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ**

**CONDITIONS FOR CONCLUDING A CONTRACT FOR STATE
NEEDS: THE INITIAL (MAXIMUM) CONTRACT PRICE
AS AN ESSENTIAL CONDITION**

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты условий заключения контракта для государственных нужд, раскрываются значение и формирование начальной (максимальной) цены контракта

как существенного условия для его заключения, раскрываются методы её определения, а также отражаются условия, которые не являются существенными. Задачей, поставленной в данной статье, является изучение вышеперечисленных условий и их значимости, определение пробелов в законодательном регулировании и возможные пути решения.

Annotation. The article analyzes the problematic aspects of the conditions for concluding a contract for public needs, reveals the value and formation of the initial (maximum) contract price as an essential condition for its conclusion, reveals the method for determining it, and also reflects the conditions that are not essential. The purpose of this article is to study the above conditions and their significance, identify gaps in legislative regulation and possible solutions.

Ключевые слова: государственные закупки, государственный контракт, существенные условия заключения государственного контракта, начальная (максимальная) цена контракта.

Keywords: public procurement; state contract; essential conditions for concluding a state contract; initial (maximum) contract price.

Большую роль в системе государственных закупок занимает государственный контракт. Он нужен для удовлетворения потребностей государства, обеспечения его жизнедеятельности и выполнения им своих функций. Посредством государственного контракта совершаются экономические сделки от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципальных образований, а также любого получателя бюджетных средств, правовое регулирование которых закрепляется Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ)¹.

Многолетнее исследование и постоянное обновление законодательной базы позволили в большей степени обозначить и урегулировать систему государственных закупок, в частности, государственного контракта. Однако в силу того, что законодательство в данной сфере относительно новое, в нём существуют определённые пробелы и коллизии, требующие устранения. Для того, чтобы заключённый контракт был признан действительным, в нём необходимо прописывать

---

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / СЗ РФ. 2013. №14. Ст.1652.

определённые положения, регулируемые Законом № 44-ФЗ, в частности, существенные условия, которые являются обязательными для утверждения проекта контракта для государственных нужд.

В соответствии со ст. 34 данного Закона одним из существенных условий является порядок определения количества поставляемого товара, объёма выполняемой работы, оказываемой услуги на основании заявок заказчика при закупке с неопределённым количеством или объёмом. В этом случае заказчику необходимо указать цену за единицу товара, работы или услуги, при этом обосновывая целесообразность применения именно этой цены. В контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом¹. Данное условие, по моему мнению, является одним из ключевых, так как оно в какой-то мере позволяет обезопасить будущий контракт от недобросовестных лиц путём выплаты неустоек (штрафов, пеней) как заказчиком, так и поставщиком. Если контракт заключается на срок более чем три года и цена контракта составляет более чем сто миллионов рублей, контракт должен включать в себя график исполнения контракта².

В число обязательных условий включены также порядок и сроки оплаты товара, работы, услуги, порядок и сроки приёмки заказчиком товаров, работ, услуг и порядок и сроки оформления результатов такой приёмки. В случае, если контракт заключают с участником закупки, к которому применены антидемпинговые меры, аванс не выплачивается. Указан также установленный срок оплаты – он не должен превышать 30 дней с даты подписания заказчиком документа о приёмке.

Хотелось бы отметить, что с 01.01.2020 произошёл ряд благоприятных изменений, в частности, порядок подписания документов о приёмке товаров, работ или услуг теперь может происходить в электронной форме. Документы о получении товаров, которые подписаны электронной подписью, равнозначны документам на бумажном носителе с собственноручной подписью. Такое условие, как обеспечение гарантийных обязательств — это деньги или банковская гарантия, предоставляемые заказчику на период обслуживания. Способы обес-

---

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / СЗ РФ. 2013. №14. Ст.1652.

² Там же.

печения обязательств призваны минимизировать риски неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта, а также негативных последствий этих действий. Прежде всего, это условие является механизмом повышения эффективности расходования бюджетных средств, к чему и стремятся в системе закупок.

В контексте данного условия следует сказать и о предоставлении нового обеспечения исполнения контракта в течение 1 месяца, если у банка, который предоставил банковскую гарантию в качестве обеспечения исполнения контракта, отозвали лицензию на проведение банковских операций. Порядок и срок предоставления поставщиком обеспечения гарантийных обязательств заказчик устанавливает при необходимости. Также в контракте необходимо прописывать уменьшение суммы, которая подлежит уплате, на размер обязательных платежей (включая налоги, сборы), связанных с оплатой контракта, если их в бюджеты бюджетной системы уплачивает заказчик.

Начальная (максимальная) цена контракта (далее – НМЦК)¹ является одним из самых главных условий для заключения контракта и представляет собой величину, которая отражает государственные потребности в денежном виде. Актуальной проблемой является именно само определение цены контракта и значимость точности результата для планирования закупки. Завышение или занижение величины влияет на эффективность расходования бюджетных средств. В случае завышения НМЦК возможен риск потери государственного бюджета, а также риск коррупционной направленности. Во втором случае занижение величины может привести к тому, что закупка вовсе не состоится либо заказчик получит товары ненадлежащего качества. В законе указаны конкретные методы определения НМЦК: метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка), нормативный метод, тарифный метод, проектно-сметный метод, затратный метод². Метод анализа рынка является по законодательству приоритетным методом для заказчика, то есть в случае иного выбора необходимо обоснование такого решения. Данный метод заключается в расчёте цены путём запроса

---

¹ Распоряжение Правительства Москвы от 16 мая 2014 г. № 242-РП «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), для обеспечения нужд города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2014. №29 (Т.2).

² Там же.

информации в открытом доступе, например, коммерческих предложений, а также путём выявления цен из аналогичных закупок, указанных в реестре контрактов. Товары при данном расчёте должны быть однородными, то есть иметь идентичные характеристики. На практике заказчик, опираясь на цены из запроса у поставщиков, может злоупотреблять этим, а любой поставщик может намеренно завысить цену. На данный момент законодательством это действие не урегулировано на этапе планирования, что, на мой взгляд, является пробелом. Возможным решением может стать тарификация основных и ходовых товаров, работ или услуг. При нормативном методе заказчику необходимо рассчитывать цены с помощью информации о предельных значениях цен или предельных ценовых показателях. НМЦК, рассчитанная тарифным методом, – это цена, которая определена по формуле. В качестве примеров тарифов: тарифы на коммунальные услуги, тарифы на электроснабжение. Проектно-сметный метод применим при закупках по техническому обслуживанию объектов, текущему или капитальному ремонту, или по закупкам, в которых возможно применение сметных ценовых нормативов. Затратный метод при расчёте НМЦК имеет место быть при невозможности использования иных методов. В частности, он состоит из совокупности прямых и косвенных затрат. Чаще всего данный метод используется для закупок каких-либо услуг.

Государственный заказчик несёт ответственность за выбор метода определения НМЦК, в частности, административную. Следует отметить, что выбор иных методов возможен, однако в этом случае на заказчика возлагается ответственность за правильность выбора и обязательная обоснованность невозможности применения законодательно закреплённых методов расчёта НМЦК.

Законодательного определения понятия «несущественные условия» не представлено. Исходя из положений Гражданского кодекса Российской Федерации¹, можно сформулировать, что это условия, которые не являются существенными и которые могут быть изменены без обязательного одобрения сторон. По моему мнению, в такие условия могут входить платёжные реквизиты сторон, контактные данные и возможные орфографические ошибки или опечатки. Существенные условия контракта являются важной частью этапа планирования государственного контракта. Их изменение возможно только в определённом

---

¹ ГК РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СЗ РФ. 1994. №32. Ст.3301.

ных законодательством случаях. Такое условие, как определение начальной (максимальной) цены, также требует правовых доработок, так как представляет собой первоочередный механизм для эффективного расходования бюджетных средств.

Таким образом, можно сделать вывод, что систему государственного контракта, в частности, на этапе его планирования необходимо дальше совершенствовать и развивать. Возможно включение новых законодательных норм или запретов, а также корректировка текущих пробелов для улучшения всего института государственных закупок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / СЗ РФ. 2013. №14. Ст.1652.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СЗ РФ. 1994. №32. Ст.3301.

3. Распоряжение Правительства Москвы от 16 мая 2014 г. № 242-РП «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), для обеспечения нужд города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2014. №29 (Т.2).

4. Яковенко В. В., Придачук М. П., Табаков А. Н. Начальная максимальная цена контракта: проблемы определения и перспективы развития // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-2.

Сумцова Екатерина Игоревна,

студентка магистратуры Международного юридического института

Sumtsova E.I.

second year master's student International Law Institute

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОФШОРНЫХ КОМПАНИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**LEGAL ASPECTS OF THE UTILIZATION OF DISORDERS AND
COMPANIES IN ENTERPRISE ACTIVITIES**

Аннотация. В статье исследованы правовые особенности использования зарубежных и офшорных компаний в предпринимательской деятельности, рассмотрены соответствующие правовые акты, регулирующие деятельность офшоров, обозначены нововведения, принятые на законодательном уровне.

Abstract. The article examines the features of using legal aspects of using foreign and off-shore companies in business activities. The relevant legal acts regulating the activities of off-shore companies are considered, and innovations adopted at the legislative level are identified.

Ключевые слова: офшор, регулирование деятельности офшоров.

Keywords: off-shore, regulation of off-shore activities.

В современной научной литературе термином «офшор» обозначают одну из разновидностей экономических зон, специфическую форму организации коммерческой деятельности. В основу офшора заложены особенности налогового законодательства стран, позволяющие полностью или частично освободить от налогов компании, принадлежащих иностранным лицам¹. Термин «офшорная зона» или «off-shore» дословно переводится «вне берега». Иначе говоря, под офшором понимается территория государства или её часть, в пределах которой для компаний-нерезидентов действует особый льготный режим регистрации, лицензирования и налогообложения².

Классификация офшорных зон происходит по группам, из которых выделяют три основные:

- классические офшоры – к данной группе относятся небольшие островные государства, предоставляющие право зарегистрировать на своей территории компанию или открыть счёт физическому лицу, позволяя проводить операции в режиме практически полной секретности и при нулевых или близких к 0% ставках;

- зоны с низким уровнем налогообложения – территория, где налог на прибыль выплачивается, но в меньшем размере, чем в соседних государствах;

- зоны приоритетного экономического развития – к данной группе относятся территории, имеющие особый юридический статус

---

¹ Обухова Е., Огородников Е. Пора возвращаться с островов // Эксперт. 28.01.2015. № 4. С. 7.

² Офшорная зона / Википедия [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

по отношению к остальной территории страны и льготные экономические условия для предпринимателей. Такие территории используются мощнейшими корпорациями, в число которых входят Apple, Google, Starbucks, Amazon, Fiat. Использование зон приоритетного экономического развития позволяет этим корпорациям в соответствии с международным законодательством практически не платить налоги ни в одной стране мира.

До середины XX века деятельность офшоров регулировалась национальным законодательством стран, но со второй половины XX века функционирование компаний, зарегистрированных в офшорных зонах, стало регулироваться на международном уровне. основополагающими правовыми актами, направленными на регулирование деятельности офшорных зон на международном уровне, являются Женевская конвенция ООН «Об условиях регистрации судов», 1986 года¹, Венская конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», 1988 года², Конвенция Совета Европы №141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 1990 года³, Палермская конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, 2000 года⁴, Резолюции Совета Безопасности ООН: 1373 (2001) «О борьбе с международным терроризмом», 1368 (2001) «В связи с террористическими актами в США»⁵.

---

¹ Конвенция ООН об условиях регистрации судов 1986 г., заключённая в Женеве // [Электронный ресурс] URL: СПС «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

² Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», заключённая в Вене 20 декабря 1988 года / Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М. 1994. С. 13157.

³ Конвенция Совета Европы №141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», заключённая в Страсбурге 08 ноября 1990 года / СЗ Р Ф. 20 января 2003 года №3. Ст. 203.

⁴ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Подписана в 2000 году. Палермо, Италия // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

⁵ Резолюции Совета Безопасности ООН: 1373 (2001) «О борьбе с международным терроризмом», 1368 (2001) «В связи с террористическими актами в США» [Электронный ресурс] URL: СПС «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

Кроме указанных выше актов, по решению стран Большой семёрки создана группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, которая именуется ФАТФ¹ (Financial Action Task Force on Money Laundering). ФАТФ занимается разработкой и внедрением международных стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Инструментами ФАТФ являются 40 рекомендаций и 9 специальных рекомендаций в сфере противодействия финансированию терроризма, разработанные после 11 сентября 2001 года.

В Российской Федерации существуют свои внутренние нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность на офшорных территориях, к таковым относятся: Конституция Российской Федерации – статья 8² провозглашает свободу экономической деятельности; Гражданский кодекс Российской Федерации – статья 1202³ декларирует личный закон юридического лица, а именно, личным законом юридического лица является право страны, где учреждено юридическое лицо; Налоговый кодекс Российской Федерации⁴ – статьями 7 и 232 установлены приоритеты международных договоров перед национальными нормами и устранение двойного налогообложения.

С появлением во второй половине 2014 года российского закона «О контролируемых иностранных компаниях», вступившего в силу с 01 января 2015 года, российские резиденты, являющиеся владельцами зарубежных компаний или принимающие в них долевое участие, обязаны сообщать об этом в Федеральную налоговую службу Российской Федерации. В конце 2017 года Налоговый кодекс Российской Федерации был расширен главой 20, которая урегулировала порядок автома-

---

¹ Перевод названия организации и аббревиатура на русском языке ратифицированы Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» от 29.10.1998 г. № 164 / СЗ. 2003. № 50. Ст. 4859.

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. / Собрание законодательства РФ. 04 августа 2014 года. № 31. Ст. 4398.

³ Гражданский кодекс российской Федерации, от 26 ноября 2001 №1464-ФЗ, раздел VI, международное частное право // Российская газета. № 233 от 28 ноября 2001.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ, в редакции от 30 июля 2019 года, опубликован 02 августа 2019 года / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>.

тического обмена финансовой информацией с иностранными государствами. В 2018 году Россия заявила о присоединении к международному налоговому обмену путём подписания Многостороннего соглашения об автоматическом обмене финансовой информацией между компетентными органами (CRS MCAA).

Согласно вышеуказанному соглашению, участники CRS MCAA должны получать от своих финансовых институтов информацию о счетах нерезидентов и автоматически на ежегодной основе сообщать её иностранным налоговым органам по месту резидентства владельцев счетов. В частности, информация должна включать в себя сведения о банковских счетах нерезидентов: номера счетов, имена держателей счетов (физических лиц, компаний, трастов), наименования банков, ведущих счета, сведения об остатках средств на счетах.

Вступление в CRS MCAA позволило российским налоговым органам результативно осуществлять надзор за исполнением российскими резидентами законодательства о контролируемых иностранных компаниях (сокращённо принята аббревиатура КИК). 08 февраля 2019 года ФНС России опубликовала приказ от 04.12.2018 № ММВ-7-17/786¹, которым был утверждён список офшоров, не обеспечивающих обмен налоговой информацией с Российской Федерацией. Перечень введён для целей, установленных статьёй 25.13-1 НК РФ². Данная норма права подразумевает освобождение прибыли контролируемой иностранной фирмы от налогообложения, если её постоянное местонахождение – государство, с которым у Российской Федерации заключён международный договор по вопросам налогообложения. Таким образом, исключения составляют государства, не обеспечивающие надлежащий обмен информацией с Россией для целей налогообложения.

Сам список носит информационный характер, но владельцам компаний, вошедших в этот список, необходимо лично платить налог на всю нераспределённую прибыль контролируемой иностранной организации. Компании из списка имеют дело с более повышенным вниманием налоговых органов, а их владельцам необходимо ежегодно

---

¹ Государственная система правовой информации [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902080024>.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019).

предоставлять в налоговый орган положительное аудиторское заключение о деятельности компании. Тогда как для КИК, находящихся в странах, которые не входят в этот список, предусмотрены определенные льготы.

Примером крупнейшего плательщика в России в 2019 году с прибыли контролируемой иностранной компании, кипрской FletcherGroupHoldings, явился владелец Новолипецкого металлургического комбината, который занимает вторую строчку в российском списке Forbes¹ – Владимир Лисин. В 2019 году его платёж обеспечил до трёх четвертей всех поступлений НДС с прибыли контролируемых иностранных компаний в России. Владимир Лисин платит налог в Липецке, где он зарегистрирован, что позволило Липецкой области занять второе место после Москвы по поступлениям в консолидированный бюджет региона налога на доходы физических лиц (НДФЛ) с сумм прибыли контролируемой иностранной компании².

Таким образом, в настоящее время офшоры уже перестали быть такими, какими их привыкли считать. С введением автообмена офшоры постепенно выходят из тени, однако обмен информацией с налоговыми органами происходит в порядке приоритетов. Информация в первую очередь предоставляется тем странам, которые важны, с точки зрения будущего сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Обухова Е., Огородников Е. Пора возвращаться с островов // Эксперт. 28.01.2015. № 4.
2. Чухнина Г. Я. Мониторинг способов совершенствования международных налоговых преступлений // Финансы и кредит. 2013. №36.
3. Тимофеева, О. Ф., Крестьянинова, М. И. Офшорные юрисдикции как инструмент международного налогового планирования: мировой опыт их создания / О. Ф. Тимофеева, М. И. Крестьянинова // Мир Науки. 2014. № 1.
4. Эволюция офшорного бизнеса / Воронина А. М. Финансы и кредит. № 13 (217). 2014.

---

¹ Рейтинги самых богатых бизнесменов России [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/rating/374633-200-samyh-bogatyh-biznesmenov-rossii-2019-reyting-forbes>

²Данные ФНС на 1 сентября 2019 года [Электронный ресурс] URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8498862

5. Конвенция ООН об условиях регистрации судов 1986 г., заключённая в Женеве // СПС «КонсультантПлюс» / [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

6. Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», заключённая в Вене 20 декабря 1988 года / Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М. 1994. С. 13157.

7. Конвенция Совета Европы №141 «Об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», заключённая в Страсбурге 08 ноября 1990 года / СЗ РФ. 20 января 2003 года. №3. Ст. 203.

8. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Подписана в 2000 году, Палермо, Италия / СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

9. Резолюции Совета Безопасности ООН: 1373 (2001) «О борьбе с международным терроризмом», 1368 (2001) «В связи с террористическими актами в США» / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

10. Перевод названия организации и аббревиатура на русском языке ратифицированы Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» от 29.10.1998 г. № 164 / СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 04 августа 2014 года. № 31. Ст. 4398.

12. Гражданский кодекс российской Федерации, от 26 ноября 2001 №1464-ФЗ, раздел VI, международное частное право // Российская газета. № 233 от 28 ноября 2001.

13. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ, в редакции от 30 июля 2019 года. Опубликован 02 августа 2019 года / [Электронный ресурс] Портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

14. Рейтинги самых богатых бизнесменов России [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/rating/374633-200-samyh-bogatyh-biznesmenov-rossii-2019-reyting-forbes>

Научно-информационный журнал «Вестник Международного юридического института»

- публикуется на сайте Международного юридического института: <http://lawacademy.ru/plan/nauchno-informatsionnyy-zhurnal-vestnik-myui>;
- размещается на портале научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, который является крупнейшим российским информационно-аналитическим порталом в области науки, технологии, медицины и образования;
- поставляется в Российскую книжную палату экземпляр на государственную регистрацию в информационной системе «Государственная библиография».

